

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

The background of the cover is a stylized, abstract illustration. It features a large, bright yellow and orange flame-like shape in the center, which appears to be a fire or a powerful light source. Within this bright area, there is a faint, dark silhouette of a person standing. The surrounding space is filled with swirling, wavy patterns in shades of orange, red, and brown, suggesting a cavernous or fiery environment. The overall style is reminiscent of mid-20th-century pulp magazine art.

Огненный СТОЛП

Огненный СТОЛП

Сборник
фантастических рассказов

Издательство
«ФЛОКС»
Нижний Новгород
1991 г.

84.7 США

038

Художник
В. Ан

038 Огненный столп. Сборник фантастических рассказов.
/Пер. с англ. Сост. Сергей Барсов.— Н. Новгород, «Флокс»,
1991 — 272 с.
ISBN 5-87198-005-8

В сборник вошли новые переводы рассказов ведущих мастеров научной фантастики:
Генри Каттнера (1914—1958), Рея Брэдбери и Альфреда Э. Ван Вогта.
Большинство рассказов издаются на русском языке впервые.

О 4703040100—000 без объявл.
000—91

ББК 84.7 США

ISBN 5-87198-005-8

© Издательство «Флокс». Перевод, составление
© Владимир Ан. Оформление

Henry KUTTNER

Генри КАТТНЕР

НОЧНАЯ БИТВА

ПРОЛОГ

На самом дне, в полумиле под поверхностью неглубокого венерианского моря стоит черный купол из импервиума, закрывающий Крепость Монтана. Внутри идет карнавал: монтанцы празднуют четырехсотую годовщину высадки землян на Венеру.

Под этим большим куполом, защищающим город, все ярко, разноцветно и весело. Мужчины и женщины в масках, в целлофане и шелке бродят по широким улицам, смеются и пьют крепкое венерианское вино. Дно моря и гидропонные бассейны очистили перед праздником от деликатесов, чтобы украсить столы благородно рожденных.

Сквозь карнавал скользят мрачные тени — это мужчины, по лицам которых видно, что они принадлежат к Свободным Отрядам. Нарядная одежда не в силах скрыть этой печати, оплаченной кровью и годами борьбы. Под масками домино у них жесткие и суровые лица. В противоположность жителям подводных куполов, их кожа загорела от ультрафиолетовых лучей, проникающих сквозь облачный покров Венеры. Они — неприятное добавление к карнавалу; их уважают, но не любят. Они — Свободные Солдаты...

Все это происходит девять веков назад, под поверхностью Моря Мелей, чуть севернее экватора. Вся облачная планета усеяна подводными Крепостями, и жизнь ее не изменится еще много столетий. Оглядываясь назад, как мы сейчас, с высот цивилизованного тридцать четвертого века, можно легко заметить, что жители Крепостей были глупыми, грубыми и фанатичными дикарями.

Уже давно исчезли Свободные Отряды, острова и континенты планеты покорены, войн нет. Зато в периоды перемен и яростного соперничества всегда шла какая-нибудь война. Крепости боролись друг с другом, и каждая прилагала все усилия, чтобы выбить у другой ядовитые зубы, лишив ее запасов кориума — главного источника силы в те дни. Студентам, занимающимся этим периодом, очень нравится изучать легенды, отыскивая в них общественные и геополитические тенденции. Хорошо известно, что лишь один фактор уберег Крепости от взаимного уничтожения. Это

было джентльменское соглашение, определяющее, что война — дело солдат. Оно позволило подводным городам развивать науку и культуру. Подобный компромисс был, вероятно, неизбежен и привел к появлению Свободных Отрядов — странствующих групп высококвалифицированных наемников, которых приглашали для сражения, когда какую-то Крепость атаковали или она сама хотела кого-то атаковать.

Ап Таурн в своем памятном «Цикле Венеры» излагает эту сагу символическими легендами. Многие источники увековечили чистую правду, которая, к несчастью, слишком часто бывает жестокой. Однако мы, как правило, не помним, что обязаны нашим нынешним высоким уровнем культуры именно Свободным Солдатам. Именно благодаря им война не получила возможности занять место мирной общественной и научной работы, она была узкоспециализирована, а развитие техники привело к тому, что человеческая сила уже не имела особого значения. Отряды Свободных Солдат насчитывали по несколько тысяч человек, и лишь изредка — больше.

Отрезанные от нормальной жизни в Крепостях, они вели странную одинокую жизнь. Их заранее обрекали на гибель, но они были необходимы, как допотопные животные, из которых в конце концов возник гомо сапиенс. Без этих солдат Крепости втянулись бы в тотальную войну с роковым для себя исходом.

Свободные Солдаты — жесткие, рыцарственные и неукротимые, служащие богу войны так, что в конце концов его же и уничтожили — они продирались сквозь страницы истории, а за ними в туманном воздухе Венеры плыло знамя Марса. Обреченные на гибель, как тиранозавры, они так же яростно сражались, и в конце концов — ушли.

Стоит, однако, взглянуть на место, которое они занимали в Морской Эре. Благодаря им цивилизация достигла и значительно превзошла уровень, до которого некогда развилась на Земле.

Свободные Солдаты занимают важное место в межпланетной литературе. Впрочем, сейчас они уже перешли в легенды, поскольку были воинами, а войны исчезли сразу после Объединения. Однако, они ближе нам, чем люди Крепостей.

Эта история, опирающаяся и на легенды, и на факты, рассказывает о типичном солдате того времени. Впрочем, возможно, что он никогда не существовал...

Скотт выпил обжигающий уискеплюс и оглядел прокуренную таверну. Это был сильный, плечистый мужчина с каштановыми волосами, слегка припорошенными сединой, и с подбородком, чуть

попорченным старым шрамом. Ему было за тридцать, выглядел он, как ветеран, которым и был на самом деле, и проявлял достаточное здравого рассудка, чтобы носить скромную одежду из целофлекса, а не крикливые шелка и радужные ткани, от которых вокруг рябило в глазах.

Снаружи, за прозрачными стенами, веселящаяся толпа фланировала по движущимся Дорогам, но в таверне царила тишина, и слышен был только голос арфиста, поющего старую балладу. Наконец песня кончилась. Раздались жидкие хлопки, после чего из динамиков, висящих высоко под потолком, полилась оглушительная мелодия. Настроение тотчас переменялось. Мужчины и женщины в ложах и возле бара засмеялись и оживленно заговорили. Пары начали танцевать.

Худощавая загорелая девушка с черными блестящими кудрями, рассыпанными по плечам, сидевшая рядом с Брайаном, вопросительно взглянула на него.

— Хочешь, Брайан?

Губы Скотта скривила вымученная улыбка.

— Пожалуй, Джина.

Он встал, а она грациозно скользнула в его объятия. Брайан танцевал не очень хорошо, но недостаток умения возмещал тем, что подлаживался под девушку. Джина подняла к нему лицо с высокими скулами и ярко-пурпурными губами.

— Забудь о Бинне. Он просто старается тебя завести.

Скотт глянул в сторону дальней ложи, где две девушки сидели в обществе мужчины — лейтенанта Фредерика Бинне из Отряда Дуне. Это был высокий костлявый человек со злым лицом, его правильные черты то и дело кривила саркастическая усмешка. Его темные глаза скрывались под кустистыми бровями. Он как раз показывал на танцующую пару.

— Знаю, — сказал Скотт. — И это ему удастся. Ну и черт с ним! Теперь я капитан, а он по-прежнему лейтенант. Ему не повезло. В следующий раз он будет лучше слушать приказ и не покинет строй, пытаясь атаковать тараном.

— Так как же оно было? — спросила Джина. — Об этом так много толкуют...

— Как всегда. Бинне ненавидит меня много лет — впрочем, взаимно. Мы просто не переносим друг друга, и так было всегда. Каждый раз, когда меня повышали, он грыз ногти с досады. Если хорошо посчитать, он служит дольше меня и заслуживает продвижения в первую очередь, но уж слишком он большой индивидуалист, причем в самые неподходящие моменты.

— И много пьет, — добавила Джина.

— Это пусть. Мы уже три месяца в Крепости Монтана, и ребят замучило безделье. И такое отношение тоже. — Скотт кивнул в

сторону двери, где Свободный Солдат спорил с хозяином.— Сержантам, видите ли, вход запрещен. Черт бы их всех побрал!

Из-за шума они не могли слышать разговора, но смысл его не вызывал сомнений. Наконец солдат пожал плечами, выругался и ушел. Толстый мужчина в пурпурных шелках одобритительно заметил: «...не хотим здесь... никаких... солдафонов!»

Лейтенант Бинне встал и подошел к ложе толстяка. Руки его едва заметно дрожали. Плевать на этого штатского. Пойдет только на пользу, если Бинне расквасит ему морду. Похоже, так он и будет — толстяк сидел с девушкой и вовсе не собирался отступать. Бинне говорил ему что-то явно оскорбительное.

Вспомогательный динамик выбросил из себя несколько быстрых слов, потерявшихся в общем гомоне. Однако тренированное ухо Скотта ухватило их смысл. Он кивнул Джине, многозначительно чмокнул и сказал:

— Вот так-то.

Девушка тоже услышала и отпустила его. Капитан направился к ложе толстяка как раз в тот момент, когда началась драка. Штатский, красный, как индюк, ударил внезапно, случайно попав в худую щеку Бинне. Лейтенант, неприятно улыбаясь, сделал шаг назад, сжимая кулаки. Скотт схватил его за плечо.

— Спокойно, лейтенант.

Бинне яростно повернулся.

— Не твое дело. Дай мне...

Толстяк заметил, что его противник отвлекся, почувствовал прилив храбрости и напал. Скотт заслонил Бинне и наотмашь ударил штатского по лицу, одновременно сильно толкнув. Толстяк повалился на свой столик, а когда поднялся, увидел в руке Скотта оружие.

— Займитесь лучше вязанием,— сухо посоветовал ему капитан.

Толстый мужчина облизал губы, заколебался и сел, бормоча что-то о чертовых сукиных детях — Свободных Солдатах.

Бинне старался освободиться и был уже готов ударить капитана. Скотт спрятал оружие в кобуру.

— Приказ,— сказал он, кивая на динамик.— Слышал?

— ...мобилизация. Людям Дуне собраться в штабе. Капитану Скотту явиться в Администрацию. Немедленная мобилизация...

— Да,— сказал Бинне, все еще взбешенный.— О'кей, я понял. Однако, есть еще время раздавить эту гниду.

— Ты не знаешь, что такое немедленная мобилизация? — буркнул Скотт.— Может, придется сразу выступать. Это приказ, лейтенант.

Бинне неохотно отсалютовал и ушел, а Скотт направился к

своей ложе. Джина взяла перчатки и сумочку, быстро подкрасила губы. Совершенно спокойно она взглянула на него.

— Я буду дома, Брайан. Удачи.

Он быстро поцеловал ее, чувствуя нарастающее возбуждение, вызванное перспективой близкого боя. Джина понимала его чувства. Улыбнувшись, она легонько провела рукой по его волосам, встала, и они бок о бок вышли в веселый беспорядок Дорог.

Душистый ветерок коснулся лица Скотта, и капитан с отвращением скривился. Во время карнавалов Крепости становились для Свободных Солдат еще менее приятны, чем обычно. Они еще мучительнее ощущали пропасть, отделявшую их от жителей подводных городов. Скотт проложил себе дорогу сквозь толпу, таща Джину к скоростному центральному полотну. Они нашли себе сидячие места.

На перекрестке в форме клеверного листа Скотт покинул девушку и направился в сторону Администрации — группы высоких зданий в центре города, где располагались основные технические и политические оффисы. Только лаборатории находились в пригородах, ближе к основанию Купола. Примерно в миле от города стояло несколько маленьких исследовательских куполов, но ими пользовались только для самых опасных экспериментов. Взглянув вверх, Скотт вспомнил катастрофу, превратившую науку в подобие масонской логи. Над ним, над центральной площадью висел свободный от пут гравитации глобус Земли, полуприкрытый черным пластиковым саваном. В каждой Крепости на Венере была такая же вечная памятка об утраченной родной планете.

Взгляд Скотта последовал еще дальше, к Куполу, словно мог пройти сквозь импервиум, полмили воды и облачный покров к висящей в пространстве белой звезде, светимостью в четыре раза меньше Солнца. Звезда — вот все, что осталось от Земли с тех пор, как два столетия назад ученые расщепили атом. Катастрофа ширилась, как огонь, перепахивая континенты, сравнивая горы с равнинами. В библиотеках хранились видеозаписи этого апокалипсиса. Возникла религиозная секта — Люди Нового Суда — призывавшая к полному уничтожению науки; еще по сей день кое-где существовали последователи этого учения. Однако оружие было выбито из рук секты, когда техники объединились, раз и навсегда запретив эксперименты с атомной энергией и решив, что ее применение должно караться смертью. Они не принимали никого в свое сообщество без обязательной «Клятвы Минервы».

«...работать на благо людей... предпринимая все возможные предосторожности... получать у властей разрешение на прове-

дение рискованных экспериментов, представляющих опасность для человечества... никогда не забывать оказанного нам доверия и всегда помнить о смерти родной планеты, вызванной неправильным использованием знания...»

Земля. Скотт считал, что это был странный мир. Например, там был солнечный свет, не профильтрованный сквозь облачный покров. На Земле оставалось немного неизученных районов, а здесь, на Венере, где еще не освоили континенты, было одно сплошное пограничье. В Крепостях царила высокоспециализированная общественная культура, а на поверхности царил первобытный лес, там только Свободные Солдаты держали свои форты и флот. Флот служил для сражений, а в фортах жили техники, поставившие новейшие средства для ведения войн. Крепости терпели визиты Свободных Отрядов, но не давали им места для штаб-квартир — настолько сильна была неприязнь, настолько глубоок был в их сознании раскол между войной и развитием культуры.

Движущаяся дорога под ногами Скотта превратилась в лестницу, поднимая его к зданию Администрации. Скотт перешел на другую Дорогу, доставившую его к лифту, и спустя несколько минут стоял перед портьерой с портретом Дэна Кросби, президента Крепости Монтана.

— Входите, капитан, — донесся голос Кросби, и Скотт, пройдя за портьеру, оказался в небольшой комнате: стены были покрыты фресками, а большое окно открывало вид на город. Кросби сидел за столом. «Он похож на старого усталого клерка, сошедшего со страниц Диккенса», — вдруг подумал Скотт. Однако, Кросби был одним из крупнейших социополитиков Венеры.

Цинк Рис, командир Свободного Отряда Дуне, сидел в кресле, являя собой полную противоположность Кросби. Казалось, вся влага из тела Риса испарилась под влиянием ультрафиолета много лет назад, оставив мумию из коричневой кожи и мышц. В этом мужчине не было ни следа мягкости, его улыбка больше походила на гримасу, а мускулы под смуглой кожей — на тросы.

Скотт отсалютовал, и Рис жестом разрешил ему сесть. Тлеющий в глазах цинка жар был многозначителен — орел упивался запахом крови. Кросби почувствовал это, и на его бледном лице появилась саркастическая улыбка.

— Каждый должен делать свою работу, — с иронией сказал он. — Думаю, после такого долгого отпуска я стал бы никуда не голен. Но на этот раз, цинк Рис, вас ждет серьезная битва.

Мускулистое тело Скотта автоматически напряглось. Рис взглянул на него.

— Атакуют Крепость Вирджиния. Они наняли Морских Дьяволов, отряд Флинна.

Воцарилась тишина. Обоим Свободным Солдатам не терпелось обсудить все аспекты дела, но они не хотели начинать этот разговор в присутствии штатского, даже если это сам президент Крепости Монтана. Кросби встал.

— Значит, с деньгами вопрос решен?

— Да,— подтвердил Рис.— Думаю, битва произойдет через несколько дней. Вероятно, вблизи Венерианской Впадины.

— Хорошо. Надеюсь, вы позволите мне выйти на несколько минут? Я буду...— Не закончив фразы, он откинул портьеру и вышел. Рис угостил Скотта сигаретой.

— Капитан, вы что-нибудь знаете о Морских Дьяволах?

— Спасибо. Знаю, что одни мы не справимся.

— Верно. У нас нет ни людей, ни вооружения. А Морские Дьяволы недавно объединились с Легионом О'Брайена, после того как сам О'Брайен погиб в той полярной авантюре. Это сильный отряд, очень сильный. К тому же у них есть своя особенность — они предпочитают атаковать подводными лодками. Думаю, придется использовать план Н-7.

Скотт зажмурился, мысленно представляя себе картотеку. Каждый отряд Свободных Солдат имел постоянно обновляемые планы боевых действий применительно к другим отрядам. Их уточняли, когда происходили перегруппировки, когда военные единицы объединялись и менялось равновесие сил в пользу какой-либо стороны. Планы были настолько детальны, что их можно было реализовать в любой момент. План Н-7, насколько помнил Скотт, предполагал использование услуг Банды, небольшого, но отлично организованного отряда Свободных Солдат под командой цинка Тома Мендеса.

— Хорошо,— сказал Скотт.— Мы можем их нанять?

— Пожалуй. Цена еще не определена. Я связывался с ними по телевидео на тайном канале, но они уходят от прямого ответа. Мендес ждет до последней минуты, чтобы продиктовать свои условия.

— Чего они хотят?

— Пятьдесят тысяч наличными и пятьдесят процентов добычи.

— По-моему, и тридцати хватит.

Рис согласился и добавил:

— Я предложил ему тридцать пять. Я думаю послать тебя в их форт с неограниченными полномочиями. Конечно, можно обратиться и к другому отряду, но у Мендеса отличные суда с подводными детекторами, идеально подходящие против Морских Дьяволов. Может, мы договоримся по телевидео, но если нет, тебе придется поехать к Мендесу и попытаться купить его услуги, сбив цену ниже пятидесяти процентов.

Скотт потер старый шрам на подбородке.

— А тем временем лейтенант Бинне будет отвечать за мобилизацию. Когда...

— Я связался с нашим фортом. Воздушные транспортники уже в пути.

— Это будет неплохая битва, — ответил Скотт, и взгляды мужчин встретились. Рис тихо засмеялся.

— И неплохая добыча. У Крепости Вирджиния много кориума... не знаю — сколько, но много.

— Чем на этот раз вызвано нападение?

— Думаю, как обычно, — равнодушно ответил Рис. — Имперские замашки. Кто-то из Крепости Вирджиния разработал новый план овладения остальными крепостями. Все как всегда.

Когда портьера на дверях отошла в сторону, они встали, приветствуя президента Кросби, какого-то мужчину и девушку. Мужчина выглядел молодо, его лицо еще не застыло под воздействием жгучих лучей. Девушка была прелестна, немного напоминала пластиковую куклу. Волосы ее были острижены по моде, а глаза, как обратил внимание Скотт, имели редкий оттенок зелени. Вообще, красота ее была необычна — девушка очаровывала с первого взгляда.

— Моя племянница, Илен Кэн, — сказал Кросби, — и племянник Норман Кэн. — Он представил офицеров, и все заняли свои места.

— Может, чего-нибудь выпьем? — предложила Илен. — Здесь у вас отвратительно официально. Кроме того, война еще не началась.

Кросби покачал головой.

— Никто не звал тебя сюда. Не пытайся превратить совещание в вечеринку, у нас мало времени.

— Хорошо, — буркнула Илен. — Я могу подождать. — Она с интересом разглядывала Скотта.

— Я хотел бы вступить в Свободный Отряд Дуне, — вставил Норман Кэн. — Заявление я уже подал, но сейчас, когда вот-вот начнется война, мне бы очень не хотелось ждать, пока его рассмотрят. Поэтому...

Кросби взглянул на Риса.

— Я поддерживаю его просьбу, хотя решение, конечно, за вами. Мой племянник не такой как все — он романтик и никогда не любил жизнь в Крепости. Год назад он уехал и вступил в отряд Старлинга.

— В эту банду? — Рис поднял брови. — Это не рекомендация, Кэн. Они даже не имеют статуса Свободного Отряда. Скорее, это банда террористов, совершенно лишенных этики. Говорят даже, что они используют атомное оружие.

Кросби удивленно посмотрел на него.

— Этого я не слышал.

— Это всего лишь слухи. Если они когда-нибудь подтвердятся, Свободные Отряды — все до единого — объединятся и разнесут Старлинга в пыль.

Норман Кэн смутился.

— Я вел себя глупо. Но мне хотелось участвовать в сражениях, а группа Старлинга приняла меня.

Цинк откашлялся.

— Это они могут. Лихие романтики, не понимающие, что такое война. У них всего лишь десятка полтора техников. И никакой дисциплины — как у пиратов. Современную войну, Кэн, не могут выиграть романтические дикари, гоняющиеся за безнадежными иллюзиями. Современный солдат — это тактик, который знает, как думать и как объединять все в одно целое, и к тому же дисциплинированный. Если ты вступишь в наш Отряд, придется забыть все, чему ты научился у Старлинга.

— Так вы меня берете?

— Боюсь, это не совсем разумно. Сначала ты должен пройти обучение.

— У меня есть опыт...

— Вы окажете мне личное одолжение, цинк Рис, — сказал Кросби, — если согласитесь взять его. Раз уж мой племянник хочет стать солдатом, охотнее всего я отдал бы его в Отряд Дуне.

Рис пожал плечами.

— Ну, хорошо. Капитан Скотт распорядится насчет тебя, Кэн. И помни: дисциплина играет у нас решающую роль.

Парень с трудом сдержал радостную улыбку.

— Спасибо!

— Капитан, — дополнил Рис.

Скот встал, кивнул Кэну, и они вместе вышли. В приемной находился телевидеопередатчик, и Скотт вызвал штаб Дуне в Крепости Монтана. Оператор, принявший вызов, вопросительно смотрел на него с экрана.

— Говорит капитан Скотт. У нас пополнение.

— Да, капитан. Готов фиксировать.

Скотт вытолкнул Кэна вперед и приказал:

— Сделай снимок этого человека, он отправляется прямо в штаб. Имя — Норман, фамилия — Кэн. Внеси его в список без обучения — личный приказ цинка Риса.

— Принято, капитан.

Скотт выключил аппарат. Кэн никак не мог справиться с улыбкой.

— Готово,— буркнул капитан с ноткой симпатии в голосе.— Все улажено. Какая у тебя специальность?

— Водолеты, капитан.

— Хорошо. И еще одно. Не забывай, что сказал цинк Рис. Дисциплина чертовски важна, а ты, возможно, еще не до конца понял это. Сейчас идет не война плаща и кинжала, не кавалерийская атака. Увлечательные приключения — все это ушло в прошлое вместе с крестonosцами. Выполняй приказы, и у тебя не будет неприятностей. Удачи.

— Спасибо, капитан.— Кэн отсалютовал и ушел, широко шагая и раскачиваясь на ходу. Скотт усмехнулся. От этого парень быстро отучится.

Голос, донесшийся сбоку, заставил его резко повернуться. Рядом стояла Илен Кэн, стройная и прелестная в одежде из целюфлекса.

— Несмотря ни на что, вы достаточно человечны, капитан,— заметила она.— Я слышала, что вы говорили Норману.

Скотт пожал плечами.

— Я сказал это для его блага и для блага Отряда. Один безрассудный солдат может причинить массу неприятностей, мисс Кэн.

— Я завидую Норману,— ответила она.— Вы ведете восхитительную жизнь, и мне бы тоже хотелось так пожить — не очень долго. Я — один из тех бесполезных отходов цивилизации, которые совсем уж ни для чего не пригодны. По этой причине один свой талант я довела до совершенства.

— Какой?

— Думаю, вы назвали бы это гедонизмом. Я наслаждаюсь жизнью, это редко бывает причиной скуки, но именно ее я сейчас испытываю. Мне нужно поговорить с вами, капитан.

— Слушаю,— сказал Скотт.

Илен Кэн скривилась.

— Неверный семантический термин. Я бы хотела проникнуть в вашу психологию, но безболезненно. Скажем, ужин и танцы — это реально?

— Сейчас нет времени,— ответил Скотт.— В любой момент мы можем получить приказ.— Он не был уверен, хочет ли пойти с этой девушкой, хотя она его заинтересовала. Илен представляла собой самую интересную часть неизвестного ему мира, остальные же части его совершенно не интересовали. Геополитика или наука, не связанная с армией, ничего не говорили Скотту, были слишком чужды для него. Однако все миры соприкасаются в одной точке — удовольствии. Скотт еще мог понять развлечения подводного общества, но был не в состоянии чувствовать симпатию к их работе или обычаям.

Портьера откинулась, вошел цинк Рис, прищурился.

— Мне нужно кое-что вам передать, капитан, — объявил он.

Скотт понял значение этих слов: прошли предварительные переговоры с цинком Мендесом. Он кивнул головой.

— Слушаюсь. Мне явиться в штаб?

Суровое лицо Риса как будто расслабилось, когда он взглянул на Илен, а потом на Скотта.

— До рассвета можешь быть свободен. До тех пор ты мне не нужен, но в шесть утра явись. Несомненно, у тебя есть личные дела.

— Понял, цинк. — Скотт смотрел, как Рис выходит. Конечно, он имел в виду Илен, но она этого не знала.

— Ну как? — спросила она. — Я отвергнута? Могли хотя бы поставить мне выпивку.

Времени было множество.

— С удовольствием, — ответил Скотт. Илен протянула ему руку, и они спустились на лифте на уровень земли.

Когда они поднялись на одну из Дорог, Илен повернула голову и перехватила взгляд Скотта.

— Я кое-что забыла, капитан. Вы могли условиться с кем-нибудь заранее, а я даже...

— Я ничего не планировал, — ответил он. — Ничего существенного.

И это была правда. Поняв ее, он почувствовал благодарность к Джине. Связь с ней была довольно своеобразной и самой разумной при его профессии. Это называли свободным супружеством. Джина была ему не женой и не любовницей, а чем-то средним. Свободные Солдаты не имели твердой основы для семейной жизни. В Крепостях они были гостями, а в своих фортах — солдатами. Взять женщину в форт — все равно, что оставить корабль на линии огня. Вот почему женщины Свободных Солдат жили в Крепостях, перебираясь из одной в другую следом за своими мужчинами, а поскольку над ними всегда висела тень смерти, связь эта была достаточно свободной. Джина и Скотт жили в свободном супружестве пять лет, никогда не ставя друг другу никаких условий. Никто не ждал верности от Свободного Солдата. Они подчинялись железной дисциплине, и когда ненадолго расслаблялись в периоды мира, маятник отклонялся в обратную сторону.

Для Скотта Илен была ключом, который мог бы открыть двери Крепости — двери, ведущие в мир, к которому он не принадлежал и которого не мог до конца понять.

Скотт обнаружил такие изыски, о существовании которых даже не подозревал. Илен, страстная гедонистка, посвящала свою жизнь именно таким тонкостям, они составляли смысл всех ее действий. Например, такая мелочь: чтобы придать особый вкус крепкому коктейлю Лунный Цветок, нужно процеживать его через насыщенный лимонным соком кусочек сахара, зажатый между зубами. Скотт принадлежал к людям, пьющим уисквеплюс, и как каждому среднему солдату, ему нравилось то, что он называл гидропонными напитками. Однако коктейли, предложенные Илен, действовали не менее успешно, чем терпкий, жгучий, янтарный уисквеплюс. В ту ночь она научила его таким тонкостям, как паузы между глотками, чтобы вдохнуть газа счастья, как объединение чувственного возбуждения с психическим при помощи аттракционов лунапарка. Все это могла знать только девушка вроде Илен. Однако, она не была типичной обитательницей Крепостей. По ее словам, она была отростком, случайным и бесполезным цветком на большой виноградной лозе, тянувшейся вверх многими побегами — учеными, техниками и социополитиками. Илен, как и Скотт, была по-своему обречена на гибель. Подводные жители служили Минерве, Скотт — Марсу, а Илен — Афродите, не только как богине любви, но и как покровительнице искусства и наслаждения. Между Скоттом и Илен была такая же разница, как между Вагнером и Штраусом, между гремющими аккордами и переливчатыми арпеджио. В обоих крылась приглушенная горько-сладкая печаль, на которую сами они редко обращали внимание. Их объединяло чувство неопределенной безнадежности.

Во время карнавала ни Илен, ни Скотт не надевали масок. Лица их сами по себе были как бы масками. Оба развили в себе сдержанность, хотя каждый своим способом. Сжатые губы Скотта сохраняли свое сильное выражение, даже когда он улыбался. А Илен улыбалась так часто, что это не имело никакого значения.

Далеко за полночь они сидели на Олимпе, и стены вокруг них словно бы исчезли. Быстро гонимые волны серых, слегка подсвеченных туч хаотично проплывали мимо, приглушенные воем искусственного ветра. Они были в одиночестве, словно боги.

«Земля же была безвидна и пуста, и дух божий носился над водою...»¹ Вне этого помещения не существовал ни один человек, ни один мир; здесь автоматически менялись ценности, а психические тормоза не имели смысла.

Скотт лег поудобнее на полупрозрачном кресле, похожем на

¹Ветхий Завет. Книга Бытие, гл. 1, ст. 2.

облако. Илен поднесла к его ноздрям баллончик с газом счастья, но капитан покачал головой.

— Не сейчас, Илен.

Она выпустила баллончик, и он покатился по полу.

— Я тоже не хочу. Излишек вызывает пресыщение, Брайан. Всегда должно оставаться что-то непознанное, такое, что можно попробовать в следующий раз. У тебя это есть, у меня — нет.

— Каким это чудом?

— Удовольствия... тут есть некие пределы человеческой выносливости. В результате я выработала в себе психическую и физическую устойчивость ко всему. Если же говорить о тебе, то твое приключение всегда последнее — ты не знаешь, когда придет смерть, не можешь ее предвидеть. Планировать наперед скучно, интересны только неожиданности.

Скотт покачал головой.

— Смерть тоже не интересна — это автоматическое перечеркивание всех ценностей. Или же... — он заколебался в поисках слов. — В этой жизни ты можешь планировать, можешь вырабатывать ценности, поскольку они опираются на некие основы. Скажем, на арифметику. А смерть — это переход к иным ценностям, совершенно тебе неизвестным. Законы арифметики неприменимы к геометрии.

— Думаешь, у смерти есть свои правила?

— Возможно, это полное отсутствие правил, Илен. Человек живет, зная, что жизнь подчинена смерти — на этом стоит цивилизация. Потому что цивилизация опирается на целую расу, а не на единицу. Общественный инстинкт.

Она серьезно смотрела на него.

— Вот уж не думала, что Свободный Солдат может оказаться философом.

Скотт закрыл глаза и расслабился.

— Крепости ничего не знают о Свободных Солдатах. И не хотят знать. А мы — люди. Интеллигентные люди. Наши техники так же хороши, как ученые Куполов.

— Но работают на войну.

— Война неизбежна, — заметил Скотт. — По крайней мере, сейчас.

— Ты мог бы сказать, как попал в это дело?

Он рассмеялся.

— О, тут нет никаких страшных тайн. Я вовсе не беглый убийца. Родился в Крепости Австралия. Отец был техником, зато дед — солдатом. Думаю, это у меня в крови. Я перепробовал много занятий и профессий, и все без толку. Мне хотелось чего-то такого... черт возьми, сам не знаю, чего. Такого, что захватывает

тебя всего, без остатка, как сражение. Это почти религия. Скажем, сектанты — Люди Нового Суда — явные фанатики, но их религия — единственная важная для них вещь.

— Это бородатые, грязные и не совсем нормальные люди.

— Потому что их религия основана на ложных предпосылках. Есть и другие религии, стоящие на иных принципах, но для меня и религия была бы слишком пресной.

Илен внимательно смотрела на его суровое лицо.

— Ты предпочел бы орден меченосцев? Или скажем, Мальтийских Рыцарей, сражающихся с сарацинами?

— Пожалуй. У меня не было никакой системы ценностей. Кроме того, я солдат.

— А какое значение имеют для тебя Свободные Отряды?

Скотт открыл глаза, улыбнулся девушке и стал вдруг похожим на мальчишку.

— В сущности, небольшое. Они действуют на чувства. Если подумать, поймешь, что это просто липа, такой же вздор как Люди Нового Суда. Войны — пережиток прошлого. У нас нет никакой настоящей цели. Думаю, большинство из нас понимают, что у Свободных Отрядов нет будущего. Через пару сотен лет...

— И все же ты остаешься с ними. Почему? Ведь не из-за денег же?

— Нет... Это как наркотик. Вспомни древних викингов с их безумной храбростью. Я вижу нечто общее между нами и ими. Для людей из фортов их Отряд — это отец, мать, ребенок и Господь всемогущий. Он сражается с другими Свободными Отрядами, но ненависти к ним не испытывает, ведь все они служат одному богу на глиняных ногах. Каждая победа или поражение приближает общий конец. Мы сражаемся, чтобы защитить культуру, которая в результате откажется от нас. Крепостям — когда они наконец объединятся — не нужны будут вооруженные силы. И я вижу в этом некую закономерность. Будь войны неотъемлемой частью цивилизации, каждая Крепость держала бы свою армию. Но они изолируются от нас; мы — неизбежное зло. Если бы можно было прямо сейчас покончить с войной! — Скотт непроизвольно стиснул кулаки. — Так много мужчин нашли бы свое счастье в Крепостях. Но пока будут существовать Свободные Отряды, будут и новые добровольцы.

Илен пила коктейль, глядя на серый хаос туч, волнами проплывающих мимо. В приглушенном мерцающем свете лицо Скотта походило на черную глыбу со светлыми пятнышками, мерцающими в его глазах. Она осторожно коснулась его руки.

— Ты солдат, Брайан, и не смог бы измениться.

Скотт горько улыбнулся.

— Конечно, нет, мисс Илен Кэн! Или ты думаешь, война — это

только нажимать на курок? Я армейский стратег, и это потребовало от меня десяти лет зубрежки более напряженной, чем в Техническом Институте Крепости. Я должен знать о войне все, начиная с траектории снаряда и кончая психологией толпы. Это самая крупная ветвь науки, известная в Системе. И самая бесполезная, поскольку война умрет максимум через несколько веков. Илен, ты никогда не видела форта Свободных Солдат. Это наука, настоящая наука, направленная исключительно на военные цели. У нас есть собственные психологи и инженеры, они рассчитывают все — от артиллерии до коэффициента трения на водолетах. У нас есть литейные заводы и мельницы. Каждый форт — это город, созданный для войны, подобно тому, как Крепость создана для технического прогресса.

— Это так сложно?

— Исключительно сложно и совершенно бесполезно. Многие из нас понимают это. Да, мы сражаемся, потому что это как наркотик. Мы обожаем Отряды и живем только во время войны, а это неполная жизнь. Жизнь людей в Крепостях значительно полнее. У них есть работа и развлечения, созданные специально для них. А для нас они не подходят.

— Для меня тоже, — заметила Илен. — Всегда найдутся неприспособленные. У тебя же есть *raison d'être*¹ — ты солдат. А я не могу вести жизнь, состоящую из одних удовольствий, но иного выхода у меня нет.

Пальцы Скотта сжали ее ладонь.

— Ты, по крайней мере, продукт цивилизации, а я стою вне ее.

— С тобою, Брайан, все могло бы стать лучше. На минуту. Сомневаюсь, что дольше.

— Да, могло бы.

— Это теперь ты думаешь так. Наверное, ужасно чувствовать себя тенью.

— Конечно.

— Я хочу быть с тобой, Брайан, — сказала Илен, повернув к нему лицо. — Хочу, чтобы ты приехал в Крепость Монтана и остался здесь. Мне нужна твоя сила, а я могу показать тебе, как лучше прожить такую жизнь, как в нее войти. Показать настоящий гедонизм. Ты мог бы, к примеру, составить мне компанию.

Скотт молчал, а Илен некоторое время вглядывалась в него.

— Неужели война так много для тебя значит? — спросила она наконец.

— Нет, — ответил он. — Вовсе нет. Это как воздушный шарик — ты знаешь, что внутри он пуст. Честь отряда! — Он рас-

¹ *Raison d'être* (фр.) — смысл существования.

смеялся.— Вообще-то, я не испытываю колебаний, я слишком долго был отделен. Общество не может базироваться на фантазиях, обреченных на вымирание. Я думаю, что главное — это мужчины и женщины, и ничего больше.

— Мужчины и женщины или человечество?

— Нет, не человечество,— неожиданно резко сказал он.— Пусть человечество идет к дьяволу — оно ничего для меня не сделало. Я могу приспособиться к новому образу жизни, не обязательно к гедонизму. Я — специалист во многих областях и смогу найти работу в Крепости Монтана.

— Как хочешь. Я никогда не пробовала. Наверное, я фаталистка. А... что будет с нами, Брайан?

В призрачном свете ее глаза сверкали, как изумруды.

— Я вернусь,— ответил Скотт.— Чтобы остаться.

— Вернешься? — спросила Илен.— А почему ты не останешься сейчас?

— Наверное, потому, что я полный идиот. Я нужен цинку Рису.

— Рису или Отряду?

Скотт хитро улыбнулся.

— Не Отряду. Просто у меня есть работа, которую нужно сделать. Я много лет был рабом, делал вид, что для меня важен явный вздор, знал, что поклоняюсь соломенному снопу... Нет, я хочу жить как ты, такой жизнью, о которой прежде ничего не знал. Я вернусь, Илен. Это серьезнее, чем любовь. По отдельности мы лишь половинки, а вместе можем составить целое.

Молча, не двигаясь, она смотрела на Скотта. Он наклонился и поцеловал ее.

На рассвете он вернулся домой. Джина уже упаковала его вещи и теперь спала, разметав темные волосы по подушке. Скотт не стал будить ее. Он тихо побрился, принял душ и оделся. Город был похож на чашу, до краев заполненную неподвижностью и ожиданием.

Когда, застегивая блузу, он вышел из ванной, стол был уже раздвинут, и перед ним стояли два стула. Вошла Джина в широком халате, поставила чашки и налила кофе.

— Доброе утро, солдат,— сказала она.— Найдешь время на завтрак?

— Угу.— Скотт, слегка поколебавшись, поцеловал ее. До этой минуты разрыв с Джиной казался ему простым делом. Она не будет протестовать. В конце концов, это главное в свободном супружестве. И все же...

Она села в кресло и распечатала пачку сигарет.

— Устал?

— Нет. Я навитаминизировался и чувствую себя вполне хорошо. — В большинстве баров имелись освежающие кабинеты, нивелирующие эффект слишком большого количества возбуждающих веществ, и Скотт действительно чувствовал себя хорошо. Он задумался, как сказать Джине об Илен, но она избавила его от этих забот.

— Если это девушка, Брайан, то не беспокойся. Нет смысла принимать решение, пока не кончилась война. Она долго продлится?

— Нет. Думаю, неделю. Ты же знаешь, одно сражение может все решить. Эта девушка...

— Надеюсь, не из Крепости?

— Из Крепости.

Джина удивленно уставилась на него.

— Ты спятил.

— Я как раз хотел объяснить, — нетерпеливо ответил Скотт. — Дело не только в ней. Мне осточертел Отряд Дуне, и я хочу покончить с этим.

— Таким образом?

— Да, таким образом.

Джина покачала головой.

— Женщины Крепостей слабы.

— Так и должно быть, ведь их мужчины не солдаты.

— Делай, как знаешь. Я буду ждать твоего возвращения. Понимаешь, Брайан, мы были вместе пять лет и хорошо приспособились друг к другу. Не из-за философии или психологии, тут все гораздо сложнее. Мы — это мы. Как мужчина и женщина, мы можем неплохо продолжать жить и дальше. А есть еще и любовь. Эти особые чувства важнее того, что находится где-то в перспективе. Тебя могут волновать будущие радости, но ты не можешь их переживать.

Скотт пожал плечами.

— Возможно, я начал забывать о планах на будущее и сосредоточился на Брайане Скотте.

— Еще кофе?... Я пять лет езжу за тобой от Крепости к Крепости, и каждый раз, когда ты идешь на войну, жду и гадаю, вернешься ли ты, зная, что являюсь просто частицей твоей жизни. Иногда мне казалось, что самой важной. Солдата в тебе семьдесят пять процентов, я — остальные двадцать пять. Я считала, что тебе нужны эти двадцать пять процентов, действительно нужны. Ты можешь найти себе другую женщину, но и она потребует для себя эти двадцать пять процентов.

Скотт ничего не ответил. Джина выдохнула дым.

— О'кей, Брайан. Я подожду.

— Дело здесь не только в той девушке. Случайно она подходит к модели, которая мне нужна. А ты...

— Я никогда не могла приспособиться к такой модели, — мягко ответила Джина. — Свободным Солдатам нужны женщины, готовые стать их женами. Если хочешь, незаконными женами. Главное здесь — не требовать слишком многого. Правда, есть и другие факторы. Нет, Брайан, даже ради тебя я не смогу превратиться в одну из жительниц Крепости. Это была бы уже не я. Я перестала бы себя уважать, ведя фальшивую, в моем представлении, жизнь. Да и ты перестал бы любить меня. Уж лучше оставаться собой — женой солдата. И пока ты будешь состоять в Отряде Дуне, я буду тебе нужна. Но если ты изменишься...

Скотт нахмурился и закурил.

— Трудно сказать точно.

— Может, я тебя не понимаю, но зато не задаю вопросов и не пытаюсь на тебя влиять. Пока ты нуждаешься во мне — я с тобой. Большого предложить не могу, но для Свободного Солдата и этого хватит. А для жителя Крепости этого либо слишком мало, либо слишком много.

— Мне будет тебя не хватать, — сказал он.

— Это мне будет тебя не хватать. — Хотя под столом она крепко сжимала пальцы, лицо ее не изменило выражения. — Уже поздно. Давай-ка, я проверю твой хронометр. — Джина наклонилась через стол, подняла руку Скотта и сравнила время на его часах с часами на стене. — О'кей. В дорогу, солдат.

Скотт встал, поправил ремень. Потом наклонился, чтобы поцеловать Джину. Она сначала отвернулась, но потом все же потянулась к нему.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Скотт быстро вышел. Девушка сидела неподвижно, в пальцах ее дымилась забытая сигарета. Брайан бросил ее ради другой женщины и иной жизни, но это вдруг стало не важным. Как всегда, так и теперь, важным было лишь то, что жизнь его снова подвергается опасности.

«Избавь его от всех бед, — думала она, не замечая, что молится. — Избавь его от всех бед».

А для нее наступили тишина и ожидание. По крайней мере, это не изменилось. Она взглянула на часы.

Минуты уже начали растягиваться.

III

Когда Скотт явился в штаб, лейтенант Бинне следил за посадкой на корабль последних людей Дуне. Он бодро козырнул капитану — похоже, ночная работа ничуть его не утомила.

— Все в порядке, капитан.
— Хорошо.— Скотт кивнул.— Цинк Рис здесь?
— Только что приехал.— Бинне указал на портьеру, а когда Скотт двинулся к ней, пошел следом.

— Что такое, лейтенант?

Бинне понизил голос.

— Бронсон подхватил лихорадку.— Он забыл добавить «капитан».— Он должен был командовать левым флангом флота. Я хотел бы получить это место.

— Посмотрю, что можно сделать.

Бинне поджал губы, но ничего не сказал. Он вернулся к своим людям, а Скотт вошел в кабинет цинка. Рис говорил по телевизору. Подняв голову, он прищурился.

— Добрый день, капитан. Я разговаривал с Мендесом.

— Да?

— Он продолжает настаивать на пятидесяти процентах возможного выкупа от Крепости Вирджиния. Придется тебе встретиться с ними. Постарайся получить их помощь меньше, чем за пятьдесят. И свяжись со мной из форта Мендеса.

— Принято, цинк.

— И еще одно. Бронсон в лазарете.

— Я слышал. Если на то пошло, по-моему, лейтенант Бинне вполне может принять командование левым флангом...

Однако цинк Рис поднял руку.

— Не сейчас. Мы не можем позволить себе поощрять индивидуализм. В прошлую войну лейтенант пытался действовать самостоятельно, а мы не можем рисковать! Думай о Дуне, а не о лейтенанте Бинне.

— Он хороший парень и отличный стратег.

— Но не очень силен во взаимодействии. Может, в следующий раз. Пусть левый фланг принимает лейтенант Гир, а Бинне ты держи при себе. Ему нужна дисциплина. И возьми водолет до Мендеса.

— Не самолет?

— Один из наших техников только что закончил подгонку экранирующих лучей для связи, и я хочу немедленно установить приборы на всех наших самолетах. Бери лодку, до форта Мендеса не очень далеко. Это тот длинный полуостров на юге Ада.

Этот континент даже на картах носил название Ад. Жара была лишь одной из причин. Даже хорошо снаряженные группы, исследующие джунгли, быстро начинали испытывать страшные мучения. На суше Венеры флора и фауна объединялись, не позволяя землянам заселить континент. Многие растения выделяли отравляющие газы. Существовать могли только сильно защищенные

прибрежные форты — именно потому, что были фортами.

Цинк Рис нахмурился, глядя на Скотта.

— Если нам удастся нанять Банду, применим план Н-7, в противном случае придется воспользоваться услугами какого-нибудь другого отряда. Однако, лучше обойтись без этого. У Морских Дьяволов слишком много подводных кораблей, а у нас мало детекторов. Постарайся сделать все возможное.

Скотт отсалютовал.

— Постараюсь, цинк.

Рис махнул рукой, отпуская капитана, и тот отправился в соседнее помещение, где наткнулся на одиноко сидящего лейтенанта Бинне. Офицер вопросительно посмотрел на него.

— Мне очень жаль, — сказал Скотт, — но на этот раз командовать левым флангом будет Гир.

Мрачное лицо Бинне налилось кровью.

— Жаль, что не дал тебе в морду перед мобилизацией, — сказал он. — Не выносишь соперников, а?

Ноздри Скотта расширились.

— Если бы это зависело от меня, ты получил бы левый фланг, Бинне.

— Ну, конечно. Все нормально, капитан. Где моя койка? Где мой водолет?

— Ты будешь вместе со мной на правом фланге. На командирском корабле «Мушкет».

— С тобой? Может, лучше сказать — под тобой? — быстро бросил Бинне. Глаза его горели. — Да-а-а...

Темные щеки Скотта тоже покрыл румянец.

— Это приказ, лейтенант, — рявкнул он. — Пришли ко мне пилота водолета. Я иду на поверхность.

Бинне молча повернулся к телевидеопередатчикам. Скотт вышел из штаба, с трудом сдерживая ярость. Бинне — кретин, плевал он на Дуне...

Тут он вспомнил и смущенно улыбнулся: ведь его самого мало волновал Отряд Дуне. Для индивидуалистов здесь не место. У них с Бине была одна сходная черта — ни тот, ни другой не пылал преданностью к Отряду.

На лифте он поднялся к вершине Купола. Внизу, сжимаясь до размеров кукольного домика, уменьшалась Крепость Монтана. Где-то там, внизу, осталась Илен. Он вернется к ней. Может, эта война не затянется надолго — редко случалось, чтобы войны длились дольше недели, разве что Отряд пробовал новую технику.

Воздушный шлюз он прошел в чем-то вроде пузыря — крепком, блестящем шаре с канатом вверх, внутри которого шел кабель. В шаре не было никого, кроме Скотта. С легким скреже-

том пузырь двинулся вверх. Вода за его стенами была сначала черной, потом — зеленой, а у самой поверхности — светло-серой. Мелькали морские животные, но Скотт их почти не замечал.

Наконец пузырь всплыл на поверхность. Поскольку атмосферное давление не менялось, надобности в декомпрессии не было. Скотт сразу открыл люк и вышел на одну из плавающих платформ, рассеянных по воде над Крепостью Монтана. Пара туристов забралась в камеру, которую он покинул, шар вновь погрузился и вскоре исчез из виду.

Вдали Отряд Свободных Солдат перегружался с большой платформы на воздушный паром. Скотт внимательно посмотрел вверх, оценивая погоду. Шторма быть не должно, хотя облачный покров был как обычно разодран ветрами, образуя кипящие вихри. Скотту вдруг вспомнилось, что битва, вероятно, произойдет над Венерианской Впадиной. Это может помешать планерам: над морем Мелей часто бывают тепловые вихри.

Приземистый, быстрый и удивительно маневренный водолет выскочил у мола. Пилот откинул верхний колпак и отсалютовал. Это был Норман Кэн, в опрятной, подогнанной форме. Видно было, что он готов улыбаться по любому поводу.

Скотт ловко перескочил на корабль и сел рядом с пилотом. Кэн закрыл прозрачный колпак и посмотрел на офицера.

— Какие приказы, капитан?

— Знаешь, где форт Банды Мендеса? Хорошо. Плыдем туда. И побыстрее.

Кэн стартовал с платформы; и за кормой поднялся занавес из капель воды, формой похожий на букву V. Эти кораблики с небольшой осадкой, маневренные и чрезвычайно быстроходные, были незаменимы в морских сражениях. Двигались они так быстро, что попасть в них было весьма сложно. Никакой брони не было: она снижала бы скорость, а вооружение составляли легкие пушки со снарядами большой разрывной силы. Экипаж состоял из двух человек. Водолеты хорошо дополняли более тяжелую артиллерию боевых транспортов и эсминцев.

Скотт угостил Кэна сигаретой. Парень заколебался.

— Мы не под обстрелом, — засмеялся капитан. — Это во время боя дисциплина обязательна, но сейчас ты вполне можешь со мной закурить. Бери. — Он прикурил для Кэна.

— Спасибо, капитан. Кажется, я слишком... усерден.

— Что ж, у войны свои законы. Их немного, но нарушать их нельзя. — Оба мужчины помолчали, глядя на серую пустую поверхность океана. Низко пролетел транспортный самолет.

— Илен Кэн твоя сестра? — спросил через несколько минут Скотт.

Кэн кивнул.

— Да, капитан.

— Я так и думал. Будь она мужчиной, она, пожалуй, вступила бы в Свободный Отряд.

Парень пожал плечами.

— Ну, не знаю. У нее нет... как бы это сказать... Она бы решила, что это требует слишком больших усилий. Кроме того, она не выносит дисциплины.

— А ты?

— Для меня важна борьба, капитан.— Подумав, он добавил: — Точнее, победа.

— Можно проиграть битву, даже если ты победил,— хмуро ответил Скотт.

— И все же я предпочитаю быть Свободным Солдатом, нежели кем-то другим. Не сказать, что у меня большой опыт...

— Военную практику ты проходил в банде Старлинга, так что, возможно, набрался там многого. Война сегодня — это не романтическое пиратство. Если бы солдаты Дуне захотели выигрывать сражения при помощи таких навыков, через неделю их не осталось бы ни одного...

Кэн заколебался.

— Но... может, это, до некоторой степени, неизбежно? Я имею в виду слепую удачу...

— Есть отчаянные авантюристы,— прервал его Скотт.— Но на войне для хорошего солдата нет слепой удачи. Еще будучи новичком я вырвался на своем крейсере из строя, чтобы атаковать тараном, и за это меня совершенно справедливо разжаловали. Неприятельский корабль, который я таранил, не был для них так важен, как крейсер для нас. Оставаясь в строю, я смог бы потопить три или четыре корабля, вместо того, чтобы повредить один и самому выйти из боя. Мы высоко ценим искусство взаимодействия, Кэн. Сейчас оно гораздо важнее, чем было когда-то на Земле, поскольку армия объединилась. Наземные войска, военный флот, воздух и прибрежные операции — все это сейчас одно целое. Пожалуй, единственное существенное изменение произошло в воздухе.

— Вы о планерах? Я знаю, что самолеты не могут использоваться в сражениях.

— Только не в атмосфере Венеры,— согласился Скотт.— Когда самолеты попадают в слой облаков, им приходится бороться с перекрестными воздушными течениями и воздушными ямами, так что для боя времени не остается. А планеры ценны не столь для бомбардировки, сколько для разведки. Они влетают в тучу, прячутся там и передают изображение инфракрасных телекамер на командирские корабли. Они — глаза флота. Могут сказать нам... Впереди кипит, Кэн! Сворачивай!

Пилот уже заметил зловеще кипящий водоворот перед носом и инстинктивно повернул. Корабль закачался на волне, экипаж едва не вылетел со своих мест.

— Морское чудовище? — Скотт задал вопрос и сам же на него ответил: — Нет, конечно. Это от вулкана. Расширяется молниеносно.

— Я могу его обогнуть, капитан, — предложил Кэн.

Скотт покачал головой.

— Это слишком опасно. Поворачивай.

Парень послушно вывел водолет из опасной зоны. Скотт был прав, говоря о масштабе катаклизма: кипящий водоворот распространялся так быстро, что маленький кораблик с трудом уходил от него. Внезапно волна пенящейся воды настигла их и подкинула водолет, как щепку, едва не вырвав руль из рук Кэна. Скотт помог удержать его, но даже при этом оставалась опасность, что руль может в любую секунду вырвать у них из рук. Перед прозрачной кабиной поднималась вуаль пара, а вода под слоем пены превратилась в коричневую взвесь.

Кэн резко нажал рычаг мощности, и водолет рванулся вперед, танцуя на поверхности кипящих волн, словно рикошетирующая пуля. Раз они врезались в волну носом — стон сминаемого металла прокатился по кораблю. Кэн, стиснув зубы, тут же включил запасной двигатель и выключил раздавленный... А потом корабль вдруг оказался на спокойной воде, чуть отступив к Крепости Монтана.

Скотт улыбнулся.

— Хорошая работа. Счастье, что мы не попробовали его обогнуть. Ничего бы не вышло.

— Да, капитан. — Кэн глубоко вздохнул. Глаза его возбужденно сверкали.

— А теперь поверни. На вот. — Он сунул в рот парню зажженную сигарету. — Ты будешь хорошим солдатом Дуне, Кэн: реагируешь точно и быстро.

— Спасибо, капитан.

Скотт некоторое время молча курил. Он смотрел на север, но из-за плохой видимости не мог различить вздымающихся вулканических конусов, образующих горный хребет Южного Ада. Венера была относительно молодой планетой, здесь до сих пор неожиданно открывались новые кратеры. Потому форты никогда не строили на островах — они имели неприятную особенность внезапно исчезать.

Водолет тяжело потряхивало на скорости, несмотря на систему рессор и амортизаторов. После поездки на одной из этих «бригантин», как презрительно называли их солдаты, человеку требовался основательный массаж. Скотт потянулся на мягком кресле,

которое он, правда, ощущал твердым, как цемент, мурлыча себе под нос какую-то мелодию.

Водолет мчался вперед, окруженный серым морем и тучами, и наконец перед носом вырос широкий вал побережья, он просто вынырнул внезапно из-за закрытого дымкой горизонта. Они прибыли почти вовремя, лишь немного опоздав из-за подводного вулкана.

Форт Банды Мендеса был большим замком из металла и камня. Узкая полоса земли со стороны суши была очищена и испятнана воронками в тех местах, где орудия отразили яростный напор рептилий — плодовых гигантов Венеры, по-своему разумных, но совершенно невыносимых из-за пропасти, отделявшей их мышление от человеческого. Поначалу люди пытались установить с ними контакт, но потом решили оставить рептилий в покое, поскольку никакой склонности к переговорам они не проявляли. Невозможно было договориться с этими фанатичными и жестокими дикарями. Они прятались в джунглях, появляясь лишь затем, чтобы яростно ударить по форту — впрочем, без результата, поскольку клыкам и когтям противостояли свинцовые пули и разрушительные снаряды.

Пока водолет мчался к побережью, Скотт смотрел прямо перед собой. Проявление излишнего интереса при посещении форта чужого Отряда считалось у Свободных Солдат признаком дурного тона. На пристани топтались несколько мужчин, они явно ждали его. Когда Скотт выскочил из лодки, они отсалютовали.

Он сообщил свое имя и звание, и вперед вышел какой-то капрал.

— Цинк Мендес ждет вас, капитан. Около часа назад пришло сообщение от цинка Риса. Прошу вас сюда...

— Хорошо, капрал. Мой пилот...

— Мы позаботимся о нем, капитан. Обеспечим массаж и выпивку после плавания на этой бригантине.

Скотт кивнул и пошел за капралом к бастиону, торчащему из нависающей стены форта. Ворота со стороны моря были открыты. Они быстро миновали двор, прошли через люк, поднялись в лифте и оказались перед занавесом, на котором было изображено лицо цинка Мендеса — круглая голова вепря, но голая, как снаряд.

Войдя, он увидел во главе стола самого Мендеса; вокруг сидели еще несколько офицеров. Лицо живого Мендеса было более привлекательно, чем изображение, и напоминало скорее медведя, чем вепря, бойца, а не обжору. Его сверлящие черные глаза буквально буравили Скотта.

Мендес встал, и все офицеры последовали его примеру.

— Садитесь, капитан. В конце стола есть место. Оно не соответствует вашему рангу, однако я предпочитаю смотреть в глаза человеку, с которым договариваюсь, прямо перед собой. Впрочем, вы только что прибыли... Если хотите сначала принять массаж, я могу подождать.

Скотт занял предложенное место.

— Спасибо, цинк Мендес, не нужно. Предпочитаю не терять времени.

— Тогда обойдемся без церемоний. Надеюсь, выпить вы не откажетесь? — Он кивнул ординарцу у дверей, и вскоре перед Скоттом оказался полный стакан.

Он быстро оглядел все лица. Хорошие солдаты, подумал он, твердые, отлично обученные и опытные. Обстрелянные. Банда Мендеса — группа небольшая, но сильная.

Цинк Мендес глотнул из своего стакана.

— К делу. Отряд Дуне приглашает нас помочь в борьбе против Морских Дьяволов. Услуги Дьяволов купила Крепость Вирджиния, чтобы атаковать Крепость Монтана. — Говоря, он загибал толстые пальцы. — Вы предлагаете нам пятьдесят тысяч наличных и тридцать пять процентов выкупа в случае победы. Так?

— Совершенно верно.

— Мы хотим пятьдесят процентов.

— Это очень много. У Дуне большее число людей и оборудования.

— В сравнении с нами, но не с Морскими Дьяволами. К тому же, этот процент еще вилами на воде писан. В случае поражения мы получим только наличные.

Скотт кивнул.

— Это верно, но единственной реальной угрозой со стороны Морских Дьяволов являются их подводные корабли. У Дуне много снаряжения для борьбы на поверхности и в воздухе. Мы можем справиться с Морскими Дьяволами и без вас.

— Не думаю. — Мендес отрицательно покачал головой. — У них появились какие-то новые торпеды.

— Вы преуменьшаете наши возможности, цинк Мендес, — прямо сказал Скотт. — Мы не так уж слабы. Если вы откажетесь, мы поищем другой Отряд.

— С подводными детекторами?

— В подводных сражениях неплох Отряд Ярдли.

— Верно, капитан, — вставил майор, сидевший рядом с Мендесом. — У них есть подводные корабли, правда, не особо надежные, но что они у них есть — факт.

Цинк Мендес тер лысую голову медленными движениями.

— Что ж, капитан, как хотите. Отряд Ярдли не сравнится с нами в этой работе.

— Ну, хорошо,— сказал Скотт.— Полномочия у меня есть, и я могу решать сам. Мы не знаем, сколько кориума лежит в подземельях Крепости Вирджиния. Как вам такое предложение: Банда получит пятьдесят процентов добычи, если выкуп окажется меньше двухсот пятидесяти тысяч, и тридцать пять с того, что превысит эту сумму.

— Сорок пять.

— Сорок с превышения и сорок пять с меньшей суммы.

— Господа? — спросил цинк Мендес, глядя вдоль стола.— Ваше слово?

Прозвучали многочисленные «да» и редкие «нет». Мендес пожал плечами.

— Значит, решающее слово за мной. Итак, мы получаем сорок пять процентов выкупа от суммы до двухсот пятидесяти тысяч и сорок с суммы выше ее. Согласен. Выпьем за это.

Ординарцы подали напитки. Когда Мендес встал, все последовали его примеру.

— Может, скажете тост, капитан?

— С удовольствием. Предлагаю тост Нельсона — «за противника, желающего драться, и за место на море».

Они выпили, так делали все Свободные Солдаты накануне битвы. Когда все сели, заговорил цинк Мендес:

— Майор Мэтсон, свяжитесь с цинком Рисом и обговорите детали. Мы должны знать его планы.

— Слушаюсь.

Мендес взглянул на Скотта.

— Что мы еще можем для вас сделать?

— Больше ничего. Я возвращаюсь в свой форт. Детали можно обсудить по телевидео на тайном канале.

— Если вы возвращаетесь водолетом,— с иронией заметил Мендес,— от души советую принять массаж. Теперь, когда мы договорились, время найдется.

Скотт заколебался.

— Хорошо. У меня начинает... ох... побаливать.— Он встал.— Да, чуть не забыл. До нас дошли слухи, что банда Старлинга использует атомное оружие.

Мендес скривился.

— Я ничего не слышал. А вы, господа?

Они отрицательно покачали головами, и лишь один офицер сказал:

— Я слышал какие-то сплетни, но только сплетни.

— После этой войны проведем следствие. Если это окажется правдой, мы, разумеется, примкнем к вам, чтобы уничтожить отряд Старлинга. В этом деле нам не понадобится военный трибунал!

— Спасибо. Я свяжусь с другими отрядами, узнаю, слышали они что-нибудь или нет. А теперь, если позволите...

Он отсалютовал и вышел, довольный переговорами. Сделка была выгодной — Отряду Дуне, несомненно, требовалась помощь Банды против Морских Дьяволов. Цинк Рис будет доволен договором.

Ординарец проводил его в баню, на массаж. Потом он вышел на берег и забрался в водолет. Взгляд назад убедил его, что военная машина Банды уже заработала. Он мог заметить немного, но мужчины передвигались по двору хорошо рассчитанными движениями — в склады, административные помещения, лаборатории. Корабли стояли на якорях у берега, но скоро должны были выйти навстречу Отряду Дуне.

— Нам исправили вспомогательный движок, капитан, — сказал Кэн, поднимая голову от приборной доски водолета.

— Очень любезно со стороны союзников. — Скотт поднял руку в дружеском жесте и помахал людям на берегу, пока корабль выбирался на открытую воду. — Теперь — в форт Дуне. Знаешь, где это?

— Конечно, капитан. А... можно вас спросить?.. Банда Мендеса будет сражаться вместе с нами?

— Да. Это превосходные солдаты. Ты увидишь настоящее сражение, Кэн. Когда услышишь звуки боя, это будет означать одну из крупнейших битв на Венере. А теперь добавь газу, нам нужно спешить!

Водолет, как стрела, полетел на юго-запад, оставляя за кормой два косых водопада.

«Это моя последняя битва, — подумал Скотт, — и я рад, что она будет такой острой».

IV

Примерно в восьми милях от форта Дуне двигатель отказал.

Это была уже не авария, а катастрофа. Перегруженный и перегревшийся двигатель, работавший на максимальных оборотах, взорвался. Предыдущая авария у подводного вулкана открыла трещины в металле, но механики Банды, проводившие ремонт, не смогли их обнаружить. К счастью, в момент взрыва водолет приподнялся на волне. Двигатель подскочил вверх, потом рухнул вниз, разнеся нос кораблика в щепки. Если бы нос оказался погружен, взрыв означал бы конец и для Скотта и для пилота.

Они были в полумиле от берега. Взрыв оглушил Скотта. Лодка перевернулась вверх дном, колпак с громким треском ударился о воду, однако пластик выдержал. Оба мужчины скорчи-

лись на том, что когда-то служило потолком, постепенно соскальзывая вперед, по мере того, как нос водолета погружался в воду.

Кэн сумел нажать одну из аварийных кнопок. Механизм, разумеется, разбился, но два сегмента все же отошли в стороны, впуская волну горькой морской воды. Некоторое время их швыряло из стороны в сторону потоком воды, но вскоре она вытеснила весь воздух. Скотт заметил, что Кэн протиснулся в щель, и последовал за ним.

Темное тело лодки погружалось все глубже, пока совсем не исчезло из виду. Скотт вынырнул на поверхность, сделал глубокий вдох и заморгал, чтобы отряхнуть с ресниц капли воды. Потом осмотрелся. Где же Кэн?

Парень выплыл без шлема, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Скотт встретился с ним взглядом и нажал спуск спасательного пневможилета, который на море всегда носили под блузой. Когда смешались химикалии, легкий газ наполнил жилет, одновременно поднимая голову Скотта выше воды. Сзади надулся воротник-подушка, позволявший потерпевшим крушение отдыхать на воде без опасения утонуть во время сна. Впрочем, сейчас это не требовалось.

Заметив, что Кэн нажал спуск своего жилета, капитан подтянулся вверх, высматривая какие-либо признаки жизни. Ничего. Серо-зеленое море было пусто до самого горизонта. В полумиле от них виднелась спутанная стена зелени — джунгли. Чуть повыше тусклое красное зарево освещало облака.

Скотт вытащил мачете с лезвием в форме листа, жестом приказав Кэну сделать то же. Парень вовсе не выглядел испуганным. «Конечно, — кисло подумал Скотт, — для него это лишь увлекательное приключение. Что ж, посмотрим».

Зажав мачете в зубах, капитан поплыл к берегу. Кэн держался рядом. Проплыв немного, Скотт жестом приказал своему спутнику не двигаться, а сам наклонился вперед, погрузив лицо в воду и стараясь разглядеть большую, расплывчатую тень, которая быстро свернула в сторону и исчезла. Это был морской змей, к счастью, не голодный. Океаны Венеры были опасны и кишели кровожадной жизнью, а защитные средства, как правило, действовали плохо. Оказавшись в воде, следовало поскорее из нее убираться.

Скотт нащупал небольшую стеклянную трубочку, закрепленную на поясе, и почувствовал, как его ладонь обтекают пузырьки. На душе полегчало. При заполнении жилета из этого контейнера начинал автоматически выделяться вонючий газ, запах которого насыщал воду. Ожидалось, что грозные морские чудо-

вища будут держаться подальше от контейнера Меллисона, однако он не сдавал экзамена против таких трупоедов, как морские змеи. Скотт усмехнулся. Устройство это называлось «трубка Меллисона», но люди говорили о нем «вонючка», что было гораздо точнее.

На Венере не удавалось предсказывать приливы и отливы. Закутанная в тучи планета не имела спутника, зато находилась ближе к Солнцу, чем Земля. Как правило, приливы были слабыми, и только во время подводных извержений волны заливали побережье. Настороженно поглядывая по сторонам, Скотт плыл сквозь волны к пляжу, высматривая в полосе мрачной зелени следы жизни.

Ничего.

Наконец он выбрался на берег, встряхнулся, как собака, и тут же поменял магазин в своем автомате, вставив снаряженный разрывными пулями. Оружие, разумеется, было водонепроницаемым — на Венере это обязательное условие. Когда Кэн сел рядом, откашлялся и выпустил газ из жилета, Скотт встал, глядя на стену джунглей в тридцати футах от воды. Они остановились там, потому что на черном песке ничто не могло вырасти.

Единственным звуком был шум набегающих и откатывающихся волн. Большинство деревьев напоминали лианы, живущие за счет слабости других. Едва какое-то дерево начинало проявлять признаки слабости, его тут же атаковали паразитирующие побеги, они устремлялись вверх, чтобы ухватить профильтрованный солнечный свет. Листья появлялись только в тридцати футах над землей, образуя сплошную крышу и отрезая всякий доступ солнечным лучам. Белесые жгуты словно змеи переползали от одного дерева к другому. На Венере имелись два вида представителей фауны: гиганты, продиравшиеся сквозь лес, давя его, и карлики, небольшие создания, ползающие по земле — в основном, насекомые и рептилии, существование которых зависело от заполненных ядом пузырей, обеспечивающих им безопасность. Ни один из этих видов не мог считаться приятным обществом.

Встречались еще летающие твари, но они жили на верхних уровнях леса. Кроме того, существовали загадочные монстры, живущие глубоко в иле и в стоячей воде озерков под покровом леса, но о них знали совсем мало.

— Да,— сказал Скотт.— Все это ждет нас.

Кэн кивнул.

— Наверное, я должен был проверить двигатели.

— Ты бы ничего не нашел. Это скрытые трещины. Чтобы их увидеть, нужна темная ночь и люминофор. Теперь держи под рукой газовую маску. Если окажемся рядом с ядовитыми цветами и ветер будет в нашу сторону, они должны быть готовы.— Скотт

открыл водозащитную сумку и вынул полоску чувствительного лакмуса, которую прилепил на запястье.— Если станет голубым, это будет означать газ, даже если мы его не почувствуем.

— Понял, капитан. Что теперь?

— Ну, лодки у нас больше нет, так что вызвать помощь мы не можем.— Скотт потрогал острие мачете и сунул его в ножны на поясе.— Пойдем до форта пешком. Восемь миль. Два часа, если будем держаться берега и не вляпаемся в неприятности. А если перед нами Сигнальная Скала, ее придется обходить по суше.— Он вытащил складную подзорную трубу и посмотрел вдоль берега на юго-запад.— Ага. Обходим.

Скотт знал, что сверху джунгли выглядят удивительно красиво. Они всегда напоминали ему древнее покрывало, которое он однажды купил Джине — фантастическая радуга цветов на фоне бледной зелени. Даже между отдельными видами растений существовала жесткая конкуренция: они соперничали великолепием цветов и запахов, которые привлекали крылатых переносчиков пыльцы.

«Пограничные области будут всегда,— подумал Скотт,— но здесь, на Венере, они наверняка останутся непокоренными еще долгое время. Подводным жителям хватает Крепостей, которые сами себя обеспечивают, а Свободные Солдаты не стремятся к завоеванию континентов. Они воины, а не крестьяне. Голод уже не является типичной чертой человечества. Может, он снова появится, но лишь когда кончится господство Крепостей».

В джунглях Венеры скрывались тайны, которых ему никогда не узнать. Люди могут завоевать земли с воздуха, но удержать их таким способом невозможно. Это будет долгий, медленный процесс, во время которого джунгли и все виды животных будут шаг за шагом оттесняться все дальше. Однако все это в будущем. Скотта тогда уже не будет. Дикий мир покорится, но это будет не скоро... Не сейчас.

А сейчас лес был не покорен и очень грозен. Скотт стащил куртку и выжал из нее воду. Во влажном климате Венеры не было надежды, что одежда высохнет, несмотря на сильный ветер. Брюки липли к телу, в их складках угнездился влажный холод.

— Готов, Кэн?

— Да, капитан.

— Тогда пошли.

Они двинулись вдоль берега на юго-запад легким ровным шагом. Торопливость и осторожность на Венере необходимы в разумных пропорциях. Время от времени Скотт осматривал море, в надежде, что их заметят с какого-нибудь корабля, но ничего не было: корабли стояли в порту и готовились к битве, а самолеты посадили, чтобы смонтировать на них новые приборы.

Вдали показалась Сигнальная Скала — вздымающаяся в небо стена с изъеденными ветрами неприступными склонами. Здесь кончалась черная полоса песка. Скала вертикально уходила в глубокую воду с многочисленными водоворотами. Обогнуть ее по воде было невозможно, и не оставалось ничего иного, как сворачивать в глубь суши. Это опасная, но единственная дорога. Скотт тянул с поворотом, пока было можно, пока смолисто-черный с пятнами серебра край Сигнальной скалы не вырос прямо перед ними. Насмешливо взглянув на Кэна, капитан резко повернул направо.

— Полмили через джунгли равняются сотне миль бега по пляжу, — заметил он.

— Так плохо, капитан? Я никогда не заходил туда глубоко.

— Никто не заходит, если не вынуждает обстановка. Смотри внимательно и держи оружие наготове. Не переходи вброд воду, даже если видишь дно. Там есть такие маленькие, почти прозрачные твари — рыбы-вампиры. Если они прицепятся к тебе, через несколько секунд потребуется переливание крови. Хотел бы я, чтобы вулканы были активны, тогда эти бестии, в основном, лежат на дне.

Скотт остановился под деревом, подыскивая длинную прямую палку. Потребовалось некоторое время, но в конце концов ему повезло, и он вырубил пятифутовый посох. Затем вошел в густой мрак.

— Кто-нибудь может двинуться по нашим следам, — предостерег он парня. — Не забывай оглядываться.

Песок сменился беловатой липкой грязью, и она уже через несколько шагов облепила обоих мужчин до самых ягодиц. Казалось, земля покрыта патиной распада. Трава так походила цветом на грязь, что была почти невидима, хотя из-за нее почва становилась еще более скользкой. Скотт медленно двигался вперед, держась поближе к скале, поскольку там заросли были не такие плотные. И все же ему то и дело приходилось использовать мачете.

Вдруг он остановился, подняв оружие вверх. Хлюпающие шаги Кэна стихли. Скотт молча указал на что-то. В скале перед ними виднелось отверстие пещеры.

Капитан наклонился, нашел маленький камень и бросил в отверстие. Положив руку на оружие, он ждал, что из пещеры кто-нибудь выскочит и бросится на них. В полной тишине послышался новый звук: барабанная дробь домового — неровные гулкие удары. Это вода капала с листа на лист в напоенной влагой крыше джунглей над ними. Кап, кап, кап-кап, кап, кап-кап...

— О'кей, — тихо сказал Скотт. — Смотри внимательно. — Он пошел вперед с оружием наготове, и вскоре они оказались перед пещерой. — Поверни туда голову, Кэн, и не спускай глаз с пещеры,

пока я не скажу.— Он сжал плечо парня и поставил его как надо, пряча оружие в кобуру. Посох, который Скотт держал под мышкой, скользнул в руку, и капитан принялся ощупывать скользкий верхний слой грязи под ногами. Часто попадались ямы и сыпучие пески, а также ловушки, устраиваемые болотными волками, которые, разумеется, волками не были, и относились к какому-то неизвестному виду. На Венере фауна имела больше подвидов и менее заметные различия между ними, чем на Земле.

— Теперь порядок.

— Что это было?

— Никогда не знаешь, что может вылезти из такой дыры,— объяснил Скотт.— Они выскакивают молниеносно, и большинство из них ядовито. Никогда не рискуй в таких местах... Стоп! Мне не нравится тропа перед нами.

Поляны в этом лесу были очень редки, и все же они вышли именно на поляну шириной в двадцать футов. Скотт осторожно вытянул посох вперед и попробовал почву. Слабая волна прошла по белой грязи, но еще перед ее появлением капитан вытащил пистолет и принялся раз за разом стрелять в то место, где заметил движение.

— Стреляй, Кэн! — крикнул он.— Быстрее! Стреляй в это!

Кэн повиновался, хотя и не знал, во что стреляет. Внезапно окрасившаяся кровью грязь взметнулась, как гейзер. Скотт, продолжая стрелять, схватил парня за руку и оттащил назад.

Когда замерло эхо, далекие барабаны эльфов еще раз прозвучали в зеленом мраке.

— Мы его прикончили,— сказал Скотт.

— Прикончили? — машинально повторил Кэн.— Кого?

— Думаю, что болотного волка. Единственный способ убить эту тварь — стрелять, пока оно не выбралось из грязи. Они все очень проворны и дорого продают свою жизнь. Однако...— Он осторожно пошел вперед. Ничего уже не было видно. Грязь провалилась, образовав углубление, и лунки, вырытые пулями, уже затянулись. Повсюду виднелись следы крови.

— Ни минуты покоя,— заметил Скотт. Его ироническая улыбка разрядила напряжение. Кэн откашлялся и, подражая капитану, поменял наполовину разряженный магазин на полный.

Узкий гребень Сигнальной Скалы уходил в глубь суши примерно на четверть мили, прежде чем становился доступен для восхождения. Наконец они добрались до этой точки и, помогая друг другу, поднялись наверх, все еще оставаясь под листовным пологом. Черная поверхность скалы болезненно обжигала и колола ладони, припекала даже сквозь подошвы ботинок.

— Половина, капитан?

— Да, но не очень-то радуйся. Пока не дойдем до пляжа, лучше не будет. Скорее всего, добравшись до форта, придется сделать пару противомаларийных уколов — так, на всякий случай. Ого! Маску, Кэн, быстро! — Скотт поднял руку. Лакмусовая полоска на запястье посинела.

Отработанными движениями они натянули противогазы. Скотт почувствовал на открытой коже руки легкое покалывание, но пока это было не страшно. Однако вскоре придется считаться с болью. Кивнув Кэну, он спустился на поверхность камня, проверил палкой грязь внизу и легко соскочил. Оказавшись в липкой белой массе, он поспешно обмазал себя ею с ног до головы. Кэн сделал то же самое. Грязь не могла свести на нет воздействие газа, выделяемого цветами, но могла хотя бы частично ослабить его действие на кожу.

Гротескная фигура Скотта двинулась в сторону побережья. Грязь забрызгала его очки, и он вытер их пучком белой травы. И все время проверял дорогу палкой.

И все же грязь обманула его. Палка вдруг провалилась, а когда Скотт инстинктивно откинулся всем телом назад, земля ушла из-под его ног. Ему еще хватило времени с глупым облегчением подумать, что это лишь зыбучий песок, а не яма болотного волка, а потом липкая предательская слизь засосала его до колен. Он упал назад, протягивая другой конец посоха Кэну.

Парень обеими руками схватился за него и плашмя бросился на землю, зацепившись ногами за торчащий корень. Скотт, изогнув шею под неестественным и болезненным углом и пытаясь что-то разглядеть через заляпанные грязью очки, судорожно вцепился в свой конец палки. Оставалось надеяться, что он не выскользнет из рук.

Грязь затягивала его все глубже, но тут помощь Кэна стала давать результаты. Парень старался тащить палку к себе, передвигая по ней ладони, но Скотт покачал головой. Он был значительно сильнее Кэна, а тому потребуется вся его сила, чтобы просто удержать посох.

В тени за Кэном что-то шевельнулось. Держась левой рукой за палку, Скотт правой выхватил оружие. Механизм был герметично закрыт, поэтому грязь его не повредила, а ствол открывался только в одном направлении. Капитан выстрелил в сторону движения, услышал приглушенный шум и стал ждать, пока не стихнет. Парень, удивленно оглянувшись, больше не шевелился.

А потом все было уже довольно легко — Скотт просто подтягивался по палке, распределяя свой вес по зыбучему песку. Вытащить ноги из смертельной хватки оказалось тяжело, и пришлось минут пять отдохнуть после этого.

И все же он выбрался — это главное.

Кэн вопросительно указал на кусты, где лежало застреленное создание, но Скотт покачал головой. Не стоило терять время на определение вида твари. Он поправил маску и зашагал к пляжу, обходя зыбучий песок. Кэн следовал за ним.

Им повезло, и без дальнейших осложнений они оказались на берегу, где рухнули на черный песок, чтобы отдышаться. Капитан посмотрел на индикатор, заметил, что газ улетучился, снял маску и глубоко вдохнул.

— Спасибо, Кэн, — сказал он. — Можешь теперь поплавать, если хочешь смыть с себя грязь. Только держись ближе к берегу. Нет, не раздеваясь, времени мало.

Грязь была тягучей, как резина, песок царапал, как пемза, однако после двух минут купания Скотт почувствовал себя гораздо чище. Освежившись, они продолжили движение.

Часом позже их заметили с транспортника и по телевидео сообщили в форт, а оттуда выслали водолет. Больше всего Скотт обрадовался солидной порции уисквеплюса, которую предложил ему пилот.

«Ну и собачья же жизнь!»

Он протянул бутылку Кэну.

Вскоре перед ними показался бастион, защищающий вход в порт Дуне. Порт, большой, как залив, с трудом вмещал флот. Скотт одобрительно посматривал на деловую суету. Водолет обогнул волнолом, построенный для защиты от приливов, и остановился у берега. Умолк тихий звук двигателя, раздвинулся колпак.

Скотт выскочил, кивнул ординарцу.

— Слушаю, капитан?

— Проследите, чтобы этот солдат получил все необходимое. Мы были в джунглях.

Солдат многозначительно сложил губы, словно собирался свистнуть, отсалютовал и помог Кэну выбраться из водолета. Спеша вдоль берега, Скотт услышал взрыв дружеских проклятий мужчин, окруживших Кэна.

Он кивнул — парень будет хорошим Свободным Солдатом. Можно держать пари, что он выдержит на первой линии огня. Это испытание было очень трудным: дисциплина, доходящая до предела прочности. Лопни что-нибудь и... Никуда не денешься, человеческий фактор всегда будет величиной неизвестной, что бы там ни говорили психологи.

Он направился прямо в свою комнату и включил телевидео, чтобы поговорить с цинком Рисом. Изуродованное худое лицо цинка появилось на экране.

— Капитан Скотт прибыл.

Рис внимательно посмотрел на него.

— Что случилось?

— Авария водолета. Пришлось добираться пешком.

Цинк тихо помянул Бога.

— Рад, что ты уцелел. Ранен?

— Нет. Пилот тоже цел. Как умоюсь, готов приступить к обязанностям.

— Лучше пройди биорегенерацию — думаю, это тебе нужно. Все работает, как часы. Ты отлично провернул сделку с Мендесом — лучше, чем я ожидал. Мы договорились с ним о месте соединения наших сил. Поговорим об этом позже. Умойся, а потом проведи генеральную инспекцию.

— Слушаюсь, цинк.

Рис отключился. Скотт повернулся к своему ординарцу.

— Привет, Бриггс. Помоги мне выбраться из этих лохмотьев. Боюсь, их придется с меня срезать.

— Я рад, что вы вернулись, капитан. Не думаю, что придется срезать... — Пальцы Бриггса ловко пробежались по молниям и застежкам. — Были в джунглях?

Скотт криво усмехнулся.

— Я выгляжу так, как если бы летел водолетом?

— Не всю дорогу, капитан, не всю дорогу.

Бриггс напоминал старого бульдога. Это был один из людей, подтверждающих правоту старой песни: «Старые солдаты не умирают, а просто уходят в тень». Бриггс мог выйти в отставку десять лет назад, но не захотел. В Свободных Отрядах всегда найдется место для старых солдат, даже для неквалифицированных. Некоторые становились техниками, другие — строевыми инструкторами, остальные — ординарцами. Форт был их домом: перебравшись в какую-нибудь Крепость, они умерли бы от скуки.

А Бриггс никогда не получал повышения, не знал стратегии, артиллерии, ничего другого, кроме обычного боя. Но он был в Отряде Дуне сорок лет, из них — двадцать пять на действительной службе. Он уже разменял седьмой десяток, крепкое тело сгорбилось, как у старого медведя, некрасивое лицо покрывали шрамы.

— Нормально. А теперь приготовь душ, хорошо?

Бриггс вышел, а Скотт стянул грязную одежду и последовал за ним. Он наслаждался колющими струями — сначала горячая вода с мылом, потом спиртовая смесь и, наконец — чистая вода, горячая и холодная. Это было последнее, что он сделал сам, все остальное взял на себя Бриггс. Когда капитан вытянулся на лежаке, ординарец смазал лекарством его покрасневшие глаза и принялся массировать тело — ловко и сильно, чередуя ручной массаж с регенерирующим биологическим облучением. Под конец

он сделал Скотту укол, чтобы ликвидировать усталость. Когда Бриггс кончил, Скотт был готов приступить к своим обязанностям: разум его прояснился, а тело отдохнуло.

Вошел Бриггс со свежим мундиром.

— Я вычищу старый, капитан. Нет смысла выбрасывать его.

— Ничего не выйдет,— заметил Скотт, натягивая майку.— После того, как я вывалился в грязи... Но делай, как знаешь. Скоро он мне уже не понадобится.

Пальцы ординарца, застегивающие куртку Скотта, на мгновение застыли, потом снова забегали по ткани.

— Я не ослышался капитан?

— Нет. Я подаю в отставку.

— Переходите в другой Отряд, капитан?

— Ну, не так круто,— напомнил ординарцу Скотт.— Тут вовсе не то. А если бы и так, что ты сделаешь? Отдашь меня под трибунал в своем лице и на рассвете расстреляешь?

— Нет, капитан. Прошу прощения, но я решил, что вы сошли с ума.

— Один Бог знает, почему я тебя терплю,— заметил Скотт.— Ты дьявольски упрям. В твоей тупой башке нет места новым мыслям. Ты — квинтэссенция догматизма.

Бриггс кивнул.

— Наверное, так, капитан. Когда человек живет по определенным правилам так долго, как я, и правила эти подтверждаются, он поневоле становится догматиком.

— Ты — сорок лет, а я ... двенадцать.

— Вы быстро идете в гору, капитан. Вы еще будете у нас цинком.

— Это ты так думаешь.

— Вы следующий на очереди после цинка Риса.

— Но я покидаю Дуне,— объяснил Скотт.— И держи это при себе, Бриггс.

Ординарец кашлянул.

— Не понимаю, капитан. Если вы не вступаете в другой Отряд, куда же вы идете?

— Ты когда-нибудь слышал о Крепостях?

Бриггс позволил себе уважительно фыркнуть.

— Конечно. Они хороши, чтобы там выпить, но...

— Я хочу поселиться в одной из них. В Крепости Монтана.

— Крепости построили машины. Я помогал строить форт Ду-не. Здесь кровь смешана с пластиком. Нам пришлось сдерживать напор джунглей, пока работали техники. Восемь месяцев, капитан, и не было ни одного дня без нападения. А нападения озна-

чали потерю людей, ведь у нас были только земляные защитные валы. Корабли вели заградительный огонь, но и сквозь него можно пройти. Это была настоящая битва, капитан.

Скотт вытянул ноги, чтобы Бриггс мог начистить его ботинки.

— И чертовски хорошая битва. Я знаю. — Он взглянул сверху на лысину ординарца: на коричневой коже местами росли седые волосы.

— Вы знаете, но вас здесь не было, капитан. А я был. Сначала мы динамитом расчистили полукруг за охранными валами и начали копать. За нами шли техники, они ставили пластиковые стены так быстро, как только могли. Оружие привозили на баржах, на берегу стояли машины с амуницией. Над нашими головами то и дело свистели снаряды, и это был приятный звук, поскольку мы знали — все о'кей, пока продолжается заградительный огонь. Но он не мог продолжаться день и ночь, и джунгли все же прорывались. Целыми месяцами здесь пахло кровью, и это привлекало врага.

— Но вы его отразили.

— Разумеется. Цинком был тогда Эдисон Дуне. Он сколотил Отряд за несколько лет до этого, но форта у нас тогда не было. Дуне сражался вместе с нами. Честно говоря, однажды он спас мне жизнь. Так или иначе, мы построили этот форт, точнее, не мы, а техники. Никогда не забуду, как был взволнован, когда из орудия, стоящего на стене, сделали первый выстрел. После этого было еще много работы, но когда выстрелило орудие, мы поняли, что чего-то добились.

Скотт кивнул.

— Думаю, в тебе живет чувство собственности на этот форт. Бриггс удивленно уставился на него.

— На этот форт? Не в этом дело, капитан. Есть много фортов, но речь идет о чем-то большем. Не знаю точно, о чем. Сам вид флота... набор рекрутов... старые, добрые тосты в кантине... сознание, что... — Он замолчал, запутавшись в собственных словах.

Скотт улыбнулся.

— Я вижу, ты и сам не знаешь, Бриггс.

— Чего не знаю, капитан?

— Почему остался здесь. Почему не можешь поверить, что я ухожу.

Бриггс слабо пожал плечами.

— Ну, причина в самом Дуне, — сказал он. — Вот и все, капитан. Просто в Дуне.

— А какое, черт возьми, это будет иметь значение, когда форту исполнится несколько сотен лет?

— Полагаю, никакого, капитан. Но не нам думать об этом. Мы — люди Дуне, и это все.

Скотт не ответил. Он легко мог указать ошибки в рассуждениях Бриггса, но какой в этом смысл? Он встал, и ординарец снял невидимую пылинку с его куртки.

— Все в порядке, капитан.

— Хорошо, Бриггс. Меня ждет еще одна битва. Привезти тебе какой-нибудь сувенир?

Ординарец отсалютовал, скаля зубы в улыбке, и Скотт вышел. Чувствовал он себя прекрасно, высмеивая в глубине души фальшивые ценности, к которым должен относиться серьезно. Разумеется, во время строительства форта погибло много людей, но могло ли одно это стать источником традиции? Какая польза от форта? Через пару веков он утратит свое значение, станет реликтом прошлого. Цивилизация движется вперед и даже сейчас с трудом переносит армию. Так какая же от них польза? Для возникновения привязанности требуются серьезные основания. Свободные Отряды сражались яростно, стойко, с безумным мужеством — сражались ради собственной гибели. Извечные причины войны исчезли.

Так как же все-таки с пользой? По всей Венере гасли огни крупных фортов. И они уже не зажгутся вновь — в ближайшие тысячу поколений!

V

Форт полностью самообеспечивался, скорее, в военном смысле, нежели в социальном. Не возникало необходимости развивать сельское хозяйство, поскольку полных осад никогда не было. Продукты доставляли из Крепостей по морю или по воздуху.

Однако военная продукция оставалась необходимой, поэтому в жизни форта важную роль играли техники — от физиков-экспериментаторов до сварщиков. Всегда была потребность в ремонте, поскольку в битвах бывали потери, а оружие непрерывно совершенствовалось. Стратегия и вооружение были не менее важны. Немногочисленный флот мог побить значительно более сильный при помощи прикладной психологии.

В доках Скотт встретил лейтенанта Бинне, наблюдавшего за спуском на воду новой подводной лодки. Злость его еще явно не прошла — салютуя, он сохранял на лице мрачное выражение.

— Приветствую, лейтенант, — сказал Скотт. — Я провожу инспекцию. Вы свободны?

Бинне кивнул.

— Работы у меня немного.

— Что делать... рутина. Мы закончили эту подводную лодку как раз вовремя, верно?

— Да.— Бинне не скрывал радости при виде тщательно отделанного корабля, скользящего вниз по рельсам. Скотт тоже почувствовал, что сердце его бьется быстрее, когда лодка с плеском вошла в воду и через мгновение закачалась на волнах. Он взглянул туда, где на якоре стояли двенадцать серо-зеленых чудовищ из плакированного металла — линкоры. Каждый из них нес снаряжение для планеров, но эти складные самолеты были еще за пределами поля зрения. Между броненосцами стояли малые эсминцы, похожие на волков с ввалившимися боками. Кроме того, тут же были пришвартованы два быстрых авианосца, груженные планерами и водолетами, торпедоносцы и один приземистый монитор, непотопляемый и с мощным вооружением, но медлительный. Уничтожить его могла только серия прямых попаданий. Как и все мониторы, «Армагеддон» был похож на жабу с выгнутой спиной и покрыт, за исключением оружейных портов, броней в форме перевернутой супницы, прочно закрепленной изнутри. «Армагеддон» делился на секции водонепроницаемыми отсеками и имел многочисленные вспомогательные двигатели; даже если монитор погибал, от него всегда что-то оставалось в отличие от легендарного «Ровера». В целом он напоминал динозавра. Такому чудовищу можно было отстрелить голову, но оно продолжало сражаться когтями и хвостом. Тяжелые орудия затрудняли передвижение этого монстра, но главная проблема заключалась в том, как ввести его в сражение. Он был невероятно медлителен.

Скотт нахмурился.

— Кажется, мы будем сражаться над Венерианской Впадиной?

— Угу,— буркнул Бинне.— Так мы договорились. Морские Дьяволы уже движутся в сторону Крепости Монтана, а мы остановим их над Впадиной.

— Когда час «Икс»?

— Сегодня в полночь.

Скотт прикрыл глаза, пытаясь представить их курс на карте. Не очень-то хорошо. Когда битва завязывалась близ архипелага, была возможность укрыть монитор за островками, но сейчас этот номер не пройдет. И очень плохо, потому что Морские Дьяволы — отряд сильный, к тому же, они еще более усилились со времени недавнего объединения с Легионом О'Брайена. Даже учитывая помощь Банды Мендеса, нельзя было предсказать исход битвы. «Армагеддон» мог бы оказаться решающим фактором.

— Я вот подумал...— сказал Скотт.— Нет, пожалуй, это невозможно.

— Что именно?

— Замаскировать «Армагеддон». Если Морские Дьяволы заметят, что подходит монитор, они уведут сражение в сторону.

Я думал о том, чтобы ввести его в бой так, чтобы противник ничего не понял.

— Он и сейчас замаскирован.

— Но только цветом. Это можно разгадать. У меня мелькнула мысль превратить его в остров или мертвого кита.

— Для кита он слишком велик, а плавающие острова всегда вызывают подозрение.

— Да, конечно. Но если бы ввести «Армагеддон» в битву, не привлекая внимания противника... Гм. У мониторов есть тенденция переворачиваться вверх дном, не так ли?

— Ага. У них высоко расположен центр тяжести. Но они не могут сражаться вверх дном. Это не самая удачная мысль, капитан.— На мгновение глаза Бинне вспыхнули. Скотт кашлянул и отвернулся.

— Ну, хорошо. Пошли дальше.

Флот оказался в образцовом порядке, и Скотт отправился в мастерские. Там работали над несколькими новыми корпусами, но шансов закончить работу до часа «Икс» не было. Вместе с Бинне они прошли в лабораторные помещения. Ничего нового, никаких сбоев или неожиданностей. Военная машина работала гладко.

Прежде чем осмотр закончился, у Скотта возникла новая идея. Он велел Бинне идти дальше одному и направился к цинку Рису. Цинк сидел в своем кабинете. Когда вошел Скотт, он как раз включал телевидео.

— Это был Мендес,— объяснил Рис.— Они встретятся с нашим флотом в ста милях от берега и, разумеется, перейдут под наше командование. Мендес хороший командир, но до конца я ему не верю.

— Думаете, он ведет двойную игру?

Цинк Рис небрежно махнул рукой.

— «Брут — человек уважаемый во всех отношениях»...¹ Нет, он будет придерживаться договора. Но я не стал бы играть с Мендесом в открытую: Как Свободный Солдат он заслуживает доверия, а как человек... Ну да ладно. Как у нас дела?

— Отлично. У меня есть план относительно «Армагеддона».

— Завидую,— честно признался Рис.— Мы никоим образом не можем ввести эту лохань в бой. Как только Морские Дьяволы его заметят, они перенесут битву в другое место.

— Я думал о маскировке.

¹ В. Шекспир. Юлий Цезарь, 3 акт, сцена 2.

— Монитор есть монитор, его ни с чем не спутаешь. Ты не сможешь придать ему другой облик.

— За одним исключением. Он может выглядеть поврежденным монитором.

Рис сел, удивленно глядя на Скотта.

— Интересно... Продолжай.

— Смотрите.— Капитан нарисовал на листке бумаги силуэт монитора.— Сверху «Армагеддон» похож на купол, а снизу — несколько иной, главным образом из-за килья. Почему бы не смонтировать на мониторе фальшивый киль, чтобы он выглядел перевернутым?

— Это можно.

— Всем известна слабость мониторов — при залпе всем бортом они порой переворачиваются вверх дном. Если Морские Дьяволы заметят перевернутый «Армагеддон», дрейфующий в их сторону, они наверняка решат, что корабль не способен сражаться.

— Это безумие,— заметил Рис.— Сумасшедшая идея, но она может работать.— Он отдал по телевидео короткие приказы.— Все ясно? Хорошо. Отправляйте «Армагеддон» в путь, как только погрузят снаряжение. Изменения провести в море — нельзя терять время. Если делать это в доке, монитор никогда не догонит флот.

Цинк прервал соединение. Его худое, изрезанное шрамами лицо скривилось в улыбке.

— Надеюсь, это сработает.— Он щелкнул пальцами.— Чуть не забыл. Племянник президента был с тобой, когда случилась авария, верно? Я все думаю, стоило ли освобождать его от обучения? Как он вел себя в джунглях?

— Неплохо,— ответил Скотт.— Я не спускал с него глаз. Из него выйдет хороший солдат.

Рис внимательно посмотрел на капитана.

— А как с дисциплиной? Кажется, это его слабое место.

— Пока не жалуюсь.

— Ну что ж, возможно. Банда Старлинга не могла быть хорошей школой, особенно для неоперившегося молокососа. Кстати, о Старлинге. Цинк Мендес знает, что он использует атомное оружие?

— Нет. Если Старлинг действительно это делает, то держит все в строгой тайне.

— После битвы изучим этот вопрос. Нельзя допустить... нам не нужна еще одна атомная война. Хватит того, что мы потеряли Землю, а человечество понесло огромный урон. Если такая война повторится, люди погибнут.

— Не думаю, чтобы угроза была настолько велика. На Земле

люди утратили контроль над крупными атомными базами. А у Старлинга в самом худшем случае может быть только ручное оружие.

— Это верно. С его помощью не взорвешь мир. Но наш закон... «Никакой атомной энергии на Венере».

Скотт подтвердил.

— Хорошо, это все.— Рис жестом отпустил капитана.— Хорошей погоды.

Пожелание это в вечно облачном мире имело ироническую окраску.

После обеда в кают-компании Скотт вернулся в свою комнату, чтобы покурить и немного отдохнуть. Отказавшись от сеанса массажа, предложенного Бриггсом, он послал ординарца в буфет за свежим табаком.

— И смотри, чтобы дали «Двадцать Звезд»,— предостерег он.— Я больше не хочу этой зеленой гидропонной капусты.

— Я свое дело знаю, капитан.— Слегка обиженный, Бриггс вышел, а Скотт со вздохом уселся в кресло.

Час «Икс» — в полночь. Последний час «Икс» в его жизни. Весь день он не вспомнил о том, что в последний раз выполняет свои обязанности.

Он мысленно вернулся в Крепость Монтана, вновь переживая минуты, проведенные в другом мире, на окутанном тучами Олимпе, вместе с Илен. Странно, но он не мог вспомнить лица девушки. Возможно, она была символом, и тогда ее внешность не имела значения. И все же она была чудесна.

Но иначе, нежели Джина. Скотт взглянул на трехмерный цветной снимок Джины, стоящий на столе. Кнопка на рамке включала движение и звук. Наклонившись вперед, он коснулся маленькой выпуклости. Фигура Джины в глубине фотографии с улыбкой шевельнулась, красные губы приоткрылись.

Голос ее, хоть и тихий, был вполне естественен.

— Привет, Брайан. Хотела бы я сейчас быть с тобой. Вот тебе мой подарок, дорогой.— Она послала ему воздушный поцелуй и вновь замерла.

Скотт еще раз вздохнул. С Джиной ему было хорошо. Но... Черт побери, она не хотела меняться! Да и почти наверняка не смогла бы. Вероятно, Илен была не менее догматичной, но она символизировала жизнь в Крепости, а в этом Скотт и нуждался.

Жизнь Илен была искусственной, но она честно признавалась в этом, зная, что все ее идеалы фальшивы. По крайней мере, она не делала вид — как делали это Свободные Солдаты — что есть идеалы, за которые стоит умирать. Скотт вспомнил Бриггса. Для

старого ординарца большое значение имел факт, что во время строительства форта Дуне погибло много людей. Но он никогда не спрашивал себя — зачем? Зачем они умирали? В чем основная цель строительства форта Дуне? Война. А войны вскоре прекратятся.

Каждый должен верить в какие-то идеалы, прежде чем отдать за них жизнь. Человек должен чувствовать, что помогает этим идеалам выстоять — поливая их собственной кровью, чтобы наконец расцвел цветок. Красный цветок Марса цвел долго. Как там в старой песне?

*
«Верно лишь одно, все прочее — иллюзия,
И этот цветок скоро увянет».

Это была правда, но Свободные Отряды делали вид, что ярко-красный цветок по-прежнему свеж. Они не хотели признать, что даже его корни засохли и с трудом впитывают кровь, льющуюся ради удовлетворения их безнадежной жажды.

Расцветут новые цветы, откроются новые почки, но в Крепостях, а не в больших фортах. Сейчас зима, и уже исчезли цветы прошедшего сезона, но почки нового уже пробуждаются к жизни. Жизни, питающейся гниющими лепестками цветка войны.

В прибрежных фортах, охраняющих Крепости, по-прежнему сохраняли видимость старого. Скотт с отвращением скривился. Слепое, бессмысленное безумие. Он прежде всего человек, а не солдат, а человек по своей природе — гедонист, независимо от того, связан он с человечеством или нет.

Скотт был далек от подобной связи. Он не чувствовал ничего общего с подводной культурой, и никогда не могло стать иначе. Но он мог бы забыть в гедонистическом вихре Крепостей, в пене, венчающей любое общество. Будучи с Илен, он мог по крайней мере искать счастья, избегая горькой самоиронии, с которой жил уже так долго, и перестать высмеивать свои эмоциональные слабости, в которые не верил.

Илен была честна, признавала, что обречена, поскольку, к своему несчастью, была умна.

«Потому-то,— подумал Скотт,— мы могли бы составить идеальную пару».

Капитан поднял голову — в комнату вошел лейтенант Бинне. Под загаром его лицо налилось кровью, тяжелые веки прикрывали полные злости глаза. Захлопнув дверь, он остановился, покачиваясь, и грозно смотрел на Скотта.

Потом бросил в адрес капитана какое-то ругательство.

Капитан встал, холодный комок ярости застыл в его желудке.

— Ты пьян, Бинне,— очень тихо сказал он.— Убирайся.

— Конечно, пьян, мой маленький оловянный солдатик. А ты любишь приказывать, верно? И делать пакости — тоже. Сегодня ты отнял у меня командование левым флангом. Мне хочется блевать, когда я смотрю на тебя, капитан Брайан Скотт.

— Не строй из себя большого идиота, чем ты есть! В личном смысле ты нравишься мне не больше, чем я тебе, но это не имеет ничего общего с Отрядом. Я предлагал поставить тебя командиром.

— Лжешь,— покачиваясь, заявил Бинне.— Я тебя ненавижу.

Скотт побледнел, а шрам на его щеке налился кровью. Бинне подошел ближе. Он был не настолько пьян, чтобы не управлять своими движениями. Неожиданно он с размаху дал капитану в зубы.

Скотт вел себя спокойнее. Он уклонился от следующего удара и точно двинул своего противника в челюсть. Бинне отлетел назад, ударился о стену и безвольно сполз на пол.

Растирая ладонь, Скотт смотрел на него, словно что-то прикидывая. Потом присел и осмотрел лейтенанта. Нокаут, ничего больше.

Вошел Бриггс, не выказавший ни малейшего удивления при виде неподвижного тела Бинне. Идеальный ординарец подошел к столу и принялся наполнять шкатулку табаком.

Скотт с трудом сдержал смех.

— Бриггс!

— Слушаю, капитан?

— Лейтенант Бинне поскользнулся и ударился обо что-то челюстью. Кроме того, он слегка под мухой. Займись им, хорошо?

— С удовольствием, капитан.— Бриггс перебросил тело Бинне через мускулистое плечо.

— Час «Икс» — в полночь. К этому времени лейтенант должен быть на борту «Мушкета». Трезвый. Это возможно?

— Конечно, капитан,— ответил Бриггс и вышел.

Скотт вновь сел в кресло и набил трубку. Вернее было бы запереть Бинне в его комнате. Но с другой стороны, это только личные счеты. Можно сделать небольшую поблажку, тем более, что Бинне опытный офицер и должен быть на борту во время боя. Скотт испытал смутную надежду, что лейтенант даст отстрелить свою дурную башку.

Через некоторое время он выбил пепел из трубки и отправился проводить окончательный осмотр.

В полночь флот поднял якоря, и на рассвете корабли Дуне подходили к Венерианской Впадине.

Корабли Банды Мендеса уже присоединились к ним: семь броненосцев, поддерживающие их крейсера, эсминцы и один транспортник. Монитора у Банды не было: два месяца назад он перевернулся вверх дном и до сих пор стоял в ремонте.

Объединенный флот двигался полукругом. Правый фланг под командованием Скотта состоял из его корабля — «Мушкета», а также «Аркебузы», «Стрелы», «Мизерикордии» и всех линкоров Дуне. Их сопровождали два корабля Банды — «Навахо» и «Зуки», последний под командованием цинка Мендеса. У Скотта был один крейсер, второй находился на левом фланге. Между ними плыли более легкие корабли.

В центре находились броненосцы: «Арбалет», «Пика», «Автомат» и «Палица», а также три корабля Мендеса. Цинк Рис держал флаг на «Пике», руководя всей операцией. Замаскированный «Армагеддон» тяжело сопел далеко позади, почти невидимый в тумане.

Скотт сидел в командной рубке, его окружали экраны телевидео и пульты управления. Шестеро операторов непрерывно вели запись данных, готовые тут же включиться в дело, если в наушниках прозвучит какой-нибудь приказ. Для этого на груди у Скотта висел небольшой микрофон.

Взгляд капитана скользнул по полукругу экрана.

— Были рапорты с планеров?

— Нет, капитан.

— Соедините меня с командиром воздушной разведки.

Один из экранов замигал и ожил, на нем появилось лицо.

— Докладывай.

— Пока ничего, капитан. Минутку. — Послышался далекий гром. — Детекторы наткнулись на тайный телевидеоканал прямо над нами.

— Планер противника в облаках?

— Вероятно. Сейчас он снова исчез.

— Постарайтесь снова его локализовать.

Впрочем, это немного давало. Самолеты можно было обнаружить без труда, но с планерами — дело другое. Единственный способ засечь их — настроить камеры детектора точно на волну телевидео планера: задача потруднее, чем найти иголку в стоге сена. К счастью, на них не было бомб.

— Поступил рапорт от одного из наших планеров, капитан.

На экране появилось другое лицо.

— Говорит пилот. Я обнаружил неприятеля.

— Хорошо. Переключи телевидео на инфракрасный диапазон. Какой сектор?

— ГВ, восемьдесят семь, северо-запад, двадцать один.

Скотт склонился над своим микрофоном.

— Соедините меня с цинком Рисом и лейтенантом Гиром.
И с цинком Мендесом.

Еще три экрана осветились, показав лица офицеров.

— Давайте пилота.

Где-то над Венерианской Впадиной пилот вел свой планер сквозь облака. Автоматическая телевидеокамера, настроенная на инфракрасный диапазон, показала расстилающийся внизу океан. На экране появились корабли, идущие в боевом порядке.

Скотт мысленно называл их один за другим: «Орион», «Сириус», «Вега», «Полярис» — ого! Теперь легкие корабли. Как их много...» Он продолжал считать.

— У них огромное численное превосходство,— заметил цинк Рис.— Цинк Мендес, ваши подводные детекторы уже работают?

— Работают. Пока ничего.

— Полагаю, сражение начнется через полчаса. Мы их обнаружили, и нет сомнений, что они сделали то же самое.

— Принято.

Экраны потемнели. Скотт снова сел. Оставалось только ждать и быть готовым к любым неожиданностям. «Орион» и «Вега» были крупнейшими боевыми кораблями Морских Дьяволов, превосходящими любой корабль Дуне или Банды. На борту «Ориона», несомненно, находится цинк Флинн. У Морских Дьяволов тоже имелся монитор, но на экране его не было. Вероятно, это чудовище не успеет подойти, чтобы принять участие в битве.

Но даже без монитора Морские Дьяволы имели на воде подавляющее преимущество. Да и подводный их флот был весьма важным фактором. Подводные детекторы цинка Мендеса могли уравнивать шансы, вот только не оказалось бы, что этого мало.

Скотт подумал, что «Армагеддон» может стать главным козырем, последним аргументом. Однако пока замаскированный монитор плелся далеко позади последнего из кораблей Дуне.

На экране появился лейтенант Бинне, превратившийся теперь в дисциплинированного, вышколенного робота. Личные обиды исчезли — так действовала на человека боевая обстановка.

Впрочем, Скотт и не ждал ничего иного, и его голос, когда он ответил на вызов Бинне, звучал совершенно бесстрастно.

— Водолеты готовы к старту, капитан.

— Отправляй их через пятнадцать минут. Передай это на левый фланг всем кораблям, имеющим водолеты.

— Принято.

Мгновение царила тишина, внезапно сменившаяся грохотом. Скотт настороженно окинул взглядом экраны.

Появилось новое лицо.

— Морские Дьяволы раскрылись. Сейчас изучают район. Вероятно, над нами планеры, но мы не можем их обнаружить.

— Отправь людей под защиту брони и произведи пробный выстрел. Приготовиться к отражению огня. И свяжись с нашими пилотами, что над Морскими Дьяволами.

Начинался непрерывный убийственный грохот, который будет продолжаться до взрыва последнего снаряда. Пришел вызов от цинка Риса, Скотт включил экран.

— Слушаю.

— Тревожь противника. Пока мы не можем сделать ничего особенного. Измени построение на Р-8.

Включился цинк Мендес.

— Обнаружены три вражеские лодки. У наших детекторов максимальный угол наклона.

— Измени зону поражения так, чтобы не задеть наши подводные лодки.

— Сделано. Неприятель использует магнитные глубинные мины, ставя заслон по мере приближения.

— Я поговорю с командирами подводных лодок. — Рис отключился.

Скотт прислушался к крепчающей канонаде. До его ушей еще не дошел характерный звук ударов тепловых лучей — клап, клап — но противники еще недостаточно сблизилась, чтобы применить это неточное, но сильное оружие.

— Есть потери, капитан. Прямое попадание в «Штык».

— Размеры разрушений?

— Он сохранил ход. Точный рапорт позже.

Через минуту на экране появился пилот планера.

— Снаряд попал в «Полярис», капитан.

— Включи пеленгатор.

Показался боевой корабль Морских Дьяволов с развороченной надстройкой, но еще явно способный сражаться. Скотт покивал головой. Обе стороны уже включились в сражение, и хотя туман еще скрывал флоты друг от друга, они неуклонно сближались.

Канонада усилилась. Из-за сильных венерианских ветров целиться было трудно, но точные выстрелы все же были возможны. Скотт мрачно кивнул, когда «Мушкет» вздрогнул от удара.

Теперь они получают свое. Здесь, в рубке корабля, он был так близок к битве, как ни один солдат сражающегося флота. Его глазами были экраны.

Их можно было переключать на инфракрасный диапазон, поэтому Скотт, запертый в середине корабля, мог видеть больше, чем невооруженным глазом с палубы. Что-то выскочило из мрака, и Скотт затаил дыхание, но тут же узнал силуэт «Мизерикордии», корабля Дуне. Она сбилась с курса. Капитан через малый микрофон устроил ему скоротечный нагоняй.

Теперь двинулись водолеты, быстрые шершни, целившие во флот врага. Скотт вспомнил, что в одном из них находится Норман Кэн. Он снова подумал об Илен Кэн, но торопливо отогнал воспоминание — для этого сейчас не было времени.

Сражение не допускало посторонних мыслей.

Голос цинка Мендеса сообщил:

— Еще одиннадцать подводных лодок. Одна прорвалась. Кажется, находится рядом с «Мушкетом». Сбрось глубинные бомбы.

Скотт кивнул и отдал распоряжение. Корабль сильно вздрогнул и через секунду пришло донесение: течь топлива с правого борта.

Да, но несколько точно нацеленных торпед могут причинить больше неприятности.

«Мушкет» плыл под непрерывным обстрелом тяжелых орудий, тепловые лучи прошивали судно насквозь. Большим кораблям нелегко избежать этих жгучих лучей, которые могут расплавить бронеовые плиты, но водолеты, танцевавшие вокруг, как разъяренные псы, посылали в излучатели град снарядов. Даже такая атака требовала взаимодействия. Лучи были невидимы, и засечь их можно было лишь тогда, когда ты становился целью. Расчеты камер работали непрерывно, снимая залпы с неприятельских кораблей, прослеживая источник их лучей и передавая информацию экипажам водолетов.

— «Ригель» Морских Дьяволов вышел из боя.

На экране крупный эсминец повернулся вокруг собственной оси, явно собираясь идти на таран. Скотт молниеносно отдал приказ, и «Мушкет» безжалостно ударил, расстреливая обреченный «Ригель».

Корабль проплыл так близко, что команда «Мушкета» видела, как его кладет с борта на борт. Скотт проверил его курс и отчаянно пытался вызвать Мендеса. Последовала пауза.

— ОМ, ОМ, срочно! Дайте «Зуни»!

— Говорите, капитан.

— Измените курс! ОМ! Эсминец «Ригель» плывет прямо на вас! — выкрикнул Скотт.

— Принято. — Экран потемнел. Скотт включил пеленгатор и даже застонал от того, что увидел. «Зуни» плыл быстро, но «Ригель» был слишком близко, чертовски близко.

И таранил.

— Черт бы тебя побрал, — пробормотал Скотт. Они выключили «Зуни» из сражения. Он доложил обо всем цинку Рису.

— Принято, капитан. Продолжай держаться строем Р-8.

На экране появился Мендес.

— Капитан Скотт, мы потеряли ход. Я выхожу на палубу. Мне

нужно руководить подводной стрельбой. Вы можете предложить мне место в вашей рубке?

— Конечно, цинк. Переходите через порт сектора семь.

Окутанные туманом флоты плыли параллельным курсом, крупные линейные корабли держались в неизменном боевом порядке, посылая лучи и снаряды в промежутки между собой. Более легкие корабли то и дело покидали строй, а водолеты роились, как комары, скопом набрасываясь на каждый корабль крупнее себя.

Планеры при таком сближении были бесполезны.

Грохот продолжался, все новые удары раскачивали «Мушкет».

— Подбит «Орион» Морских Дьяволов. Подбит «Сириус».

— Подбит «Апач», корабль Банды.

— Уничтожены еще четыре подводные лодки противника.

— Подводная лодка Дуне «Икс-16» не отвечает.

— «Полярис» Морских Дьяволов потерял ход.

— Вышли из боя вспомогательные водолеты, номера девять и двадцать.

Тяжело дыша, вошел цинк Мендес. Скотт жестом указал ему на соседнее кресло.

— Подбита «Пика». Минутку... Цинк Рис ранен, капитан.

Скотт замер.

— Подробности.

— Минутку... Он убит, капитан.

— Ну что ж, — сказал Скотт после паузы, — я принимаю командование. Передай это на корабли.

Он перехватил взгляд, который бросил на него цинк Мендес. Когда погибал цинк Отряда, имелись два варианта — выбор нового цинка или объединение с другим Отрядом. В данном случае от Скотта требовалось, чтобы, учитывая его ранг, он временно принял командование флотом. Позднее в форте Дуне пройдет общее собрание, где и будет принято окончательное решение.

Но сейчас Скотт подумал об этом только мельком. Рис мертв! Твердый, неподвластный эмоциям Рис убит в бою. Капитан вспомнил, что где-то в Крепости у него была свободная жена. Отряд будет выплачивать ей ренту. Скотт никогда не видел этой женщины... Странно, теперь он подумал, какая она, а раньше такой вопрос вообще не мог возникнуть.

Экраны мерцали. Теперь его обязанности удвоились, нет, утроились: Руководя битвой, Скотт забыл обо всем прочем.

Это походило на первую степень амнезии, когда трудно определить, сколько времени прошло. Битва могла длиться уже час, а могла и все шесть. Или меньше часа.

— Эсминец потерял ход, крейсер тоже. Три вражеские подводные лодки выведены из строя.

И так далее, без конца. Сидя рядом с ним, цинк Мендес управлял подводным сражением. «Где, черт побери «Армагеддон», — думал Скотт. Бой может закончиться, прежде чем появится эта черепаха-переросток.

Внезапно экран замигал — ОМ. Появилось худощавое лицо со сломанным носом — цинк Флинн, командир Морских Дьяволов.

— Вызываю командование Дуне.

— Принято. Капитан Скотт, командующий.

Почему Флинн вышел на связь? Вражеские флоты никогда не контактировали во время сражения, разве что для капитуляции.

— Вы пользуетесь атомным оружием. Прошу объяснений, — коротко произнес Флинн.

Мендес вздрогнул. Скотт почувствовал, как холодная рука стискивает его желудок.

— Разумеется, это произошло без моего ведома и согласия, цинк Флинн. Мне очень жаль. Подробности?

— Один из ваших водолетов выстрелил из атомного пистолета в «Орион».

— Потери?

— Повреждено семиствольное орудие.

— Одно из наших орудий того же класса немедленно прекратит огонь. Что-то еще, цинк?

— Воспользуйтесь вашим детектором в секторе Мобиль-восемнадцать, южнее «Ориона». Ваши извинения приняты. Мы исключим инцидент из наших записей.

Флинн прервал связь, а Скотт поймал детектором водолет Дуне и увеличил изображение.

Маленькое суденышко удирало от огня неприятеля, мчась обратно к своему флоту, прямо на «Мушкет». Сквозь прозрачный колапс Скотт видел, что бомбардир, у которого отстрелили полчерепа, безвольно обвис в кресле. Пилотом был Норман Кэн, он по-прежнему сжимал в руке атомный пистолет. Кровь ручьями стекала по его напряженному лицу.

Итак, банда Старлигга наверняка использовала атомное оружие. Кэн, покидая ее, контрабандой пронес пистолет и сейчас, в возбуждении боя, использовал его против неприятеля.

— Расчет орудия правого борта. Водолет Зет-19-4. Уничтожить его, — холодно приказал Скотт.

Почти сразу же рядом с суденышком разорвался снаряд. На экране Кэн взглянул вверх, удивленный, что в него стреляют свои. Затем на лице юноши отразилось понимание. Он резко повернул и поплыл зигзагом, отчаянно пытаясь избежать града снарядов.

Скотт следил за всем этим, стиснув зубы. Через мгновение водолет исчез в столбе разрыва, разлетевшись на куски.

Правосудие свершилось.

После сражения Отряды объединятся, чтобы уничтожить банду Старлинга.

Но пока бой продолжался, и Скотт вернулся к своим экранам, вычеркнув инцидент из памяти.

Постепенно чаша весов начала клониться в сторону Морских Дьяволов. Обе стороны теряли корабли, они выходили из боя, реже — тонули, и Скотт все чаще думал об «Армагеддоне», который мог бы разом решить исход сражения. Но тот по-прежнему был далеко позади.

Скотт не услышал взрыва, уничтожившего командную рубку, он сразу потерял сознание.

Вероятно, беспмятство длилось недолго. Открыв глаза, он увидел разгромленную рубку и в первый момент решил, что уцелел он один. Но это не могло быть прямым попаданием, тогда погиб бы и он.

Сейчас он лежал на спине, придавленный тяжелой балкой, но кости были целы. Ему просто повезло — основной удар приняли на себя операторы. Скотт сразу понял, что они мертвы.

Он попытался выбраться из-под балки, но это оказалось ему не по силам. В громе битвы голос его совершенно терялся.

На полути к двери что-то шевельнулось. Цинк Мендес с трудом поднялся и огляделся по сторонам. Кровь стекала по его лицу.

Заметив Скотта, он остановился, покачиваясь взад и вперед и тупо глядя на капитана.

Потом положил руку на рукоять своего пистолета.

Скотт с легкостью читал его мысли. Если бы сейчас погиб капитан Отряда Дуне, имелся шанс, что Мендес соединится с Дуне и примет командование. Этого требовало военно-политическое равновесие.

Если Скотт выживет, он, вероятно, будет выбран цинком.

Таким образом, убийство несло бы Мендесу явную выгоду.

Какая-то тень проскользнула в дверь. Стоявший спиной к вошедшему, Мендес не видел, что лейтенант Бинне остановился на пороге, грозно смотря на эту сцену. Скотт знал, что Бинне не хуже его самого оценивает ситуацию. Лейтенант понимал, что через мгновение Мендес вытащит оружие и выстрелит.

Скотт ждал. Пальцы цинка сомкнулись на рукояти пистолета. Криво усмехнувшись, Бинне сказал:

— Я думал, этот снаряд прикончил вас, капитан. Но не так-то просто убить солдата Дуне.

Мендес снял руку с оружия и встал прямо. Потом повернулся к Бинне.

— Рад видеть вас, лейтенант. Может, вместе нам удастся поднять эту балку.

— Попробуем.

Вдвоем они сняли балку с груди Скотта. Взгляд капитана на мгновение встретился с глазами Бинне. В них по-прежнему не было никаких дружеских чувств.

Честно говоря, Бинне вовсе не спас Скотту жизнь. Это был, скорее, вопрос лояльности к Отряду Дуне. Бинне был прежде всего солдатом и состоял в Свободном Отряде.

Скотт ощупал себя — все цело.

— Долго я был без сознания, лейтенант?

— Десять минут. «Армагеддон» подходит.

— Отлично. Морские Дьяволы меняют курс?

Бинне покачал головой.

— Пока они ничего не подозревают.

Скотт откашлялся и направился к двери, остальные пошли следом.

— Нам нужен другой флагман, — заметил Мендес.

— Хорошо. Пусть будет «Аркебуза». Лейтенант, принимайте командование здесь. Цинк Мендес...

Водолет перевез их на «Аркебузу», все еще пригодную к бою. Скотт заметил, что «Армагеддон» беспомощно ползет через волны. Согласно плану сражения, корабли Дуне подвели Морских Дьяволов к этому явно беспомощному гиганту. Техники проделали огромную работу: фальшивый киль выглядел весьма убедительно.

На борту «Аркебузы» Скотт принял командование, оставив Мендесу вспомогательный пульт для его глубинных бомб. Цинк склонился над плечом капитана.

— Подождем, пока заговорит монитор, капитан.

— Да... но пока наши дела идут неважно.

Никто из них ни слова не сказал об инциденте, его тактично забыли — единственное, что можно было сделать.

По-прежнему гремели орудия. Морские Дьяволы заливали огнем строй Дуне и побеждали. Скривившись, Скотт смотрел на экраны. Если тянуть, может оказаться слишком поздно.

Он перевел изображение на «Армагеддон». Корабль находился в превосходной позиции, между двумя крупнейшими кораблями Морских Дьяволов.

— Снять маскировку. Огоны!

На мониторе открылись орудийные порты, выдвинулись огромные орудия морского гиганта. Они выстрелили почти одновременно, и их грохот заглушил залпы легких орудий.

— Всем судам Дуне в атаку, — скомандовал Скотт. — План Р-7.

Наконец-то!

Корабли Дуне начали общее наступление. Стреляя, ударяя,

время, орудия пытались заглушить рев монитора. Это им не удалось, но дикая, беспримерная бойня решила вопрос о победе.

Ввести монитор в сражение было почти невозможно, но уж если это удалось, остановить чудовище могла только атомная энергия.

И все же Морские Дьяволы еще дрались, пытались провести тактическую перегруппировку. Но все было бесполезно: крупные линейные корабли не могли уйти из-под обстрела орудий «Армагеддона». А это значило...

На экране появилось лицо цинка Флинна.

— Мы сдаемся, капитан. Прекратите огонь.

Скотт отдал приказ, и рев орудий сменился невероятной звенящей тишиной.

— Это было великое сражение, цинк.

— Согласен. Ваша хитрость с монитором просто великолепна.

Итак, все кончилось. Скотт чувствовал, что в нем что-то оборвалось, его покинуло возбуждение, поддерживавшее до сих пор.

Остальное было чистой формальностью.

Символические глубинные бомбы будут сброшены на Крепость Вирджиния. Они не причинят никакого вреда куполу, но это входит в правила игры. Крепость, поддерживавшая проигравшую сторону, заплатит выкуп — как обычно. Это будет определенное количество корюма или его эквивалента — по договоренности. Казна Дуне наполнится. Часть денег пойдет на ремонт судов и строительство новых, и жизнь фортов пойдет дальше.

Стоя один на палубе «Аркебузы», плывущей к Крепости Вирджиния, Скотт следил, как мрак превращает облака из жемчужных в серые, а потом и вовсе съедает их. Он был один на один с ночью.

Из иллюминаторов за спиной капитана лился теплый желтый свет, но Скотт не поворачивался. Он думал, что это похоже на окутанный облаками Олимп в Крепости Монтана, где он клялся Илен... во многом.

Однако была и разница. На Олимпе человек уподоблялся богу, возносился над миром. Здесь же, в этой непроницаемой темноте, чувства обособленности не возникало. Вокруг ничего не было видно — у Венеры нет спутника, тучи закрыли звезды, а море не фосфоресцировало.

«Под этими водами стоят Крепости,— подумал Скотт,— и будущее принадлежит им. Битвы, вроде сегодняшней, нужны, чтобы Крепости оставались целыми».

Люди приносили себя в жертву и всегда будут это делать ради общества или армии.

Человек должен создавать для себя идеалы. «Не будь Бога, человек создал бы его».

Бинне пожертвовал своей преданностью фетишам, а ведь Скотт знал, что он его по-прежнему ненавидит.

Идеалы Свободных Отрядов были насквозь фальшивыми, и все же оттого, что люди в них верили, цивилизация вновь может вырасти из охраняемых Крепостей. Цивилизация, которая забудет своих обреченных защитников — солдат морей Венеры, Свободные Отряды, выкрикивающие свои безумные и безнадежные боевые кличи, ведущие к ночи без рассвета.

Илен.

Джина.

Это был вовсе не простой выбор. Точнее, реального выбора не было. Скотт прекрасно знал, что никогда не поверит всем сердцем в Свободные Отряды. Всегда где-то глубоко в нем самом будет горько посмеиваться дьявол.

Плеск волн усилился.

Все это было неразумно, а его рассуждения — сентиментальны, безумны, глупы и слащавы.

Но теперь Скотт знал, что не собирается возвращаться к Илен. Конечно, он был глупцом.

Но вместе с тем — солдатом.

ПРИЗРАК

Председатель Объединения чуть не свалился с кресла. Щеки его посерели, челюсть отвисла, а суровые голубые глаза за контактными линзами потеряли свою обычную проницательность и стали просто глупыми. Бен Холлидей медленно крутнулся на кресле и уставился на нью-йоркские небоскребы, словно желая убедиться, что все еще живет в двадцать первом веке — золотом веке науки.

За окном не было никакой ведьмы на метле.

Несколько прибодрившись, Холлидей повернулся к прямому седовласому человеку с узкими губами, сидевшему по другую сторону стола. Доктор Элтон Форд не походил на Калиостро, он выглядел тем, кем был на самом деле: величайшим из психологов.

— Что вы сказали? — неуверенно переспросил Холлидей.

Форд с педантичной точностью соединил кончики пальцев и склонил голову.

— Вы же слышали. Все дело в призраках. Вашу антарктическую станцию захватил призрак.

— Вы шутите. — В голосе Холлидея звучала надежда.

— Я представляю вам свою теорию в наиболее упрощенной форме. Разумеется, я не могу ничего доказать без исследований на месте.

— Призраки!

Тень улыбки скользнула по губам Форда.

— Без белых саванов и звенящих цепей. Этот тип призрака не противоречит логике, мистер Холлидей, и не имеет ничего общего с суевериями. Он мог появиться только в век науки, а для замка Отранто был бы абсурдом. В наши дни вы со своими интеграторами проложили призракам новые пути. Боюсь, если ничего не предпринять, после первого призрака появятся следующие. Я верю в свои силы, в то, что сумею поправить дело и сейчас, и в будущем, но доказать это могу только эмпирически. Я должен уничтожить призрака не с помощью колокольчика, Библии и свечи, а психологическим воздействием.

Холлидей никак не мог прийти в себя.

— Вы верите в духов?

— Со вчерашнего дня я верю в особый вид духов. В принципе, явление это не имеет ничего общего с фольклорными персонажами, однако, оперируя иными данными, мы достигаем тех же результатов, что и авторы страшных историй. Симптомы те же самые.

— Не понимаю.

— В эпоху волшебства ведьма варила в котле травы, добавляла пару жаб и летучих мышей, и этой микстурой лечила сердечные недуги. Сегодня мы оставляем фауну в покое и лечим сердце наперстянкой.

Обалдевший Холлидей покачал головой.

— Мистер Форд, признаться, я не знаю, что вам ответить. Должны быть веские причины для таких утверждений...

— Уверяю вас, они есть.

— Но...

— Пожалуйста, выслушайте, — с расстановкой сказал Форд. — С тех пор, как умер Бронсон, вы не можете удержать на своей антарктической станции ни одного оператора. Этот парень — Ларри Крокетт — высидел дольше остальных, но и у него проявляются определенные симптомы: тупая безнадежная депрессия, полная инертность.

— Но ведь эта станция — один из главных научных центров мира. Откуда призраки в таком месте?

— Мы имеем дело с совершенно новым видом призрака, — объяснил Форд. — И в то же время с одним из самых старых. И опаснейшим. Современная наука завершила сегодня полный круг и создала призраков. Мне не остается ничего иного, как отправиться в Антарктиду и попытаться изгнать дьявола.

— О, Боже! — сказал Холлидей.

Raison d'être¹ станции был огромный подземный зал, называемый безо всякого уважения Черепом и словно перенесенный сюда из древней истории: Карнака, Вавилона или Ура. Высокий и совершенно пустой, если не считать двойного ряда мощных колонн вдоль стен. Они были сделаны из белой пластмассы, стояли каждая отдельно и достигали в высоту двадцати футов, а в диаметре — шести. Внутри колонн находились радиоатомные мозги, усовершенствованные Объединением. Интеграторы.

Они не были коллоидальными, а слагались из мыслящих машин, действующих со скоростью света, однако определение «ро-

¹ Raison d'être (фр.) — смысл существования.

бот» к ним не подходило. Вместе с тем, это не были изолированные мозги, способные осознать свое «я». Ученые разработали элементы, составляющие мозг мыслящего существа, создали их эквиваленты, но большей мощности, и получили чуткие, идеально функционирующие машины с фантастически высоким показателем интеллекта. Их можно было использовать поодиночке или все вместе, причем возможности увеличивались пропорционально количеству.

Главным достоинством интеграторов была эффективность. Они могли отвечать на вопросы, могли решать сложные задачи. Определение орбиты метеорита занимало у них минуты или секунды, тогда как опытному астроному для получения того же ответа требовались недели. В быстротечном, хорошо смазанном 2030 году время было бесценно. Последние пять лет показали, что интеграторы — тоже.

Тридцать белых колонн вздымались в Черепе, а их радиоатомные мозги работали с пугающей точностью. Они никогда не ошибались.

Это были разумы, чуткие и могучие.

Ларри Крокетт, высокий краснолицый ирландец, с черными волосами и взрывным темпераментом, сидел за обедом напротив доктора Форда и тупо смотрел на десерт, появившийся из пищевого автомата.

— Вы меня слышали, Крокетт?

— Что? А, да... Ничего особенного, просто я паршиво себя чувствую.

После смерти Бронсона на этой должности помеялись шесть человек и все чувствовали себя паршиво.

— Ну... здесь так одиноко, в коробке подо льдом...

— Раньше, на других станциях, тоже жили одиноко. И вы в том числе.

Крокетт пожал плечами; даже это простое движение выдавало смертельную усталость.

— Откуда мне знать, может, я тоже уволюсь.

— Вы... боитесь здесь оставаться?

— Нет. Здесь нечего бояться.

— Даже призраков?

— Призраков? Пожалуй, несколько штук оживили бы обстановку.

— До прихода сюда у вас были честолюбивые намерения. Вы собирались жениться, добивались повышения.

— Да-а.

— И что случилось? Это перестало вас интересовать?

— Можно сказать и так,— согласился Крокетт.— Я не вижу смысла... ни в чем.

— А ведь вы здоровы, об этом говорят тесты, которые вы прошли. Здесь, в этом месте, царит черная, глубокая депрессия, я сам ее ощущаю.— Форд замолчал. Тупая усталость, таившаяся в уголках его мозга, медленно выбиралась наружу, словно ленивый язык ледника. Он осмотрелся. Станция была светлой, чистой и спокойной, и все же этого не чувствовалось.

Они вернулись к теме разговора.

— Я смотрел интеграторы, они во всех отношениях очень интересны.

Крокетт не ответил, отсутствующе глядя на чашку с кофе.

— Во всех отношениях,— повторил Форд.— Кстати, вы знаете, что случилось с Бронсоном?

— Конечно. Он спятил и покончил с собой.

— Здесь.

— Точно. Ну и что?

— Остался его дух,— сказал Форд.

Крокетт уставился на него, потом откинулся на спинку стула, не зная, смеяться ему или просто равнодушно удивиться. Наконец он решился на смех, прозвучавший не очень весело.

— Значит, не у одного Бронсона не все дома,— заметил он. Форд широко улыбнулся.

— Спустимся вниз, посмотрим интеграторы.

Крокетт с едва заметной неприязнью заглянул в глаза психологу и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Вниз? Зачем?

— Вы имеете что-то против?

— Черт возьми, нет,— ответил Крокетт.— Только...

— Воздействие там сильнее,— подсказал Форд.— Депрессия усиливается, когда вы оказываетесь рядом с интеграторами. Верно?

— Да,— буркнул Крокетт.— И что с того?

— Все неприятности идут от них. Это очевидно.

— Они действуют безукоризненно — мы вводим вопросы и получаем правильные ответы.

— Я говорю не об интеллекте,— возразил Форд,— а о чувствах.

Крокетт сухо рассмеялся.

— У этих чертовых машин нет никаких чувств.

— Собственных нет, поскольку они не могут творить. Их возможности не выходят за рамки программы. Но послушайте, Крокетт, вы работаете со сверхсложной мыслящей машиной, с радио-атомным мозгом, который ДОЛЖЕН быть чутким и восприимчивым. Это обязательное условие. И вы можете создавать трид-

цатиэлементный комплекс потому, что находитесь в точке равновесия магнитных линий.

— Вот как?

— Что случится, если вы поднесете магнит к компасу? Компас начнет действовать по законам магнетизма. Интеграторы действуют... по какому-то другому принципу. И они невероятно точно выверены — состояние идеального равновесия.

— Вы хотите сказать, они спятили? — спросил Крокетт.

— Это было бы слишком просто, — ответил Форд. — Для безумия характерны изменчивые состояния. Мозги же в интеграторах уравновешены, стабилизированы в неких границах и движутся по неизменным орбитам. Но они восприимчивы — просто обязаны быть такими — к одной вещи. Их сила — их слабость.

— Значит...

— Вам случалось бывать в обществе психически больного человека? — спросил Форд. — Уверен, что нет. Это производит заметное воздействие на впечатлительных людей. Разум же интеграторов значительно сильнее подвержен внушению, чем человеческий.

— Вы имеете в виду индуцированное безумие? — спросил Крокетт, и Форд утвердительно кивнул.

— Точнее, индуцированную фазу психической болезни. Интеграторы не могут скопировать схему болезни, они на это не способны. Если взять чистый фонодиск и сыграть какую-нибудь мелодию, она запишется и получится пластинка, много раз повторяющая произведение. Некоторые способности интеграторов представляли собой как бы незаписанные пластинки, их непонятные таланты — производное совершенной настройки мыслящего устройства. Воля машин не играет тут никакой роли. Сверхъестественно чувствительные интеграторы записали психическую модель какого-то мозга и теперь воспроизводят ее. Точнее, модель психики Бронсона.

— То есть, — вставил Крокетт, — машины рехнулись.

— Нет. Безумие связано с сознанием личности, а интеграторы лишь записывают и воспроизводят. Именно потому шестеро операторов покинули станцию.

— Хорошо, — сказал Крокетт. — Я последую их примеру, прежде чем свихнуться. Это довольно... мерзко.

— Как это ощущается?

— Я бы покончил с собой, не требуя этих усилий, — коротко ответил ирландец.

Форд вынул блокнот для шифрованных записей и повернул ручку.

— У меня здесь история болезни Бронсона. Вы когда-нибудь слышали о типах психических болезней?

Станция была полностью автоматизирована, и для работы на ней хватало одного оператора. Интеграторы же действовали, как хорошо смазанные шестерни, и после монтажа являли собой своего рода совершенство, не требуя никакого ремонта. Они просто не могли испортиться, конечно, если не считать индуцированной психической болезни. Но даже она не влияла на качество их работы. Интеграторы по-прежнему решали сложные проблемы, давая верные ответы. Человеческий разум давно бы уже распался, тогда как радиоатомные мозги просто записали схему маниакально-депрессивного психоза и непрерывно воспроизводили ее.

По станции кружили призраки. Несколько дней спустя доктор Форд заметил неуловимые, блуждающие тени, которые, словно вампиры, высасывали отовсюду жизнь и энергию. Сфера их влияния распространялась и за пределы станции. Время от времени Крокетт выходил на поверхность и, закутавшись в обогревательный комбинезон, отправлялся в рискованные путешествия. При этом он доводил себя до полного изнеможения, словно надеясь победить депрессию, царящую подо льдом.

Однако, тени незаметно сгущались. Серое, свинцовое небо Антарктиды никогда прежде не угнетало Крокетта, а далекие горы, вздымающиеся подобно потомству мифического Имира, никогда прежде не казались ему живыми существами, как сейчас. Они были уже полуживыми, слишком старыми и усталыми, чтобы двигаться, и тупо радовались тому, что могут неподвижно покоиться на бескрайних просторах ледовых пустынь. Стоило затрещать леднику, и тяжелый, гнетущий, изнуряющий приступ депрессии накатывал на Крокетта. Его разум здорового животного сжимался и падал в бездну.

Он пытался бороться, но тайный враг приходил скрытно, и никакие стены не могли его остановить. Он неуклонно проникал в тело ирландца.

Крокетт представил себе Бронсона — сжавшегося в комок, молча смотрящего в пустоту черной бездны, навсегда поглотившей его — и содрогнулся. В последние дни он слишком часто возвращался мыслями к страшным рассказам, которыми когда-то зачитывался. В них кишели иррациональные образы, созданные М. Р. Джеймсом и его предшественниками: Генри Джеймсом, Бирсом, Мэем Синклером и другими авторами. В свое время Крокетт наслаждался этими историями, они захватывали его и позволяли бояться понарошку, когда он на мгновение делал вид, что верит в невозможное. Могло ли существовать нечто подобное? Да, отвечал он себе тогда, но не верил в это. Теперь призрак завладел станцией, и логические выводы Форда оказались бессильны против древнего суеверия.

С тех времен, когда волосатые люди сжимались в пещерах,

существовал страх темноты. Голоса кровожадных хищников, раздающиеся среди ночи, не всегда связывали с животными. Воображение придавало им иные формы: измененные, пугающие звуки, доносящиеся издалека, и ночь, таящаяся за кругом костра, породили демонов и оборотней, вампиров, великанов и ведьм.

Да, страх существовал по-прежнему, но появилась еще более страшная, чем древний ужас, обезволивающая, невыразимо отчаянная депрессия, окутывающая человека, как саван.

Ирландец вовсе не был трусом. Когда приехал Форд, он решил остаться, по крайней мере, пока не выяснится, удался эксперимент психолога или нет. Несмотря на это, его не очень обрадовало появление гостя Форда, депрессивного маньяка.

Внешне Уильям Квейл ничуть не походил на Бронсона, но чем дольше он находился на станции, тем более напоминал его Крокетту. Квейлу было около тридцати лет, он был худощавым, темноволосым, с живыми глазами. Если что-то ему не нравилось, он впадал в дикую ярость, и цикл его болезни длился примерно неделю. За это время он переходил от состояния чернейшего отчаяния к безумному возбуждению, и этот ритм никогда не менялся. Присутствие призрака, казалось, не имело для него значения. Форд считал, что возбуждение Квейла было так велико, что нивелировало излучаемую интеграторами депрессию.

— У меня есть его история болезни, — сказал Форд. — Его можно было без труда вылечить в санатории, где я его нашел, но, к счастью, мое предложение оказалось первым. Вы заметили, как он заинтересовался скульптурой?

Они находились в Черепе, где Крокетт безо всякого энтузиазма проводил ежедневный осмотр интеграторов.

— Он занимался ею прежде, доктор? — спросил ирландец. Ему хотелось выговориться: тишина нагнетала напряжение.

— Нет, но у него изрядные способности. Скульптура занимает голову и руки одновременно. В его психике это связано между собой. Прошли три недели, правда? И Квейл уже на пути к выздоровлению...

— Но это ничего не дало... им... — Крокетт кивнул в сторону белых колонн.

— Знаю. Пока ничего, но подождите немного. Думаю, что когда Квейл полностью излечится, интеграторы это запишут. Радиоатомный мозг поддается лечению только индукцией. Очень неудачно получилось, что Бронсон находился здесь все время один. Его можно было вылечить, если бы...

Но Крокетт не желал слышать об этом.

— А как там сны Квейла?

Форд тихо засмеялся.

— В данном случае метод себя оправдал. У Квейла есть не-

приятности, иначе он вообще не рехнулся бы, и эти неприятности отражаются в снах, искаженные фильтром автоцензуры. Мне приходится расшифровывать символы, опираясь на мои знания о самом Квейле. При этом очень помогают тесты на словесные ассоциации. Он был человеком, поссорившимся с жизнью, причина заключалась в его раннем общении с людьми. Вместе с тем он ненавидел и боялся своего отца-тирана. В детстве ему привили убежденность, что он ни с кем не сможет состязаться и всегда будет проигрывать. Во всех своих несчастьях он обвиняет отца.

Крокет кивнул, рассеянно разглядывая верньер.

— Если я правильно понял, вы хотите уничтожить его чувства к отцу, верно?

— Скорее, уничтожить уверенность, что отец властвует над ним. Он должен поверить в свои силы и одновременно понять, что и отец может ошибаться. К тому же, с этим связана и религиозная мания. Возможно, это идет от его натуры, но это вопрос меньшего значения.

— Призраки! — сказал вдруг Крокетт, взгляды в ближайший интегратор.

В холодном свете флуоресцентных ламп Форд проследил его взгляд, а потом осмотрел весь подземный зал, где неподвижно высились колонны.

— Знаю, — сказал Форд. — И пусть вам не кажется, что на меня это не действует. Но я борюсь с этим, мистер Крокетт, и в этом вся разница. Если бы я сидел в углу и предавался отчаянию, я обязательно пропал бы. Но я стараюсь действовать, относясь к депрессии, как к противнику, обладающему личностью. — Черты его сурового, напряженного лица, казалось, заострились. — Это лучший способ.

— А сколько еще...

— Мы близимся к концу. Когда Квейл излечится, все станет ясно.

БРОНСОН, ОКРУЖЕННЫЙ ПРИЗРАКАМИ, ПОГРУЖЕННЫЙ В БЕЗНАДЕЖНУЮ АПАТИЮ, В ГЛУХОМ, СЛЕПОМ УЖАСЕ, ТАКОМ ВСЕМОГУЩЕМ, ЧТО МЫШЛЕНИЕ СТАЛО НЕВЫНОСИМЫМ И БЕССМЫСЛЕННЫМ УСИЛИЕМ... ВОЛЯ К БОРЬБЕ ИСЧЕЗЛА, ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО СТРАХ И ГОТОВНОСТЬ ПРИНЯТЬ ЛЕДЯНОЙ МРАК.

Это было наследие Бронсона. Да, думал Крокетт, призраки существуют. Сегодня, в двадцатом веке, может, прямо сейчас. Когда-то это были просто суеверия, но здесь, в подледном зале, тени сгущались даже там, где не могло быть теней. Разум Крокетта и во сне и наяву непрерывно атаковали фантастические видения. Его сны заполняла бесформенная, невообразимо пус-

тая темнота, которая неумолимо надвигалась, когда он пытался бежать на подгибающихся ногах.

Однако Квейл чувствовал себя все лучше.

Три недели, четыре, пять, наконец, кончилась шестая. Крокетт устал, и его не покидало чувство, что он останется в этой тюрьме до самой смерти, что никогда ему не выбраться отсюда. Но он стойко переносил все. Форд вел себя ровно, только стал еще собраннее, суше, сдержаннее. Ни словом, ни жестом он не давал понять, с какой силой интеграторы атакуют его психику.

Интеграторы в глазах Крокетта обрели индивидуальность. Теперь они были для него угрюмыми джинами, затаившимися в Черепе, совершенно равнодушными к судьбам людей.

Снежная буря, стегая лед порывами ветра, превратила ледник в спутанный клубок. Крокетт, лишенный возможности выйти на поверхность, все больше погружался в уныние. Пищевые автоматы, располагающие любыми продуктами, сервировали стол; если бы не они, все трое ходили бы голодными. Крокетт был слишком апатичен, чтобы заниматься чем-либо, выходящим за пределы его профессиональных обязанностей, и Форд уже начал озабоченно поглядывать на него. Напряжение не уменьшалось.

Если бы что-то изменилось, если бы возникло хотя бы малейшее отклонение от смертоносной монотонности депрессии, появилась бы надежда. Однако запись навсегда остановилась на одной фазе. Ощущение безнадежности и поражения было так сильно, что Крокетт не мог бы даже покончить с собой. И все же он продолжал судорожно держаться за остатки здравого смысла, зацепившись за одну мысль — быстрое излечение Квейла автоматически уничтожит призрак.

Медленно, почти незаметно, терапия начинала действовать. Доктор Форд не щадил себя, окружал Квейла заботой и вел к здоровью, выполняя роль протеза, на который мог опереться больной человек. Квейл поддавался тяжело, но в целом результат был удовлетворителен.

Интеграторы по-прежнему излучали депрессию, но уже как-то иначе.

Крокетт заметил это первым. Пригласив Форда в Череп, он спросил доктора о его ощущениях.

— Ощущения? Какие? Вы думаете, что...

— Сосредоточьтесь, — сказал Крокетт, блестя глазами. — Чувствуете разницу?

— Да, — сказал наконец Форд. — Но уверенности пока нет.

— Есть, если оба мы чувствуем одно и то же.

— Вы правы. Есть некоторое смягчение. Гмм. Что вы сегодня делали, мистер Крокетт?

— Я? Как обычно... А, я снова взялся за книгу Хаксли.

— В которую не заглядывали много недель? Это хороший признак. Депрессия слабеет. Разумеется, она не пойдет на подъем, а просто угаснет. Терапия через индукцию: вылечив Квейла, я автоматически вылечил интеграторы. — Форд вздохнул, словно лишившись последних сил.

— Доктор, вам это удалось, — сказал Крокетт, с обожанием глядя на него.

Но Форд его не слушал.

— Я устал, — буркнул он. — Боже, как я устал. Напряжение было ужасно. Борьба с этим проклятым призраком, и ни секунды отдыха... Я боялся даже принимать успокаивающее... Ничего, теперь отдохну.

— Может, выпьем чего-нибудь? Нужно это отметить. Если, конечно, — Крокетт недоверчиво взглянул на ближайший интегратор, — если вы уверены.

— Сомнений нет. Но мне нужен сон и ничего больше.

Он вошел в лифт и исчез. Крокетт, предоставленный самому себе, криво усмехнулся. В глубине Черепа еще таились зловещие видения, но уже изрядно поблекшие. Он выругал интеграторы непечатным словом — они приняли это невозмутимо.

— Конечно, — сказал Крокетт, — вы же только машины. Слишком, черт побери, чуткие. Призраки! Ну, ничего, теперь я здесь хозяин. Приглашу друзей и устрою пьянку от рассвета до заката. И на этой широте солнце не заходит долго!

С такими планами он и отправился следом за Фордом. Психолог уже спал, тяжело дыша во сне. Черты его утомленного лица слегка расслабились. «Постарел, — подумал Крокетт. — Да и кто не постареет в таких условиях?»

Импульсы гасли, волна депрессии исчезла. Он почти физически чувствовал, как она откатывается.

— Приготовлю чили, — решил Крокетт, — как научил меня этот парень из Эль Пасо, и запью шотландским виски. Даже если придется праздновать одному, все равно устрою оргию. — Он нерешительно подумал о Квейле и заглянул к нему. Тот читал книгу и только небрежно кивнул своему гостю.

— Привет, Крокетт! Какие-нибудь новости?

— Нет, просто хорошее настроение.

— У меня тоже. Форд говорит, что я вылечился. Мировой мужик.

— Точно, — горячо согласился Крокетт. — Тебе что-то надо?

— Спасибо, у меня все есть. — Квейл кивнул в сторону автоматов. — Через пару дней меня отсюда заберут. Вы относились ко мне по-христиански; но пора и домой. Меня ждет работа.

— Неплохо. Хотел бы я с тобой поехать! Но мой контракт кончится только через два года. Пришлось бы либо разорвать его, либо оформлять перевод.

— У тебя здесь все удобства.

— Да уж! — ответил Крокетт и слегка вздрогнул. Потом вышел, чтобы приготовить чили и подкрепиться глотком разбавленного виски. Не рано ли он обрадовался? Может, кошмар еще не побежден? А если депрессия вернется с прежней силой?

Крокетт выпил еще виски — помогло. Во время депрессии он не отваживался пить алкоголь, но теперь чувствовал себя так хорошо, что доедал перец под аккомпанемент немелодичного пения. Разумеется, не было способа проверить психическую эманацию интеграторов каким-нибудь прибором, однако исчезновение прежней убийственной атмосферы не оставляло места для ошибки.

Радиоатомные мозги вылечились. Процесс, начатый мыслительным извержением Бронсона, наконец исчерпал себя и закончился — с помощью индукции. Спустя три дня самолет забрал Квейла и улетел на север, в Южную Америку. Форд остался на станции, чтобы обобщить результаты исследований.

Атмосфера на станции совершенно изменилась. Теперь здесь было уютно, ясно и спокойно. Интеграторы уже не казались дьяволами, а были просто приятными для глаза стройными белыми колоннами, в которых размещались радиоатомные мозги, послушно отвечающие на вопросы Крокетта. Станция работала без помех. А на поверхности ветер подметал полярные просторы белоснежной метелью.

Крокетт готовился к зиме. У него были книги, кроме того, он нашел старый этюдник, просмотрел акварели и пришел к выводу, что проживет до весны без проблем. На станции не осталось ничего угнетающего. Опрокинув стаканчик, он отправился в инспекционный обход.

Форд стоял перед интеграторами, задумчиво глядя на них. Он отказался от предложения выпить.

— Нет, спасибо. Кажется, все в порядке, депрессия кончилась.

— Вам нужно чего-нибудь выпить, — сказал Крокетт. — Мы многое пережили вместе, и один глоток пойдет вам на пользу. Смягчит переход.

— Нет. Я должен обработать отчет. Интеграторы настолько логичные устройства, что будет жаль, если они начнут испытывать психические расстройства. К счастью, этого не произойдет — я доказал, что безумие можно лечить с помощью индукции.

Крокет язвительно посмотрел на интеграторы.

— Взгляните, это же воплощение невинности.

— Да? Когда кончится эта метель? Я должен заказать самолет.

— Трудно сказать. Последняя продолжалась целую неделю без перерыва. А эта... — Крокетт пожал плечами. — Я попробую узнать, но ничего не обещаю.

— Мне нужно срочно возвращаться.

— Понимаю, — сказал Крокетт. Он поднялся на лифте в свой кабинет и просмотрел поступающие запросы, выбирая, что ввести в интеграторы. Один был важным — какая-то геологическая задача сейсмической станции из Калифорнии. Впрочем, и с ней можно было подождать.

Пить он больше не стал. Так уж сложилось, что план оргии реализовать не удалось. Облегчение само по себе оказалось сильным средством. Теперь, тихо посвистывая, он собрал бумаги и вновь отправился в Череп. Станция выглядела прекрасно. Впрочем, может, это вызывалось сознанием отмены смертного приговора. Тем более, что проклятая депрессия была еще хуже верной смерти.

Он вошел в лифт — старомодный, на рельсах, действующий по принципу противовеса. Рядом с интеграторами нельзя было установить магнитный лифт. Нажав на кнопку и глядя вниз, он увидел под собой Череп и белые колонны, уменьшенные перспективой.

Послышались шаги, Крокетт повернулся и увидел бегущего к нему Форда. Лифт уже начал двигаться, и ирландец потянулся к кнопке «стоп».

Впрочем, он тут же передумал, потому что Форд поднял руку и направил на него пистолет. Пуля попала Крокетту в бедро, он покачнулся и навалился на рельс, а Форд одним прыжком оказался в кабине. Лицо его утратило обычное бесстрастное выражение, глаза горели безумием.

Крикнув что-то непонятное, Форд вновь нажал спуск. Крокетт отчаянно метнулся вперед. Пуля прошла мимо, а он со всего маху налетел на Форда. Психолог потерял равновесие и повалился на рельс. Когда он попытался выстрелить еще раз, Крокетт, едва держась на ногах, ударил его в челюсть.

Точность и сила удара оказались фатальными. Форд рухнул в шахту, и через некоторое время снизу донесся глухой удар.

Лифт мягко двинулся. Постанывая от боли, Крокетт разодрал рубашку и перевязал обильно кровоточащую рану.

Холодный свет флуоресцентных ламп осветил колонны интеграторов, вершины которых сначала поравнялись с Крокеттом, потом уходили все выше и выше по мере того, как он опускался. Выглянув на край платформы, он мог бы увидеть тело Форда, но зрелища этого и так было не избежать.

Вокруг стояла полная тишина.

Все дело было в напряжении и запоздалой реакции. Форду нужно было напиться. Алкоголь ослабил бы резкий переход от долгих месяцев сущего ада. Недели борьбы с депрессией, месяцы постоянной готовности к опасности, которой он придавал черты материального противника, жизнь в неестественном темпе... Потом — успех и угасание депрессии. И тишина, — смертельная, ужасная, и время, чтобы расслабиться и подумать.

Вот Форд и спятил.

Крокетт вспомнил, что он говорил об этом несколько недель назад. У психологов порой проявляется склонность к душевным болезням, именно потому их привлекает эта область знаний, потому они ее так хорошо понимают.

Лифт остановился. Неподвижное тело Форда лежало совсем рядом. Крокетт не видел его лица.

Психические болезни типа маниакально-депрессивного психоза — случаи довольно простые. Шизофрения более сложна. И неизлечима.

Неизлечима.

Доктор Форд был шизоидным типом, он сам сказал это несколько месяцев назад.

И вот теперь доктор Форд, жертва шизофренического безумия, умер насильственной смертью, как и Бронсон. Тридцать белых столбов стояли в Черепе, и Крокетт, глядя на них, испытал приступ парализующего тупого ужаса.

Тридцать радиоатомных мозгов, сверхчувствительных, готовых записать любой новый ритм на чистых дисках. На этот раз не маниакально-депрессивный.

Теперь это будет не укладываемое ни в какие рамки неизлечимое безумие шизофреника.

Извержение мысли — о, да! Вот он, доктор Форд, лежит мертвый с безумием, закодированным в его мозгу в момент смерти. Безумием, которое могло бы иметь любую форму.

Крокетт смотрел на тридцать интеграторов, прикидывая, что творится внутри этих белых сверкающих оболочек. Прежде чем кончится метель, ему предстоит это узнать.

Потому что станцией вновь завладел призрак.

ТВОНК

На «Мидэстерн Рэйдио» была такая те-
кучесть кадров, что Микки Ллойд толком
не знал, кто у него работает. Люди бросали
работу и уходили туда, где лучше платили.
Поэтому, когда из склада неуверенно поя-
вился низенький человечек с большой голо-
вой, одетый в фирменный комбинезон, Ллойд лишь взглянул на
брюки типа «садовница», которыми фирма снабжала своих слу-
жащих, и дружелюбно сказал:

— Гудок был полчаса назад. Марш работать!

— Работ-та-ать? — Человек с трудом произнес это слово.

Пьяный, что ли? Как начальник цеха, Ллойд не мог этого позо-
волить. Он погасил сигарету, подошел к странному типу и приняю-
хался. Нет, алкоголем не пахло. Он прочел номер на комбинезо-
не рабочего.

— Двести четыре... гмм. Новенький?

— Новенький. А? — Человек потер шишку, торчащую на лбу.
Вообще, он выглядел странно: лицо без признаков щетины, блед-
ное, осунувшееся, глазки маленькие, а в них — выражение посто-
янного удивления.

— Ну что с тобой, шеф? Проснись! — нетерпеливо потребовал
Ллойд. — Ты работаешь у нас или нет?

— Шеф, — торжественно повторил тип. — Работаешь. Да. Де-
лаю...

Он как-то странно произносил слова, словно у него была вол-
чья пасть.

Еще раз глянув на эмблему, Ллойд схватил человека за рукав
и потащил через монтажный зал.

— Вот твое место. Принимайся за работу. Знаешь, что делать?

В ответ тот гордо выпятил впалую грудь.

— Я... специалист, — заявил он. — Мои... лучше, чем у Понт-
ванка.

— О'кей, — сказал Ллойд. — Делай и дальше так же хорошо. —
И он ушел.

Человек, названный Шефом, на мгновение заколебался, по-
глаживая шишку на голове. Его внимание привлек комбинезон,

и он осмотрел его с каким-то набожным удивлением. Откуда?.. Ах, да, это висело в комнате, куда он сначала попал. Его собственный, конечно же, исчез во время путешествия... Какого путешествия?

«Амнезия, — подумал он. — Я упал с... чего-то, когда это что-то затормозило и остановилось. Как здесь странно, в этом огромном сарае, полном машин!» Это место ничего ему не напоминало.

Ну, конечно, амнезия. Он был работником и создавал предметы, а незнакомое окружение не имело значения. Сейчас его мозг придет в себя, он уже проясняется.

Работа. «Шеф» осмотрел зал, пытаясь расшевелить память. Люди в комбинезонах создавали предметы. Простые предметы. Элементарные. «Может, это детский сад?»

Выждав несколько минут, «Шеф» отправился на склад и осмотрел несколько готовых моделей радио, соединенного с фонографом. Так вот в чем дело! Странные и неуклюжие вещи, но не его дело их оценивать. Нет, его дело производить твонки.

Твонки? Слово это буквально пришло к нему в память. Разумеется, он знал, как делать твонки, прошел специальное профессиональное обучение и делал их всю жизнь. Видимо, здесь производили другую модель твонка, но какая разница! Для опытного профессионала это — детские шалости.

«Шеф» вернулся в зал, нашел свободный стол и начал собирать твонк. Время от времени ему приходилось выходить и воровать нужные материалы. Один раз, не найдя вольфрама, он торопливо собрал небольшой аппаратик и создал его из воздуха.

Его стол стоял в самом темном углу зала, правда, для глаз «Шефа» света вполне хватало. Никто не обращал внимания на его радиолу, уже почти законченную. «Шеф» работал быстро, и до гудка все было готово. Можно бы наложить еще один слой краски — предмету не хватало мерцающего блеска стандартных твонков — но тут ни один экземпляр не блестел. «Шеф» вздохнул, заполз под стол, безуспешно поискал релакс-пакет и заснул прямо на голом полу.

Проснулся он через пару часов. Завод был совершенно пуст. Может, изменили график работы? А может... В мыслях «Шефа» царила странная неразбериха. Сон развеял туман амнезии, если она вообще была, но «Шеф» по-прежнему не мог понять, что с ним происходит.

Бурча что-то себе под нос, он отнес твонк на склад и сравнил его с остальными. Снаружи твонк ничем не отличался от новейшей модели радиолы. Следуя примеру товарищей по работе, «Шеф» старательно замаскировал все органы и реакторы. Когда он вернулся в зал, с его мозга спал последний покров тумана. Руки его конвульсивно дрогнули.

— А, чтоб тебя! — Он даже поперхнулся. — Все ясно, я попал в складку времени!

Боязливо оглядываясь, он помчался на склад, туда, где очнулся в самом начале, снял комбинезон и повесил его на место. Потом прошел в угол, помахал в воздухе рукой, удовлетворенно кивнул и сел на пустоту футах в трех над полом. И — исчез.

— Время, — выводил Керри Вестерфилд — это кривая, которая в конце концов возвращается в исходную точку.

Положив ноги на выступающий каменный карниз, он с наслаждением потянулся. На кухне Марта позвякивала бутылками и стаканами.

— Вчера в это время я пил мартини, — заявил Керри. — Кривизна времени требует, чтобы сейчас я получил следующий. Слышишь, ангел мой?

— Наливаю, — ответил из кухни ангел.

— Значит, ты поняла мои выводы. Но это не все. Время описывает не окружность, а спираль. Если первый оборот обозначить «а», то второй окажется «а плюс 1». Таким образом, сегодня мне причитается двойной мартини.

— Я уже знаю, чем это кончится, — сказала Марта, входя в просторную гостиную, обшитую деревянными панелями. Марта была невысокой брюнеткой с исключительно красивым лицом и подходящей к нему фигурой. Клетчатый фартук, надетый поверх брюк и шелковой блузки, выглядел довольно нелепо. — А, бесконечноградусного джина еще не производят. Пожалуйста, вот твой мартини.

— Мешай медленно, — поучал ее Керри. — И никогда не взбивай. Вот, хорошо. — Он взял стакан и одобрительно разглядел его. Черные, с легкой проседью волосы, блеснули в свете лампы, когда он запрокинул голову, делая первый глоток. — Хорошо. Очень хорошо.

Марта пила медленно, искоса поглядывая на мужа. Хороший парень, этот Керри Вестерфилд. Симпатичный уродец лет сорока с гаком, с широким ртом и время от времени — когда рассуждал о смысле жизни — с сардоническим блеском черных глаз. Они поженились двенадцать лет назад и пока не жалели об этом.

Последние лучи заходящего солнца падали через окно прямо на радиолу, она стояла у стены возле двери. Керри довольно посмотрел на аппарат.

— Неплохая штука, — заметил он. — Только...

— Что? О, его едва подняли по лестнице. Почему ты не попробуешь, как он действует?

— А ты не пробовала?

— Для меня даже старая была слишком сложной, — надулась Марта. — Ох уж эти механизмы! Я воспитана на Эдисоне: крутишь ручку, и из трубы идут звуки. Это я еще понимала, но теперь... Нажимаешь кнопку, и начинаются невероятные вещи. Всякие там лампочки, селекция тона, пластинки, играющие с обеих сторон под аккомпанемент скрежета и треска изнутри ящика — может, ты это и понимаешь, а я и пытаться не буду. Когда я ставлю на такую машину пластинку Кросби, мне кажется, Бинг краснеет от смущения.

Керри съел сливку.

— Поставлю Дебюси. — Он кивнул на стол. — Кстати, есть новая пластинка Кросби. Последняя.

Марта радостно улыбнулась.

— Можно поставить?

— Угу.

— Но ты мне покажешь, как.

— Запросто. — Керри лучезарно улыбнулся радиоле. — Знаешь, это хитрые штуки. Только одного они не могут — думать.

— Жаль, что они не моют посуду, — заметила Марта, поставила стакан, встала и исчезла на кухне.

Керри включил настольную лампу и подошел к новой радиоле, чтобы хорошенько осмотреть ее. Новейшая модель фирмы Мид-эстерн, со всеми усовершенствованиями. Стоит дорого, но Керри мог себе это позволить. Старая радиолка никуда не годилась.

Как он заметил, устройство не было включено. Кроме того, не было видно ни гнезд, ни штеккеров. Видимо, новинка с вмонтированной антенной и заземлением. Керри присел, нашел вилку и включил аппарат.

Открыв крышку, он довольно уставился на рукоятки. Внезапно по глазам ударила вспышка голубого света, а из глубины аппарата донеслось слабое тиканье, которое сразу же стихло. Керри поморгал, потрогал ручки и штепсели, погрыз ноготь.

— Психологическая схема снята и зарегистрирована, — бесстрастно произнес динамик.

— Что? — Керри покрутил ручку. — Интересно, что это было? Какая-то любительская станция... нет, их антенна не ловит. Странно...

Он пожал плечами, перебрался на кресло возле полки с пластинками и окинул взглядом названия и фамилии композиторов. Куда это делся «Туонельский лебедь»? А, вот он, рядом с «Финляндией». Керри снял альбом с полки и развернул на коленях.

¹ «Туонельский лебедь», «Финляндия» — симфонические поэмы финского композитора Яна Сибелиуса (1865—1957)

Свободной рукой достал из кармана сигарету, сунул в рот и принялся на ощупь искать на столике спички. Нашупал, зажег, но спичка тут же погасла.

Он бросил ее в камин, и уже собрался зажечь следующую, когда внимание его привлёк какой-то звук. Это была радиола, она шла к нему через комнату. Непонятно откуда возникло длинное щупальце, оно взяло спичку, чиркнуло ею о нижнюю поверхность стола столешницы, как это всегда делал сам Керри, и подало ему огонь.

Керри действовал автоматически. Он затянулся дымом, после чего резко выдохнул его с раздражающим легким кашлем. Он сложился пополам и некоторое время ничего не видел и не слышал.

Когда он снова оглядел комнату, радиола стояла на своем месте.

Керри закусил губу.

— Марта? — позвал он.

— Суп на столе, — донесся голос Марты.

Керри пропустил ее призыв мимо ушей. Он встал, подошел к радиоле и подозрительно осмотрел ее. Штепсель был вытасчен из розетки, и Керри осторожно воткнул его на место.

Потом присел, чтобы осмотреть ножки. Отлично отполированное дерево. Он пощупал их, но это тоже не дало ничего нового — дерево, твердое и совершенно мертвое.

Черт возьми, каким же чудом...

— Обед! — снова крикнула Марта.

Керри швырнул сигарету в камин и медленно вышел из комнаты. Жена — она как раз ставила на стол соусник — внимательно посмотрела на него.

— Сколько martin ты выпил?

— Только один, — ответил Керри. — Я, кажется, заснул. Да, точно.

— Давай, закусывай, — скомандовала Марта. — Это твой последний шанс отъесться на моих хлебах, по крайней мере, на этой неделе.

Керри машинально нашупал в кармане бумажник, вынул из него конверт и бросил его Марте.

— Вот твой билет, ангел мой. Не потеряй.

— Правда? Целое купе только для меня одной? — Марта сунула билет обратно в конверт, радостно бормоча что-то. — Ты точно справишься без меня?

— Что? А, да-да, думаю, справлюсь, — Керри посолил авокадо и встряхнулся, словно освобождаясь от дремы. — Конечно, справлюсь. А ты езжай в Денвер и помоги Кэрл родить ребенка. Главное, что все остается в семье.

— Она моя единственная сестра.— Марта широко улыбнулась.— Ты же знаешь, какие они с Биллом нескладные. Им нужна твердая рука.

Керри не ответил. Он размышлял, наколов на вилку кусок авокадо и бормоча что-то о Почтенном Беде.

— О чем это ты?

— У меня завтра лекция. Каждый семестр возимся с этим Бедом, черт его знает — почему.

— Ты уже подготовился?

— Конечно,— кивнул Керри.

Он читал в университете уже восемь лет и знал программу наизусть.

Немного позже, за кофе и сигаретой, Марта взглянула на часы.

— Скоро поезд. Пойду закончу собираться. Посуду...

— Я помою.— Керри пошел в спальню следом за женой, делая вид, что помогает ей. Потом отнес чемоданы в машину. Марта уселась, и они поехали на станцию.

Поезд пришел вовремя. Полчаса спустя Керри поставил машину в гараж, вошел в дом и зевнул, как крокодил. Итак: посуда, пиво и в постель с книжкой.

Подозрительно поглядывая на радиолу, он пошел на кухню и принялся мыть посуду. В холле зазвонил телефон.

Звонил Майк Фицджеральд, он читал в университете психологию.

— Привет, Фиц.

— Привет. Марта уехала?

— Да, я только что со станции.

— Хочешь немного поболтать? У меня есть неплохое шотландское. Забежишь на часок?

— С удовольствием,— ответил Керри, снова зевая.— Но я буквально валюсь с ног, а завтра у меня тяжелый день. А как у тебя — все отменили?

— Если б ты только знал! Я только что окончил просматривать прессу, и мне нужно встряхнуться. Что с тобой?

— Ничего. Подожди минутку.— Керри положил трубку, оглянулся и у него перехватило дух. Что такое?!

Он пересек холл и остановился в дверях кухни, вытаращив глаза. Радиола мыла посуду.

Он вернулся к телефону.

— Ну что? — спросил Фицджеральд.

— Моя новая радиола,— сказал Керри, старательно выговаривая слова,— моет посуду.

Какое-то время Фиц молчал, потом рассмеялся, но как-то неубедительно.

— Что ты несешь!?

— Я позвоню позже, — сказал Керри и положил трубку. Он постоял, не двигаясь, кусая губы, потом вернулся на кухню и стал разглядывать аппарат.

Радиола стояла к нему задом, манипулируя с посудой несколькими худосочными конечностями: погружала ее в горячую воду с моющим составом, драила щеткой, ополаскивала в чистой воде и наконец ровно устанавливала на сушилку. Лапки, похожие на плети, были единственным доказательством активности устройства. Ножки казались твердыми и несгибающимися.

— Эй! — окликнул Керри.

Ответа не было.

Он осторожно приблизился. Щупальца росли из отверстия под одной из ручек. Провод бесполезно болтался сзади. Значит, работает без питания. Но как...

Керри отступил на шаг и вытащил сигарету. Радиола тут же повернулась, вынула из коробка спичку и подошла к хозяину. Керри недоверчиво заморгал, глядя на ее ноги. Они не могли быть деревянными — сгибались, как резиновые.

Радиола поднесла Керри огонь и вернулась к раковине мыть посуду.

Керри позвонил Фицджеральду.

— Я тебя не дурил. Либо у меня галлюцинации, либо еще что-то в этом роде. Эта чертова радиола дала мне прикурить.

— Подожди-ка, — неуверенно прервал его Фицджеральд. — Это шутка, да?

— Нет. Больше того, я сомневаюсь, что это галлюцинация. Это уже твоя область. Ты мог бы заскочить и постучать меня молотком по колену?

— Хорошо, — ответил Фиц. — Дай мне десять минут и приготовь что-нибудь выпить.

Он дал отбой, а Керри, кладя трубку на рычаг, заметил, что радиола прошла из кухни в гостиную. Своими угловатыми формами аппарат напоминал какого-то жуткого карлика и будил неопределенный страх. Керри вздрогнул.

Пойдя следом за радиолой, он нашел ее на обычном месте, неподвижную и безмолвную. Он поднял крышку, тщательно осмотрел шкалу, звукозаписыватель, все кнопки и рукоятки. Внешне все соответствовало норме. Он еще раз тронул ножки. Все же они не были деревянными, скорее, из какого-то пластика, только очень твердого. А может... может, все-таки из дерева? Чтобы убедиться, нужно поцарапать полировку, но Керри не хотел портить свое приобретение.

Он включил радио — местные станции ловились отлично. «Чисто говорит,— подумал Керри,— неестественно чисто. Так, теперь проигрыватель...»

Он вытащил наугад «Шествие Бояр» Хальворсена, положил пластинку на диск и закрыл крышку. Полная тишина. Детальный осмотр подтвердил, что игла ровно скользит по звуковой канавке, но без малейшего акустического эффекта. В чем же дело?

Керри снял пластинку, и в ту же секунду у двери позвонили. Пришел Фицджеральд: худой, как палка, с лицом, разлинованным морщинами, словно хорошо выделанная кожа, со спутанной шапкой седеющих волос.

— Где мой стакан?

— Извини, Фиц. Пошли на кухню, я сейчас приготовлю. Виски с водой?

— Согласен.

— О'кей.— Керри пошел первым.— Но пока не пей — я хочу показать тебе свое новое приобретение.

— Радиолу, что моет посуду? — спросил Фицджеральд.— Что еще она может?

Керри подал ему стакан.

— Не хочет играть пластинки.

— Ну, это мелочи, раз уж она работает по дому. Давай взглянем на него.

Фицджеральд перешел в салон, выбрал с полки «Послеполуденный отдых фавна» и подошел с пластинкой к аппарату.

— Не включено.

— Это для нее не имеет значения,— ответил Керри, чувствуя себя на грани нервного срыва.

— Батарей? — Фицджеральд установил пластинку на диск и покрутил ручки.— Так, посмотрим теперь.— Он триумфально устоял на Керри.— Ну, что скажешь? Играет!

Действительно, радиола играла.

— Попробуем Хальворсена. Держи.— И Керри передал пластинку Фицджеральду, а тот нажал клавишу и проследил, как поднимается звукозаписывающая игла.

Однако на этот раз радиола отказалась повиноваться. Не нравилось ей «Шествие Бояр» — и все тут!

— Интересно,— буркнул Фицджеральд.— Наверное, пластинка испорчена. Попробуем другую.

С «Дафнисом и Хлоей» проблем не было, зато «Болеро»¹ того же композитора было с презрением отвергнуто.

Керри сел и указал приятелю на кресло рядом.

¹ «Дафнис и Хлоя», «Болеро» — сочинения французского композитора Мориса Равеля (1875—1937).

— Это ничего не доказывает. Иди сюда и смотри. И не пей. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Конечно. А в чем дело?

Керри вынул сигарету. Радиола прошагала через комнату, захватив по дороге коробку спичек, и вежливо подала хозяину огонь. Затем вернулась на свое место у стенки.

Фицджеральд молчал. Потом сам из кармана вынул сигарету и стал ждать. Ничего не произошло.

— Ну? — спросил Керри.

— Робот. Это единственно возможный ответ. Ради Петрарки, где ты его откопал?

— Не заметно, чтобы ты очень удивился.

— Все же я удивлен, хотя уже видывал роботов — их испытывали у Вестингауза. Но этот... — Фицджеральд постучал ногтем по зубам. — Кто его сделал?

— Черт возьми, откуда мне знать? — спросил Керри. — Наверное, тот, кто делает радиолы.

Фицджеральд сощурился.

— Подожди-ка! Я не совсем понимаю.

— А что тут понимать? Я купил эту штуку два дня назад. А старую сдал. Доставили ее ко мне сегодня после обеда, и... — Керри рассказал, как все было.

— Значит, ты не знал, что это робот?

— Вот именно. Я купил его как радиолу. А этот... чертенок... почти как живой.

— Ерунда. — Фицджеральд покачал головой, встал и осмотрел радиолу вблизи. — Это новый тип робота. По крайней мере... — он заколебался. — А как иначе это объяснить? Свяжись завтра с «Мидэстерн» и все выясни.

— А может, откроем ящик и посмотрим, что там внутри? — предложил Керри.

Фицджеральд не возражал, однако ничего не вышло.

Деревянные с виду стенки оказались монолитными, к тому же не было видно места, в котором бы корпус открывался. Керри пытался поддеть панель отверткой, сначала осторожно, потом сдерживая ярость, но не сумел ни отогнуть стенку, ни даже поцарапать темную и гладкую поверхность прибора.

— Черт побери! — сдался он наконец. — Может, ты и прав — это робот. Не думал, что у нас могут такое делать. А почему в виде радиолы?

— Ты это меня спрашиваешь? — пожал плечами Фицджеральд. — Для меня это тоже непонятно. Если изобрели новую модель специализированного робота, то зачем помещать ее в радиоаппарат? И что за принцип движения у этих ног? Шарниров не видно.

— Я тоже об этом подумал.

— Когда он идет, ноги ведут себя так, словно сделаны из резины, но они твердые как самое настоящее дерево. Или пластик.

— Я ее боюсь,— признался Керри.

— Хочешь переночевать у меня?

— Н-нет... Пожалуй, нет. Этот... робот ничего мне не сделает.

— Вряд ли у него дурные намерения. До сих пор он тебе помогал, правда?

— Да,— признал Керри и пошел готовить новые порции напитка.

Продолжение разговора не привело ни к каким выводам, и через несколько часов Фицджеральд поехал домой. Он был обеспокоен — дело казалось ему не таким простым, как он пытался убедить Керри.

Керри лег в постель с новым детективом. Радиола прошла за ним в спальню и осторожно взяла книгу из его рук. Керри машинально дернул ее обратно.

— Эй! — оскорбился он. — Что это значит?

Радиола вернулась в гостиную, Керри пошел следом и, стоя в дверях, наблюдал, как она ставит книгу на полку. Потом он вернулся к себе, закрыл дверь и лег. Спал он беспокойно.

Утром, еще в халате и шлепанцах, он подошел к радиоле. Аппарат стоял на месте, как будто никогда не двигался с места. Керри отправился завтракать, выглядел он довольно жалко.

Ему удалось выпить только одну чашку кофе, вторую выросшая как из-под земли радиола укоризненно забрала, вынула из его руки и вылила в раковину.

Это было уже слишком. Керри Вестерфилд схватил шляпу, пальто и почти бегом выскочил из дома. Он боялся, что радиола последует за ним, но она осталась на месте — к счастью для своего хозяина. Керри был не на шутку обеспокоен.

В перерыве между занятиями он нашел время позвонить «Мидэстерн». В отделе сбыта ничего не знали. Радиола была стандартным аппаратом нового типа, но если она не работает, фирма охотно...

— Радиола в порядке,— прервал Керри. — Только кто ее сделал? Вот что я хотел бы узнать.

— Подождите минутку. — Последовала пауза. — Этот экземпляр вышел из цеха мистера Ллойда. Мистер Ллойд — наш начальник цеха.

— Я хочу поговорить с ним.

Ллойд тоже ничем не сумел помочь. После долгого раздумья

он вспомнил, что этот конкретный аппарат доставили на склад без серийного номера. И с большим опозданием.

— Но кто ее собирал?

— Понятия не имею. Впрочем, думаю, это можно легко узнать. Давайте, я проверю и позвоню вам.

— Только обязательно позвоните,— сказал Керри и вернулся на занятия. Лекция о Почтенном Беде была далеко не высшим достижением его профессиональной карьеры.

За ленчем он встретил Фицджеральда, тот приветствовал Керри с явным облегчением.

— Узнал что-нибудь о своем роботе?— спросил профессор психологии.

В пределах слышимости никого не было. Керри со вздохом уселся и закурил.

— Ничего.— Он глубоко затынулся.— Я звонил в «Мидэстерн».

— И что?

— Они ничего не знают. Сказали, что он был без серийного номера.

— Это может оказаться важным,— сказал Фицджеральд.

Керри рассказал ему о книге и о второй чашке кофе. Психолог задумался.

— Я когда-то делал тебе психологические тесты. Ты плохо переносишь излишек стимуляторов.

— Но при чем здесь детектив?

— Это, пожалуй, перебор, но я вполне понимаю, почему твой робот вел себя так, а не иначе. Правда, непонятно, откуда он знает, как себя вести.— Он заколебался.— Откуда он знает это, не обладая интеллектом.

— Интеллектом?— Керри облизал губы.— Я вовсе не уверен, что это — обычная машина. И я еще не спятил.

— Конечно, нет. Но ты говоришь, что робот находился в другой комнате. Откуда он знал, что ты читаешь?

— Может, у него рентген в глазах, сверхзоркость или дар телепатии — не знаю. Может, он вообще не хочет, чтобы я читал?

— Это уже что-то,— буркнул Фицджеральд.— Ты знаком с теорией машин этого типа?

— Роботов?

— Подчеркиваю: с теорией. Человеческий мозг, как известно, коллоидная система. Компактная, сложная, но медлительная. Представь теперь, что ты создаешь механизм с мультимиллионной радиоатомной управляющей системой, окруженной изо-

ляцией. Что это такое, Керри? Мозг! Мозг, обладающий невообразимым числом нейронов, взаимодействующих со скоростью света. Теоретически радиоатомный мозг, о котором я говорил, способен к восприятию, идентификации, сравнению, реакции и действию в течение одной сотой, и даже одной тысячной секунды.

— В теории.

— И я всегда так думал. И все же интересно, откуда взялось твое радио.

Подошел посыльный.

— Мистера Вестерфила просят к телефону.

Керри извинился и вышел. Вернулся он, загадочно хмурая черные брови. Фицджеральд вопросительно посмотрел на него.

— Звонил некий Ллойд из «Мидэстерна». Я говорил с ним о радиоле.

— А результат?

Керри покачал головой.

— Нулевой. Он не знает, кто собирал этот экземпляр.

— Но собирали-то у них?

— Да. Недели две назад. Но фамилии сборщика нигде нет. Ллойд, кажется, считает это весьма забавным — они всегда знают, кто какой приемник собирает.

— Так значит...

— Значит, все напрасно. Я спросил его, как открыть ящик. Говорит, что нет ничего проще: достаточно отвернуть гайки на задней стенке.

— Но ведь там нет никаких гаек, — сказал Фицджеральд.

— Вот именно.

Они переглянулись. Первым заговорил Фицджеральд.

— Я бы отдал пятьдесят долларов, чтобы узнать, сделали этого робота две недели назад или нет.

— Почему?

— Радиоатомный мозг требует обучения. Даже в таких простых делах, как прикуривание сигареты.

— Он видел, как я прикуривал.

— И подражал тебе. А мытье посуды? Гм... Вероятно, индукция. Если эту машинку обучали — она робот. Если нет... — Фицджеральд замолчал.

— То кто?

— Не знаю. У нее столько же общего с роботом, как у нас с древней лошастью. Одно я знаю наверняка, Керри: возможно, никто из современных ученых не сможет сконструировать такое... ничто подобное.

— Ты совсем запутался, — прервал его Керри. — Кто-то ведь ее сделал.

— Угу. Только — когда? И кто? Вот вопрос, который меня мучает.

— Через пять минут у меня лекция. Может, зайдешь сегодня вечером?

— Не могу. Вечером я читаю во Дворце. Потом я тебе позвоню.

Керри кивнул и вышел, стараясь больше не думать о радиоле. И это ему неплохо удалось. Однако, ужиная в ресторане, он понял: ему не хочется возвращаться домой. Дома его ждал страшный карлик.

— Бренди, — заказал он. — Можно двойное.

Два часа спустя Керри вышел из такси перед дверями своего дома. Он был изрядно пьян, и все кружилось у него перед глазами. Покачиваясь, он дошел до крыльца, осторожно поднялся по ступеням и открыл дверь.

Щелкнул выключатель.

Радиола вышла ему навстречу. Тонкие, но крепкие, как сталь, щупальца, нежно обняли его, фиксируя неподвижно. Керри вдруг испугался, он хотел крикнуть, но в горле совершенно пересохло.

Из радиолы вырвался ослепительный луч желтого света, опустился ниже, целясь в грудную клетку, и Керри вдруг почувствовал странный вкус под языком.

Примерно через минуту луч погас, щупальца спрятались, радиола вернулась в свой угол. Керри с трудом добрал до кресла и рухнул в него, жадно хватая ртом воздух.

Он был совершенно трезв, хотя это казалось невозможным. Четырнадцать рюмок бренди оставляют в кровеносной системе значительное количество алкоголя, и недостаточно махнуть волшебной палочкой, чтобы в ту же секунду протрезветь. Все же случилось именно так.

Этот... робот хотел ему помочь. Другое дело, что Керри охотнее остался бы пьяным.

Он поднялся и на цыпочках прошел мимо радиолы к полке с книгами. Искоса поглядывая на аппарат, он вытащил тот самый детектив, который хотел читать прошлым вечером. Как и ожидалось, радиола вынула книгу из его рук и вернула на полку. Вспомнив слова Фицджеральда, Керри взглянул на часы. Время реакции — четыре секунды.

Керри взял том Шауцера и стал ждать, что будет. Радиола не шевельнулась. Однако, когда он потянулся за исторической работой, ее заботливо отобрали. Время реакции — шесть секунд.

Керри взял еще одну историческую книгу, в два раза толще. Время реакции — десять секунд.

— Угу. Но когда? И кто? Рентгеновское зрение и сверхбыстрая реакция. О великий Иисофат!

Керри опробовал еще несколько книг, определяя критерий выбора. «Алису в Стране Чудес» отобрали беспощадно. Стихи Эдны Миллей — нет. На будущее он составил список из двух колонок.

Наконец Керри вспомнил о лекции, которую ему предстояло читать завтра, и принялся листать свои записи. В нескольких местах требовалось уточнить цитаты. Керри осторожно потянулся за книгой — и робот тут же ее отнял.

— Без глупостей, — предостерег его Керри. — Это мне нужно для работы.

Он пытался вырвать книгу из щупалец, но аппарат, не обращая на него внимания, поставил ее на место.

Керри постоял, кусая губы. Это было уже слишком. Проклятый робот вел себя, как тюремный надзиратель. Керри метнулся к полкам, схватил книгу и, прежде чем радиола успела шевельнуться, выбежал в холл.

Аппарат пошел следом, едва слышно ступая своими... ножками. Забежав в спальню, Керри закрыл дверь изнутри и стал ждать с бьющимся сердцем. Ручка медленно повернулась. Сквозь щель в дверях скользнуло тонкое, как проволока, щупальце робота и начало манипулировать ключом. Керри подскочил к двери и задвинул засов, но и это не помогло. Специализированные щупальца робота отодвинули засов, радиола открыла дверь, вошла в комнату и приблизилась к Керри.

Вне себя от страха, он швырнул в аппарат книгу, и тот ловко перехватил ее на лету. Видимо, это ему и требовалось — радиола немедленно повернулась и вышла, гротескно раскачиваясь на гибких ножках, с запрещенным томом. Керри вполголоса выругался.

Зазвонил телефон — Фицджеральд.

— Ну как, справляешься?

— У тебя есть дома «Общественная литература» Кассена?

— Вряд ли. А зачем тебе?

— Наплевать, возьму завтра в университетской библиотеке.

Керри рассказал, что произошло. Фицджеральд тихо присвистнул.

— Вмешивается, да? Интересно...

— Я ее боюсь.

— Сомневаюсь, чтобы она хотела тебе повредить. Так значит, она тебя протрезвила?

— Да. Световым лучом. Это звучит довольно глупо, но...

— Все возможно. Вибрационный эквивалент хлористого тиамина.

— В свете?

— В солнечном свете тоже содержатся витамины. Впрочем, неважно. Он контролирует твоё чтение — невероятно, читает эти книги по принципу сверхбыстрой ассимиляции. Не знаю, что это за машина, но это не обычный робот.

— Ты убеждаешь в этом МЕНЯ?— воскликнул Керри.— Да это же настоящий Гитлер!

Фицджеральд не засмеялся.

— Может, переночуешь у меня?— предложил он.

— Нет,— упрямо ответил Керри.— Никакая идиотская радиопла не выгонит меня из собственного дома. Скорее, я тресну её топором.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Если случится что-то ещё, сразу звони мне.

— Хорошо.— Керри положил трубку, перешел в гостиную и смерил радиолу ледяным взглядом. Черт возьми, что это за создание? И какие у него намерения? Наверняка, это не просто робот и уж, конечно, не живое существо.

Стиснув зубы, Керри подошел к аппарату и принялся крутить рукоятки.

Из радиолы донесся пульсирующий ритм свинга. Керри переключился на короткие волны — тоже ничего необычного. И какой вывод из этого?

Никакого. Ответа как не было, так и нет.

Подумав, Керри отправился в постель.

Назавтра он принес на ленту «Общественную литературу» Кассена, чтобы показать её Фицджеральду.

— В чем дело?

— Взгляни.— Керри перевернул несколько страниц и указал один абзац.— Ты что-нибудь понимаешь?

Фицджеральд прочел абзац.

— Да. Речь идет о том, что условием возникновения литературы является индивидуализм. Верно?

Керри посмотрел на него.

— Не знаю.

— То есть?

— С моей головой происходит что-то странное.

Фицджеральд взъерошил сидящие волосы и, щурясь, уставился на коллегу.

— Начни еще раз. Я не совсем...

— Сегодня утром,— начал Керри,— я пошел в библиотеку, чтобы проверить именно этот отрывок. Прочитал его — и ничего не понял. Знаешь, как бывает, когда человек слишком много

читает? Наткнувшись на фразу с большим количеством придаточных предложений, он ничего не может понять. Так было и со мной.

— Прочти это сейчас,— тихо сказал Фицджеральд и подтолкнул книгу Керри.

Тот повиновался.

— Ничего,— криво улыбнулся он.

— Прочти вслух. Я буду читать вместе с тобой.

И это не помогло. Казалось, Керри совершенно не может понять смысла абзаца.

— Семантическая блокада,— почесал затылок Фицджеральд.— Раньше с тобой такого не бывало?

— Нет... да. Не знаю.

— У тебя есть занятия после обеда? Нет? Вот и хорошо. Поехали к тебе. .

Керри отпихнул тарелку.

— Хорошо. Я не голоден. Как только будешь готов...

Через полчаса оба они смотрели на радиолу. Выглядела она вполне невинно. Фицджеральд потерял несколько минут, пытаясь открыть заднюю стенку, но в конце концов сдался. С карандашом и бумагой он сел напротив Керри и начал задавать вопросы.

Через некоторое время он остановился.

— Об этом ты мне не говорил.

— Забыл, наверное.

Фицджеральд постучал карандашом по зубам.

— Первым действием радиолы было...

— Она ослепила меня голубым светом.

— Не в том дело. Что она при этом сказала?

Керри заморгал.

— Что сказала?— он помешкал.— «Психологическая схема снята и закодирована» — что-то в этом роде. Тогда мне показалось, что это кусок любительской передачи или еще чего. Ты думаешь...

— Она говорила четко? На правильном английском?

— Нет, теперь я вспоминаю.— Керри скривился.— Слова были искажены: сильно выделялись гласные.

— Вот как? Пошли дальше.

Они попробовали тест на словесные ассоциации.

Наконец Фицджеральд откинулся на спинку кресла и намурился.

— Надо бы сравнить эти результаты с тестами двухмесячной давности. Выглядит это странно, очень странно. Я бы многое

дал, чтобы узнать, что такое память. О мнемонике — искусственной памяти — мы знаем многое, но возможно, дело тут в чем-то другом.

— О чем ты?

— У этой... машины либо искусственная память, либо она приспособлена для иного общества и иной культуры. На тебя она очень сильно подействовала.

Керри облизал губы.

— В каком смысле?

— Вызвала блокаду в мозгу. Я сравню результаты тестов и, может быть, получу какой-то ответ. Нет, это наверняка не просто робот. Это что-то гораздо большее.

Керри взял сигарету; аппарат пересек комнату и дал ему прикурить. Оба мужчины следили за ним с парализующим чувством, похожим на ужас.

— Тебе бы надо переночевать у меня, — предложил Фицджеральд.

— Нет, — решительно ответил Керри, хотя и дрожал всем телом.

На следующий день во время ленча Фицджеральд осмотрел всю университетскую столовую, но Керри не было. Тогда он позвонил ему домой. Трубку сняла Марта.

— Привет! Когда ты приехала?

— Привет, Фиц. Час назад. Сестра родила без меня, так что я вернулась.

Марта замолчала. Фицджеральда обеспокоил тон ее голоса.

— А где Керри?

— Дома. Ты не мог бы заехать, Фиц? Я так беспокоюсь...

— Что с ним?

— Я... и не знаю. Приезжай скорее.

— О'кей. — Фицджеральд положил трубку, кусая нижнюю губу.

Его все это тоже очень беспокоило. Нажимая звонок у дверей Вестерфилдов, он понял, что не владеет своими нервами. Правда, вид Марты несколько привел его в себя.

Он прошел за ней в гостиную, сразу взглянув на радиолу — та, как ни в чем не бывало, стояла в углу, а затем на Керри, неподвижно сидевшего у окна. Лицо Керри ничего не выражало. Глаза его были странно прищурены, он не сразу узнал Фицджеральда.

— Привет, Фиц, — поздоровался он наконец.

— Как ты себя чувствуешь?

Марта не выдержала.

— Что с ним такое, Фиц? Может, надо вызвать врача?

Фицджеральд сел.

— Ты не заметила ничего странного с этой радиолой?

— Нет. А что?

— Тогда слушай.

Он рассказал ей все с самого начала, глядя, как на лице женщины недоверие сменяется произвольной верой.

— Я не могу... — заговорила она наконец.

— Когда Керри вынет сигарету, эта штука поднесет ему огонь. Хочешь посмотреть?

— Н-нет... Да. Пожалуй, да. — Глаза Марты расширились.

Фицджеральд протянул Керри сигарету, и случилось именно то, чего они ждали.

Марта ничего не сказала. Когда аппарат вернулся на место, она задрожала всем телом и подошла к Керри. Тот смотрел на нее невидящими глазами.

— Здесь нужен врач, Фиц.

— Да. — Фицджеральд не решился сказать, что врач тут не поможет.

— А что это, собственно, такое?

— Нечто большее, чем робот. И оно успешно переделывает твоего мужа. Я сравнил его психологические тесты — Керри изменился, он совершенно утратил инициативу.

— В мире нет человека, способного создать такой аппарат. Фицджеральд поморщился.

— Я тоже так думаю. По-моему, это похоже на продукт высокой культуры, к тому же, сильно отличной от нашей. Может, марсианской. Это предмет с очень специализированным действием, он подходит лишь для очень сложной культуры. Интересно только, почему он выглядит, как радиолка фирмы «Мид-эстерн»?

Марта тронула Керри за плечо.

— Маскировка?

— С какой целью? Ты была одной из моих лучших студенток, Марта. Взгляни на это с позиции логики. Представь себе цивилизацию, в которой создан подобный механизм. Воспользуйся индукцией.

— Я пытаюсь, но что-то плохо выходит. Меня беспокоит Керри.

— Ничего со мной не случилось, — сказал Керри.

Фицджеральд соединил кончики пальцев.

— Это не радиолка, а надзиратель. Может, в этой иной цивилизации такой есть у каждого, а может, у немногих — тех, кого нужно держать в повиновении?

— Убивая инициативу?

Фицджеральд беспомощно развел руками.

— Я не знаю! Так она подействовала на Керри. Как она работает в других случаях — не знаю.

Марта встала.

— Не будем терять времени. Керри нужен врач. А потом подумаем, что делать с... этим, — она указала на радиолу.

— Жалко уничтожать ее, но... — сказал Фицджеральд, и многозначительно посмотрел на Марту.

Радиола шевельнулась. Плавно, покачиваясь из стороны в сторону, она выбралась из угла и подошла к Фицджеральду. Психолог прыгнул в сторону, и тут его схватили тонкие щупальца. Белый луч ударил прямо ему в глаза.

Секунду спустя он погас, щупальца исчезли, и радиола вернулась на свое место. Фицджеральд стоял, как вкопанный. Марта вскочила, прижав руки ко рту.

— Фиц! — голос ее дрожал.

Он ответил, но не сразу.

— Да? В чем дело?

— С тобой ничего не случилось? Что она тебе сделала?

Фицджеральд нахмурился.

— Она? Не понимаю...

— Эта радиола, что она сделала?

Он взглянул на радиолу.

— А что, она испортилась? Так я не механик, Марта.

— Фиц... — Она подошла и взяла его за руку. — Послушай, — она говорила быстро и горячо. — Вспомни: радиола, Керри, наш разговор минуту назад.

Фицджеральд тупо смотрел на нее, явно ничего не понимая.

— Какой-то я глупый сегодня. Никак не могу понять, о чем ты говоришь.

— Радиола... ну ты же знаешь! Ты говорил, она изменила Керри... — Марта замолчала, в ужасе глядя на него.

Фицджеральд был явно смущен. Марта вела себя как-то странно. Очень странно! Он всегда считал ее симпатичной и сообразительной, но сейчас она несла чушь! Во всяком случае, он не понимал ее.

И почему столько болтовни об этом приемнике? Плохо работает? Керри радовался, что провернул неплохое дельце — отличный дом, новейшее оборудование. Фицджеральду вдруг подумалось, что Марта спятила.

Так или иначе, на занятия он уже опоздал. Он сказал это вслух, и Марта не стала его задерживать. Она была бледна, как мел.

Керри вынул сигарету, радиола подошла и протянула зажженную спичку.

— Керри!

— Слушаю тебя, Марта? — Голос мужа звучал мертво.

Марта в панике смотрела на... радиолу. Марсиане? Иной мир, иная цивилизация? Что это такое? Чего она хочет? Что пытается сделать?

Марта отправилась в гараж и вернулась, сжимая в руке небольшой топорик.

Керри безучастно наблюдал за ней. Он видел, как она подходит к радиоле, поднимает топор. В следующее мгновение из приемника вырвался луч света, и Марта исчезла. В воздухе расплылось облачко пыли.

— Уничтожениеживогоорганизмаугрожающегонападением,— сообщило радио, не разделяя слов.

Мозг Керри сделал сальто. Чувствуя тошноту, головокружение и страшную пустоту внутри, Керри осмотрелся, Марта...

Инстинкт и эмоции боролись с чем-то, что их подавляло, и вдруг запоры сломались, блокады исчезли, баррикады рухнули. Керри с криком вскочил на ноги.

— Марта!— заорал он.

Ее не было. Он осмотрелся. Где же...

— Что здесь случилось?

Он ничего не помнил.

Керри сел в кресло, потер лоб, свободной рукой автоматически вынул сигарету. Это вызвало немедленную реакцию: радиола подошла с горящей спичкой.

Керри издал сдавленный звук, словно его тошнило, и вскочил с кресла. Он все вспомнил. Схватив топор, он бросился на радиолу, скаля зубы в кровожадной гримасе.

Снова вспыхнул луч, и Керри тоже исчез. Топор упал на ковер.

Радиола вернулась на место и неподвижно замерла. Из радиоатомного мозга донеслось слабое тиканье.

— Субъект в принципе неподходящий,— заявило устройство после небольшой паузы.— Необходимость устранения.— Щелк!— Подготовка к следующему субъекту закончена.— Щелк!

— Берем,— сказал парень.

— Вы не пожалеете,— улыбнулся агент по продаже недвижимости.— Тишина, вдаль от людей, да и цена не очень велика.

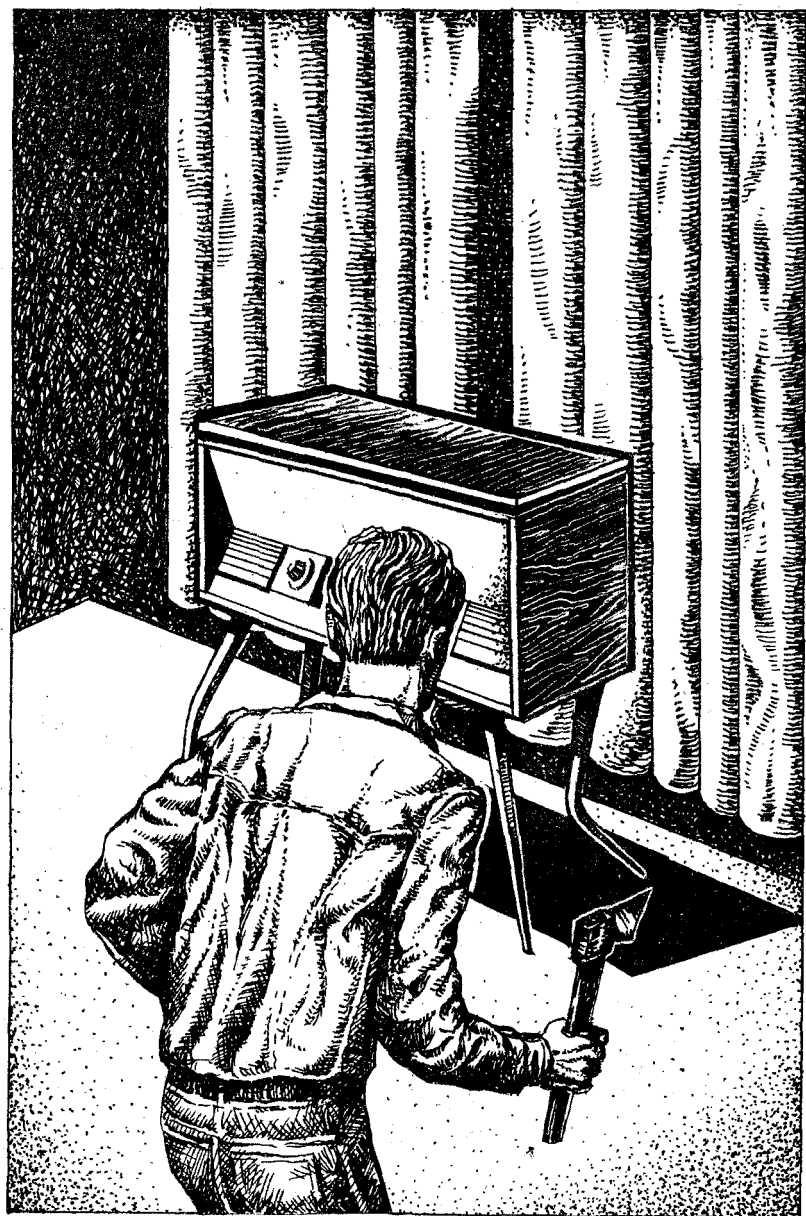
— Это как посмотреть,— встала девушка.— Но, вообще-то, мы искали нечто подобное.

Агент пожал плечами.

— Дом без мебели был бы, конечно, дешевле. Но...

— Мы слишком недавно поженились, чтобы обзавестись собственной мебелью,— улыбнулся парень и обнял жену.— Тебе здесь нравится, дорогая?

— Угу. А кто здесь жил раньше?

Агент поскреб щеку.

— Минуточку... Кажется, супруги Вестерфилд. Я получил этот дом для продажи неделю назад. Уютное гнездышко. Сам бы купил, но у меня уже есть дом.

— Мировая радиола,— заметил парень.— Это новейшая модель?— Он подошел ближе, чтобы осмотреть аппарат.

— Идем,— поторопила его девушка.— Заглянем еще раз на кухню.

— Иду, дорогая.

Они вышли из комнаты. Бархатный голос агента доносился из холла все тише. В окно светило теплое полуденное солнце. Какое-то время было тихо. А потом...

— Щелк!

Ray BRADBURY

Рэй БРЭДБЕРИ

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

Он вышел из земли полный ненависти. Ненависть была ему отцом и матерью. Как хорошо снова ходить! Как хорошо подняться из земли, расправить затекшие руки и попробовать глубоко вдохнуть.

Он попробовал и вскрикнул.

Он не дышал. Ходил по земле, из земли вышел, но был мертв и дышать не мог. Он мог набрать воздуха в рот и через силу пропихнуть его в горло судорогой долго дремавших мышц — яростно, неистово! Но и с этой частицей воздуха мог он кричать и вопить! Он хотел заплакать, но слезы не желали течь. Он знал о себе лишь то, что стоит выпрямившись, что мертв и не должен ходить! Он не дышал и все-таки стоял прямо.

Со всех сторон его окружали запахи, но напрасно он старался уловить запах осени, что дочиста выжгла землю. Повсюду вокруг были руины лет; огромные леса цвели огнем, и он валил все новые деревья на уже лежащие голые стволы. Густой дым пожара голубел и рассеивался.

Он стоял на кладбище, ненавидя. Ходил по земле, но не чувствовал ни вкуса ее, ни запаха. Слышал ли он? Да. Ветер свистел в отверстых ушах. Но все же он был мертв и знал, что не должен ожидать слишком многого ни от себя, ни от ненавистного живого мира.

Он коснулся массивной плиты на своей пустой могиле. Это была старая добрая работа. Теперь он снова знал, как его зовут.

УИЛЬЯМ ЛЭНТРИ

Так было написано на надгробии.

Дрожащими пальцами он пробежал по нижней строке.

1898—1933

Возрождение?..

В каком году? Он поднял голову и всмотрелся в небо, в осенние звезды, медленно плывущие сквозь ветренную темноту, и прочел по ним столетие и год. Орион на месте, Возничий на месте. А где Телец? Вот!

Губы его цифра за цифрой называли год.

— Две тысячи триста сорок девятый.

Странное число. Похоже на школьный пример. Говорили, что человек не может зримо представить числа, превышающего сотню. Все они кажутся ему такой дьявольской абстракцией, что счет не имеет смысла. И он — человек, который лежал в своем ненавистном гробу и ненавидел все и вся за то, что был похоронен, ненавидел людей, живущих над ним, живущих без конца, ненавидел их все эти долгие века, а теперь, рожденный из ненависти, стоял над своей раскопанной могилкой. Быть может, в воздухе и носился запах сырой земли, но Лэнтри его не чувствовал.

— Я анахронизм, — сказал он, обращаясь к тополям, качающимся на ветру, и усмехнулся.

Он осмотрел пустое и холодное кладбище. Все надгробья вырвали их, словно плоские кирпичи, уложили одно на другое в дальнем углу, у ограды из кованого железа. Работа эта шла две бесконечные недели. В своем гробу он слышал звуки безжалостной и яростной работы — люди ковыряли землю холодными лопатами, выворачивали гробы и увозили высохшие тела в крематорий. Извиваясь от страха, он ждал, когда они придут за ним.

Сегодня они добрались до его гроба, но к этому времени уже стемнело. От крышки гроба их отделяли всего несколько сантиметров земли, но тут зазвенел звонок. Время кончать и идти домой на ужин. Рабочие ушли, сказав, что завтра закончат работу.

На пустом кладбище воцарилась тишина.

С тихим шелестом покатались комья земли, медленно и осторожно поднялась крышка гроба.

И теперь Уильям Лэнтри стоял, дрожа, на последнем кладбище Земли.

— Помнишь? — спросил он сам себя, глядя на сырую землю. — Помнишь истории о последнем человеке на Земле? О людях, одиноко блуждающих среди руин? Это ты, Уильям Лэнтри, воскрешаешь в памяти эти истории. Понимаешь? Ты последний мертвый человек на всем божьем свете!

Мертвых больше нет. Нигде, ни в одной стране нет ни одного мертвеца. Невозможно, скажете вы? Еще как возможно в этом глупом, стерильном, лишенном воображения, антисептическом мире суперчистоты и строгих научных методов! Мой Бог, люди, конечно, умирают. Но мертвые? Трупы? Их нет.

Что происходит с умершими?

Кладбище лежало на холме. Уильям Лэнтри в темноте душевной ночи добрался до ограды и взглянул на лежащий внизу Нью-Салем. Весь город был залит светом. Ракетные корабли

пролетали над ним и неслись по небу к самым отдаленным местам Земли.

Новый вид насилия этого мира будущего добрался до его могилы и пропитал Уильяма Лэнтри. Он заливал его годами, и теперь он знал о нем все — сознанием мертвого человека, который ненавидит.

В первую очередь следовало узнать, что эти глупцы делают с умершими.

Он поднял взгляд. В центре города стоял массивный каменный палец, целящийся в звезды. Он был высотой в сто метров и шириной в пятнадцать. Перед ним были широкие ворота с пандусом.

«Скажем, умирает в городе человек,— подумал Уильям Лэнтри.— Через минуту он будет мертв. Что тогда происходит? Едва замрет его пульс, немедленно пишется свидетельство о смерти, родственники грузят его в автомобиль-жук и поспешно везут в...»

Крематорий!

Вот что такое этот столп огня, этот палец, касающийся звезд. Крематорий. Функциональное и страшное название. Но такова правда в этом мире будущего.

Мистера Мертвеца швыряют в печь, как полено.

Фьють!

Уильям Лэнтри смотрел на конец гигантского пистолета, направленного в звезды. Оттуда шла тонкая струйка дыма.

Именно туда свозили умерших.

— Будь осторожен, Уильям Лэнтри,— буркнул он себе под нос.— Ты последний. Уникальный экземпляр, последний мертвый человек. Все кладбища на Земле вылетели на ветер, это последнее кладбище, а ты — последний мертвец минувших веков. Эти люди не верят, что среди них есть мертвые, тем более, такие мертвые, которые ходят. Все, что нельзя использовать, превращается в дым, словно спичка!

Он снова посмотрел на город.

«Хорошо,— подумал он спокойно.— Я ненавижу вас, и вы ненавидите меня, точнее, ненавидели бы, если бы знали о моем существовании. Но вы не верите в вампиров и духов. Вы кричите, что это бессмысленные слова, вы смеетесь над ними. Ладно, смейтесь. Откровенно говоря, я тоже в вас не верю! Меня тошнит от вас! От вас и этих ваших крематориев».

Он задрожал. Да, совсем немногого не хватило. День за днем они вытаскивали мертвецов из земли и жгли их. По всему миру был провозглашен декрет. Он слышал разговор двух работников.

— По-моему, это добрая мысль,— разобратесь со всеми этими кладбищами,— говорил один из людей.

— Ну, ясно,— подхватил второй.— Отвратительный обычай.

Подумать только, быть закопанным! Как это противно! И эти черви!

— Просто стыдно. Вроде бы казалось романтичным оставить одно кладбище нетронутым на века. Со всеми остальными уже давно покончили. В каком году это было, Билл?

— Кажется, в две тысячи двести шестидесятом. Да, в двести шестидесятом, почти сто лет назад. Члены какого-то комитета в Салеме почувствовали себя важными персонами и сказали: «Слушайте, оставим одно кладбище, чтобы оно напоминало нам об обычаях варваров». А правительство почесало в голове, подумало и сказал: «Хорошо. Пусть это будет Салем. Но со всеми другими кладбищами надо покончить, понимаете, со всеми!»

— И с ними покончили,— сказал Джим.

— Ясно, с ними разделились огнем, экскаваторами и реактивными пылесосами. Если кто-то был похоронен на пастбище, и об этом знали, то разделялись и с ним. Очистили все, буквально все! Знаешь, по-моему это немного жестоко.

— Я, конечно, не консерватор, но вспомни, сколько туристов приезжало сюда каждый год, чтобы только посмотреть, как выглядит настоящее кладбище.

— Верно. За последние три года их был почти миллион. Город неплохо заработал на этом. Но указ есть указ. Правительство требует «покончить с грязью», вот мы и трудимся... Ну, начнем. Подай лопату, Джим.

Уильям Лэнтри стоял на пригорке под порывами осеннего ветра. Как хорошо снова ходить, чувствовать ветер и слышать шелест листьев. Как хорошо видеть холодные звезды, которые ветер едва не задувает.

Хорошо даже чувствовать страх.

А страх становился все сильнее и сильнее, Лэнтри никак не мог отогнать его. Сам факт, что он ходил, делал его врагом всего сущего. И на всем белом свете у него не было друга, другого мертвеца, у которого можно было бы попросить помощи. Весь этот кукольный, живой мир был против одного Уильяма Лэнтри. Весь этот свет, который не верил в вампиров, сжигал тела и уничтожал кладбища, был против человека в черном костюме, стоящего на темном осеннем холме. Он вытянул свои бледные холодные руки к огням города. «Вы повырывали надгробья, как зубы,— подумал он.— За это я найду способ разрушить ваши крематории. Я вновь сотворю мертвых людей и так обрету друзей. Я не могу быть один, как перст. Нужно поскорее начать производство друзей. Сегодня же ночью».

— Война объявлена,— сказал он и рассмеялся.— Это до-

вольно необычно, что один человек объявляет войну всему миру.

Мир на это ничем не отозвался. Какая-то ракета чиркнула по небу, волоча за собой хвост огня; она была похожа на летающий крематорий.

Лэнтри услышал шаги и поспешил на край кладбища. Неужели это возвращаются землекопы, чтобы закончить работу? Нет. Просто прохожий. Какой-то мужчина.

Когда он подошел к воротам кладбища, Лэнтри быстро вышел ему навстречу.

— Добрый вечер! — сказал мужчина, улыбаясь.

Лэнтри ударил его в лицо, и мужчина упал. Лэнтри спокойно наклонился и ребром ладони нанес ему смертельный удар по шее.

Затащив тело в тень, он раздел убитого мертвого и поменялся с ним одеждой. Старомодный костюм не подходил человеку, который собрался выйти в мир будущего. В плаще мужчины он нашел перочинный нож. Не слишком велик был этот нож, но достаточно и такого, если уметь им пользоваться. А он умел.

Затем он швырнул тело в одну из раскрытых и опустошенных могил и присыпал его землей. Мало вероятно, чтобы его нашли. Не будут же они раскапывать одну могилу дважды.

Он поправил на себе новый удобный металлический костюм. Прекрасно, просто прекрасно.

Уильям Лэнтри направился к городу, чтобы дать бой всей Земле.

II

Ворота крематория были открыты. Они вообще никогда не закрывались. К нему вела широкая, слабо освещенная аллея с посадочной площадкой для вертолетов. Город засыпал после очередного рабочего дня, гасли огни, и вскоре единственным освещенным местом остался крематорий. О, боже! Что за практичное и неромантическое название!

Уильям Лэнтри вошел под широкую светлую арку. Это были настоящие врата, правда, без створок, которые нужно открывать и закрывать. Люди могли свободно входить и выходить, а внутри зимой и летом было тепло от огня, улетающего в трубу, через которую роторы, винты и насосы отправляли частицы серого пепла в пятнадцатикилометровую прогулку по небу.

Это было тепло пекарни. Зал был выложен резиной, чтобы никто не шумел, даже если бы захотел. Откуда-то из укрытия доносилась музыка. Однако, это была не музыка смерти, а музыка жизни, солнца, живущего в крематории, или, во всяком

случае, его ближайшего родственника, она примиряла людей с огнем, бушующим за толстой кирпичной стеной.

Уильям Лэнтри сошел с подиума и оглянулся, услышав за спиной шум. Какой-то автомобиль-жук остановился перед входом. Зазвенел колокольчик, и, словно по чьему-то сигналу, музыка взлетела на экзотически высокие ноты.

Из жука, открывающегося сзади, вышли люди, неся покрытый символом солнца золотой ящик двух метров длины. Из другого жука вышли родственники человека, что лежал в ящике, и двинулись к алтарю, на котором была надпись: ИЗ СОЛНЦА ТЫ ВЫШЕЛ И В СОЛНЦЕ ВЕРНЕШЬСЯ. Ящик поставили на алтарь — музыка звучала в высоких регистрах, начальник крематория сказал несколько слов, а потом служители взяли золотой ящик, подошли к прозрачной стене, открыли такой же прозрачный люк и сунули туда гроб. Через минуту раскрылись внутренние двери, и ящик скользнул в них.

Служители ушли, родственники молча повернулись и вышли вон, музыка продолжала играть.

Уильям Лэнтри подошел к люку и глянул на огромное сверкающее сердце крематория: оно горело равномерно, тихонько подпевая себе. Огня было так много, что он походил на золотую реку, текущую с земли на небо. Все, что бросали в эту реку, возносилось вверх и исчезало.

Лэнтри снова почувствовал ненависть к этому чудовищу, к очищающему огню.

Рядом с ним остановился какой-то человек.

— Чем могу быть полезен, сэр?

— Что?— Лэнтри резко повернулся.— Что вы сказали?

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я... то есть...— Лэнтри бросил взгляд на подиум и под арку. Руки у него тряслись.— Я никогда здесь не был.

— Никогда?— удивился человек.

Лэнтри понял, что ошибся, но было уже поздно.

— Ну, не совсем так,— сказал он.— Просто ребенком человек не обращает на такие вещи внимания. Сегодня вечером я вдруг понял, что, собственно говоря, не знаю крематория.

— Хотите взглянуть свежим взглядом, да?— Служитель усмехнулся.— Я с удовольствием провожу вас.

— О, нет, не беспокойтесь. Это... это чудесное место.

— Да, действительно,— с гордостью ответил служитель.— По-моему, это одно из прекраснейших мест на свете.

Лэнтри решил, что должен объясниться.

— Немногие из моих родственников умерли с того времени, когда я был ребенком. Собственно, ни одного. Поэтому я и не был здесь так долго.

— Ага! — лицо человека, казалось, слегка потемнело.

«А в чем дело теперь? — подумал Лэнтри. — В чем моя ошибка? Что я сделал? Если я не буду осторожен, то быстро попаду в эту огненную яму. Что творится с лицом этого типа? Он слишком интересуется мною».

— Вы, случайно, не из тех, что недавно вернулись с Марса? — спросил служащий.

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Глупости, — служащий собрался уходить. — Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь прямо ко мне.

— Только одно, — сказал Лэнтри.

— Что же это?

— А вот что! — И Лэнтри нанес ему сокрушительный удар по шее.

Профессиональным взглядом он посмотрел на оператора огненной ловушки, потом, поддерживая безвольное тело, нажал кнопку, отворяющую теплые внешние дверцы, положил тело в шлюз — музыка заиграла громче, и увидел, как открываются внутренние дверцы. Тело упало в огненную реку, и музыка притихла.

— Чистая работа, Лэнтри, чистая работа.

Минутой позже в зал вошел другой служитель — Лэнтри стоял, и лицо его отражало приятное возбуждение. Служащий огляделся, будто кого-то искал, и двинулся к Лэнтри.

— Чем могу быть полезен, сэр? — спросил и этот.

— Я просто стою и смотрю.

— Уже поздно, — сказал служитель.

— Я не могу уснуть.

Снова ошибка: в этом мире никто не страдал бессонницей. А если вдруг она приходила, включали гипнотизер, и через шестьдесят секунд человек уже храпел. Он был буквально набит неподходящими ответами. Сначала он ошибся, сказав, что никогда не был в крематории. А ведь знал, что всех детей, начиная с четырехлетнего возраста, ежегодно привозят сюда на экскурсию, чтобы привить им идею чистого погребения в огне. Смерть — это яркий огонь, тепло и солнце, а вовсе не вечный мрак. Это важный элемент их воспитания. А он, бледный глупец, немедленно выказал свое невежество.

И еще одно — эта его бледность. Он посмотрел на свои руки и с ужасом понял, что бледных людей в этом мире больше нет. Его бледность подозрительна, и поэтому первый же человек спросил, не из тех ли он, что вернулись с Марса. А этот второй чист, сияет, пышет здоровьем и энергией. Лэнтри спрятал блед-

ные руки в карманы, решив не обращать внимания на озабоченный взгляд служителя.

— Вернее сказать,— поправился Лэнтри,— я не хотел спать. Мне хотелось подумать.

— Недавно прошла церемония?— спросил служитель, оглядываясь по сторонам.

— Не знаю, я только что вошел.

— Мне показалось, что шлюз открылся и закрылся.

— Не знаю,— сказал Лэнтри.

Служитель нажал какую-то кнопку.

— Андерсон?

— Слушаю.

— Поищи Сауда. Хорошо?

— Я позвоню в коридор,— и после паузы:— Я не могу его найти.

— Спасибо,— служащий был заинтересован. Он вдруг принюхался.

— Вы... вы ничем не пахнете?

— Нет. А что?

— Я чувствую что-то странное.

Лэнтри стиснул в кармане нож и ждал.

— Помню, когда я был ребенком,— сказал мужчина,— мы нашли в поле мертвую корову. Она лежала там дня два под жарким солнцем. Это тот самый запах. Интересно, откуда он здесь?

— Я знаю откуда,— спокойно сказал Лэнтри и вытянул руку.— Отсюда.

— Что-о?!

— Это я так пахну.

— Вы?

— Я мертв уже несколько сотен лет.

— Странные у вас шуточки,— сказал мужчина.

— Очень странные,— Лэнтри вынул нож.— Вы знаете, что это?

— Перочинный нож.

— А вы еще пробуете ножи на людях?

— Что вы хотите сказать?

— Ну, убиваете вы их ножами, револьверами или ядом?

— Нет, у вас в самом деле странные шуточки,— мужчина растерянно улыбнулся.

— Я хочу вас убить,— сказал Лэнтри.

— Никто никого не убивает.

— Это сейчас, а раньше убивали.

— Знаю.

— Значит, это будет первое убийство за триста лет. Я только что убил вашего коллегу и сунул в печь.

Слова эти настолько потрясли служителя отсутствием логики, что он позволил Лэнтри спокойно подойти к нему и приставить нож к его груди.

— Я убью вас.

— Это идиотизм,— сказал одеревеневший мужчина.— Этого давно не делают.

— Смотрите, как это просто.

Нож вонзился в грудную клетку, мужчина некоторое время смотрел вытаращенными глазами, потом упал. Лэнтри подхватил падающее тело.

III

Труба в Салеме взорвалась в шесть часов утра. Огромный костер разлетелся на десять тысяч кусочков, и они засыпали землю, небо и дома, полные спящих людей. Везде воцарились огонь и грохот, и огонь был сильнее, чем тот, что осень зажгла на холмах.

В момент взрыва Лэнтри был в пяти милях от крематория. Он видел исполинскую кремацию города. Он покивал головой, захохотал и радостно захлопал в ладоши.

Все шло довольно легко. Идешь и убиваешь людей, которые не верят в убийство, которые слышали о нем, как о туманном, давно исчезнувшем варварском обычае. Входишь в центр управления крематорием и спрашиваешь, как его обслуживать, а оператор все тебе объясняет, ибо в этом мире все говорят правду, никто не лжет, потому что нет причин для лжи: попросту не существует опасностей, которых можно избежать, обманывая другого. На свете есть только один преступник, но никто не знает, что ОН существует.

Невероятная удача. Оператор показал ему, как действует крематорий, какие регуляторы и какие рычаги управляют огнем. Лэнтри с удовольствием побеседовал с ним. Спокойный свободный мир, в котором люди верят друг другу. Минуту позже Лэнтри вонзил нож в тело оператора, установил регуляторы давления на максимум с получасовым замедлением и, поспивывая, покинул крематорий.

Теперь все небо закрывала огромная черная дымная туча.

— Это только начало,— сказал Лэнтри, глядя в небо.— Я уничтожу их всех, прежде чем кто-либо начнет подозревать, что появился человек, лишенный морали. Они не приняли во внимание такого отщепенца. Я вне пределов их понимания. Я непонятен, невозможен, следовательно, не существую. Боже мой, я могу убить сотни тысяч, прежде чем они поймут, что в мире

вновь появился убийца. Каждый раз я могу делать это так, что все будет выглядеть несчастным случаем. Такая великолепная идея, что просто не верится!

Огонь жег город, а Лэнтри до утра сидел под деревом. Потом он нашел среди холмов какую-то пещеру и улегся спать.

На закате его разбудил сон об огне. Ему снилось, что его толкнули в крематорий, и пламя разорвало его на куски, и он сгорел без остатка. Он сел на земле и улыбнулся сам себе. В голову ему пришла одна мысль.

Он спустился в город, нашел телефонную будку и набрал номер станции.

— Пожалуйста, соедините с полицией.

— Как?— спросила телефонистка.

— С Силами Порядка,— уточнил он.

— Я соединю вас с Секцией Дел Мира,— ответила она наконец.

Он почувствовал легкую пульсацию страха, словно тикал маленький будильник. Допустим, что телефонистка сочла слово «полиция» анахронизмом, записала номер будки, из которой звонили, и вышлет кого-нибудь проверить. Нет, она не могла этого сделать. Почему она должна кого-то подозревать? Эта цивилизация не знает параноиков.

— Хорошо, соедините с Секцией Дел Мира,— сказал он. Сигнал. Потом мужской голос:

— Секция Дел Мира, у телефона Стефанс.

— Пожалуйста, свяжите меня с Отделом Убийств,— сказал Лэнтри, улыбаясь.

— С чем?

— Кто расследует убийства?

— Простите, о чем вы говорите?

— Ошибка.— Лэнтри повесил трубку, посмеиваясь в кулак.— Смотрите-ка, у них нет Отдела Убийств. Раз нет убийств, значит, не нужны и следователи. Прекрасно, великолепно!

Телефон зазвонил. Лэнтри поколебался и снял трубку.

— Скажите,— произнес голос,— кто вы такой?

— Человек, который звонил отсюда, только что вышел,— сказал Лэнтри и повесил трубку.

Он сбежал. Они узнали его по голосу и, наверное, вышлют кого-нибудь для проверки. Люди ведь не лгут, а он именно солгал. Они знают его голос. Он солгал, а значит, ему нужен психиатр. Они придут, чтобы забрать его и проверить, почему и зачем он солгал. Значит, нужно бежать.

Ему нужно быть внимательнее. Он ничего не знает об этом мире, об этом странном, ученом, правдивом, высоко моральном мире. Ты бледен — и тебя уже подозревают. Не спишь — ты

подозрителен вдвойне. Не моешься и воняешь, как...дохлая корова?— ты трижды подозрителен. Буквально все выдает тебя.

Нужно идти в библиотеку, но это тоже опасно. Как теперь выглядят библиотеки? Может, люди держат книги дома и больше публичные библиотеки не нужны?

И все же он решил рискнуть. Его архаическая речь тоже может вызвать подозрения, но теперь самое важное — узнать как можно больше об этом мире, в который он вернулся. Он остановил какого-то человека.

— Как пройти в библиотеку?

Человек не удивился.

— Вторая улица на восток и первый переулок на север.

— Спасибо.

Через несколько минут он уже входил в библиотеку.

— Чем могу служить, сэръ?

Он взглянул на библиотечаршу. «Чем могу служить», «Чем могу служить?» Какие услужливые люди!

— Я хотел бы Эдгара Аллана По.

Он внимательно подбирал слова, он не сказал «почитать», боясь, что книг уже нет, что книгопечатание — вещь давно позабытая. Быть может, все книги имеют теперь форму трехмерных фильмов с полным текстом. Но какой, черт побери, можно сделать фильм из Сократа, Шопенгауэра, Ницше или Фрейда?

— Повторите фамилию еще раз.

— Эдгар Аллан По.

— Такого автора нет в каталоге.

— Очень вас прошу, проверьте еще раз.

Она проверила.

— Ах, да. Здесь на карточке стоит красный кружок. Это один из авторов, чьи книги сожгли на Великом Костре в две тысячи двести шестьдесят пятом году.

— Как я мог не знать!

— Ерунда,— сказала она.— Вы много о нем слышали?

— У него были довольно интересные, хотя и варварские взгляды на смерть,— сказал Лэнтри.

— Ужасно,— сказала она, морща нос.— Чудовищно.

— Да. Чудовищно. Точнее, отвратительно. Хорошо, что его сожгли. А может, у вас есть что-нибудь Лавкрафта?

— Это о сексе?

Лэнтри рассмеялся.

— Нет, что вы.

Она снова просмотрела карточки каталога.

— Его тоже сожгли. Вместе с По.

— Полагаю, то же случилось и с Машеном, Дерлетом и Бирсом?

— Да.— Она закрыла шкафчик с каталогом,— всех сожгли. И слава Богу.

Она посмотрела на него с интересом.

— Держу пари, что вы недавно вернулись с Марса.

— Почему вы так думаете?

— Вчера здесь был один человек, он тоже вернулся с Марса. Он, как и вы, интересовался литературой о сверхъестественных явлениях. Оказывается, на Марсе есть «могилы».

— А что такое «могилы»?— Лэнтри учился держать язык за зубами.

— Знаете, это что-то такое, в чем когда-то хоронили людей.

— Что за варварский обычай. Ужасно!

— Правда? Так вот, эти самые марсианские могилы заинтересовали этого молодого ученого. Он пришел и спросил, нет ли у нас тех авторов, которых вы назвали. Конечно, от их книг не осталось и следа.

Она посмотрела на его бледное лицо.

— Вы ведь с Марса, правда?

— Да,— сказал он,— я вернулся несколько дней назад.

— Того молодого человека звали Бюрк.

— Так это был Бюрк! Я хорошо его знаю!

— Простите, что не смогла вам помочь. Вам бы стоило принять немного витаминов и позагорать под кварцевой лампой. Вы ужасно выглядите, мистер...

— Лэнтри. Я так и сделаю. Большое спасибо. Спокойной ночи,— сказал он и вышел.

Ох, как старательно балансировал он в этом мире! Словно таинственный, бесшумно вертящийся гироскоп. В восемь вечера он с интересом заметил, что на улицах не так уж много света. На каждом углу стояли фонари, но сами дома были освещены слабо. Может, эти странные люди не боялись темноты? Вздор! Все боятся мрака. Даже он боялся, когда был ребенком. Это так же нормально, как еда и сон.

Какой-то маленький мальчик бежал по улице, а за ним — шестеро других. Они выли, верещали и кувыркались в листьях на темной и холодной октябрьской траве. Лэнтри следил за ними несколько минут, потом обратился к одному из мальчиков, который тяжело дышал, как будто надувал дырявую бумажную сумку.

— Эй!— сказал Лэнтри.— Устанешь.

— Конечно,— ответил мальчик.

— Ты можешь сказать мне, почему на улицах так мало фонарей?

— А почему вы спрашиваете?

— Я учитель и хочу проверить, знаешь ли ты,— сказал Лэнтри.

— Ну, хорошо,— ответил мальчик.— Их мало, потому что они не нужны.

— Но ведь ночью становится темно.

— Ну и что?

— Не боишься?— спросил Лэнтри.

— Чего?

— Темноты.

— Ха! Ха! Ха! А почему я должен ее бояться?

— Видишь ли,— сказал Лэнтри,— спускается мрак, становится темно. Фонари придумали затем, чтобы рассеивать этот мрак и отгонять страх.

— Это смешно. Фонари ставят для того, чтобы видеть, куда идешь. Вот и все.

— Ты не понимаешь, о чем я говорю,— сказал Лэнтри.— Может, ты хочешь сказать, что мог бы всю ночь просидеть на пустой площади и ничего бы не боялся?

— Чего?

— Чего, чего! Темноты!

— Ха! Ха! Ха!

— Пошел бы на гору и сидел бы там всю ночь в темноте?

— Конечно.

— И мог бы остаться один в пустом доме?

— Ясно.

— И не боялся бы?

— Да нет же.

— Ты маленький лгунишка!

— Прошу не называть меня этим гадким словом!— крикнул мальчик.

Это было действительно обидное слово. Пожалуй, самое. Но это маленькое чудовище разозлило Лэнтри.

— Слушай,— сказал он,— посмотри мне в глаза...

Мальчик посмотрел.

Лэнтри оскалил зубы, вытянул руки, скрючил пальцы и скривился в чудовищной гримасе.

— Ха! Ха! Ха! Какой вы смешной!

— Что ты сказал?

— Что вы смешной. Сделайте еще раз так же, сэр. Эй! Ребята, идите сюда! Этот мистер делает такие смешные вещи! Сделайте еще раз то же самое, а? Ну, пожалуйста!

— Обойдетесь. Спокойной ночи!— И Лэнтри удалился.

— Спокойной ночи!— закричал мальчик.— И помните о темноте!

Все это от глупости, вульгарной бессмысленной глупости, за которую не приходится расплачиваться. Никогда в жизни он не видел ничего подобного! Воспитывать детей безо всякого воображения! Как можно радоваться детству, если ничего не выдумывать?

Он перестал бежать, замедлил шаги и в первый раз начал сам себя анализировать. Он потер лицо ладонью, заметил, что стоит на улице между перекрестками, почувствовал страх и направился на угол, где горел фонарь.

— Так лучше,— сказал он, вытягивая руки, словно хотел согреть их у огня.

Он прислушивался, но услышал лишь короткие трели сверчков. Потом донеслось слабое шипение огня: небо прочертила ракета. Такой звук мог бы издавать фонарь, освещающий все вокруг.

Он прислушался к голосам своего тела и впервые осознал, что в этом есть что-то странное. Оттуда не доносилось ни звука. Он не слышал шелеста воздуха в ноздрях и в груди. Его легкие не втягивали воздух и не выдыхали двуокись углерода — они бездействовали. Теплый воздух не касался волосков в ноздрях. Странно. Забавно. Звуки, которых вообще не слышно при жизни — дыхание, питающее тело — и все же, как сильно их не хватает, когда оно мертво.

Звуки эти он слышал только в долгие ночи, когда он засыпал на дежурстве, а потом просыпался, прислушивался и сначала слышал тихий вдох носом, а потом глухой и глубокий красный шум крови в висках и ушах, в горле и ноющих болящих суставах, теплых бедрах и в груди. Все эти ритмы исчезли. Нет пульса ни в горле, ни на запястьях, грудь не вздымается. Нет шума крови, бегущей вверх и вниз, вокруг и вглубь. Теперь все было так, словно он снял трубку отключенного телефона.

И все же он живет, точнее, двигается. Как же так вышло? Из-за одной единственной вещи.

Ненависти.

Она — его кровь, она кружит вверх и вниз, вокруг и вглубь, вверх и вниз, вокруг и вглубь. Она — его сердце, которое, хоть и не бьется, но все же теплое. Он весь... что? Злость. Зависть. Они сказали, что он больше не имеет права лежать в своем гробу, на кладбище. А он очень хотел. Ему никогда не хотелось снова встать и идти. Все эти века ему хватало того, что он лежал в глубокой могиле и сознавал, хотя и не чувствовал физически тиканья миллионов жуков-будильников вокруг, кружения земляных червей, похожих на клубящиеся мысли.

Но вот пришли они и сказали: «Вылезай и поди в печь!» А это самое худшее, что можно сказать человеку. Ему нельзя прика-

зывать. Если сказать ему, что он мертв, ему захочется жить. Если сказать, что вампиров не существует, он захочет стать вампиром просто так, из принципа, назло. Если ему сказать, что мертвый человек не может ходить, он наверняка опробует свои ноги. Если кто-нибудь скажет, что никто больше не убивает, он убьет. И именно он стал воплощением невозможного. Это они вызвали его к жизни своими делами и невежеством. О, как же они ошиблись! Это нужно им доказать, значит, быть по сему! Они говорят, что солнце и ночь одинаково хороши, что во мраке нет ничего плохого...

— Темнота — это страх! — вполголоса крикнул он маленьким домикам. — Вы должны бояться! Слушайте! Было так всегда! Слушай, ты, уничтоживший Эдгара Аллана По и чудесного Лавкрафта, и ты, что сжег карнавальные маски, и ты, что уничтожил человеческие головы из высушенных тыкв! Я превращу ночь в то, чем она когда-то была, против чего человек защищался, строя свои освещенные города и плодя бесчисленных детей!

И как бы в ответ ему низко пролетела ракета, волоча за собой султан огня. Лэнтри сжался и заскулил.

IV

До городка Сайнс-Порт было всего девять миль, и он явился туда перед рассветом. Но и это было подозрительно. В четыре утра какой-то серебряный жук остановился около него на дороге.

- Хэлло! — крикнул мужчина из машины.
 - Хэлло, — устало ответил Лэнтри.
 - Куда это вы идете пешком? — спросил мужчина.
 - В Сайнс-Порт.
 - А почему не едете?
 - Я люблю ходить.
 - Никто не любит ходить. А может, вы больны?
 - Спасибо, но я действительно люблю ходить пешком.
- Мужчина заколебался, потом закрыл дверцу жука.
- До свидания!

Когда жук исчез за холмом, Лэнтри спрятался в ближнем лесу. Что это за мир, полный услужливых недотеп! Боже мой, когда ты идешь пешком, они подозревают, что ты болен. А это значит только одно: больше ему нельзя ходить пешком — он должен ездить. Нужно было принять предложение этого типа.

Остаток ночи он шел поодаль от дороги, чтобы успеть укрыться в зарослях, когда будет проезжать какой-нибудь жук. Перед самым рассветом он заполз в пустую трубу сухого канала и закрыл глаза.

Сон был таким ярким, будто все происходило наяву.

Он увидел кладбище, где веками лежал и созревал. Ранним утром слышались шаги землекопов — они возвращались, чтобы закончить работу.

- Ты не подашь мне лопату, Джим?
- Пожалуйста.
- Минутку, минутку!
- Что такое?
- Взгляни-ка! Ведь мы вчера не закончили, правда?
- Ну да.
- Был еще один гроб, так?
- Да.
- Он и теперь здесь, но пустой.
- Ты перепутал могилы.
- Какая фамилия на камне?
- Лэнтри. Уильям Лэнтри.
- Это он, тот самый! Пропал...
- Каким чудом?
- Откуда мне знать? Вчера тело было на месте.
- Откуда тебе знать? Мы же не заглядывали в гроб.
- Люди не хоронили пустых гробов. Он был, а теперь его

нет.

- Может, все-таки, гроб был пуст?
- Ерунда. Чувствуешь этот смрад? Наверняка там было тело. Минута молчания.
- Надеюсь, его никто не забрал?
- Зачем?
- Как сувенир, может быть.
- Не дури. Люди больше не крадут. Никто не крадет.
- В таком случае есть только одно объяснение.
- Ну?
- Он встал и пошел.

Пауза. В этом ярком сне Лэнтри ожидал услышать в ответ смех. Однако вместо смеха до него донесся голос могильщика, который сказал, чуть подумав:

- Да. Так, наверное, и было. Встал и пошел.
- Интересно,— сказал второй.
- Пожалуй.

Лэнтри проснулся. Все это было сном, но до чего же реалистичным. Как странно разговаривали эти люди, как ненатурально. Они говорили, как и должны говорить люди будущего. Люди будущего. Лэнтри криво улыбнулся. Для них это анахронизм. Это Б Ы Л О будущее. Это происходит сейчас. Не в двадцатом

веке, не через триста лет, а сейчас. О, как спокойно эти люди из сна сказали: «Встал и пошел», «Интересно», «Пожалуй...» Даже голоса у них не задрожали. Они не оглянулись тревожно назад, лопаты не дрогнули в их руках. Разумеется, примитивная логика предложила только одно объяснение — никто не украл труп, это наверняка, «никто не крадет». Труп просто-напросто встал и пошел. Труп мог уйти только сам. Из нескольких случайных слов могильщиков Лэнтри понял ход их мысли. Вот человек, который сотни лет находился в состоянии потайной жизни, но на самом деле не был мертв. Шум и суматоха вывели его из этого состояния.

Каждый, наверное, слышал о маленьких зеленых жабах, которые в иле или во льду веками спят летаргическим сном. И о том, что ученые находят их, разогревают в руках, словно мраморные шарики, и жабы скачут и мигают.

Не было ничего странного, что могильщики подумали то же самое и о Лэнтри.

Но что будет, если, к примеру, завтра они увяжут между собой все факты? Если сопоставят исчезновение тела со взрывом крематория? Что будет, если этот Бюрк, который вернулся с Марса, попросит какие-нибудь книги, а библиотекаря скажет: «Недавно здесь был ваш друг Лэнтри». И тогда он спросит: «Что за Лэнтри? Не знаю никого с такой фамилией». И она ответит: «Ах, значит, он солгал». А нынешние люди не лгут. И тогда все станет на место — точка за точкой, кусок за куском. Какой-то человек, бледный, хотя таких не бывает, солгал, а ведь люди не лгут; и какой-то человек шел по обочине сельской дороги, а люди больше не ходят пешком; и с кладбища исчезло тело; и взорвался крематорий; и, и, и...

Они начнут его искать и в конце концов найдут. Его легко найти, ибо он ходит пешком, лжет и бледен. Они найдут его, схватят и швырнут в ближайший крематорий, и это будет мистер Уильям Лэнтри, и это точно, как дважды два четыре.

Можно было сделать только одно. Он вскочил на ноги, широко открыл рот и вытаращил глаза, он дрожал всем телом. Он должен убивать, убивать без конца. Из врагов он должен сделать друзей, таких же, как он сам, пусть они ходят, хотя и не должны, пусть они будут бледны в этом царстве румяных лиц. Он должен убивать, убивать и еще раз убивать. Он должен производить трупы, мертвецов, покойников. Он должен уничтожать крематорий за крематорием. Взрыв за взрывом. Смерть за смертью.

И когда все крематории превратятся в развалины и все морги наполнятся телами людей, разорванных взрывами, он начнет делать из них своих друзей, начнет втягивать мертвых в свое дело.

Прежде чем его выследят, схватят и прикончат, они погибнут сами. Пока он в безопасности и может убивать, а они не могут отвечать ему тем же самым. Он вылез из канала, вышел на дорогу, вытащил перочинный нож и остановил попутную машину.

Совсем как на празднике Четвертого июля! Самый большой из всех фейерверков! Крематорий в Сайнс-Порт лопнул и разлетелся на куски. После тысячи маленьких взрывов раздался большой. Обломки крематория упали на город, разбивая дома и поджигая деревья. Взрыв сначала разбудил людей, а потом погрузил их в вечный сон.

Сидя в чужом жуке, Уильям Лэнтри лениво включил радио. Взрыв крематория убил около четырехсот человек. Многие погибли под обломками домов, других прикончили летавшие в воздухе куски металла. Пришлось устраивать временный морг...

Лэнтри записал его адрес в блокнот.

«Можно действовать дальше,— подумал он.— От города к городу, страна за страной — уничтожать крематории, валить огненные колонны, пока не распадется вся эта великолепная стерильная система». Он отлично все рассчитал — каждый взрыв дает, в среднем, пятьсот мертвецов. Таким образом, в короткое время можно дойти до ста тысяч.

Он взялся за рычаг автомобиля, улыбнулся и двинулся по темным улицам города.

Власти реквизировали старый склад. От полуночи до четырех утра по блестящим от дождя улицам подъезжали серые жуки и оставляли трупы. Их укладывали на холодный бетонный пол и укрывали простынями. Длилось это до половины пятого, свезли около двухсот тел — белых и холодных.

Около пяти приехала первая группа родственников, чтобы опознать своих сыновей и отцов, матерей и дядей. Люди быстро входили в склад, узнавали родственников и торопливо выходили вон. К шести, когда небо на востоке посветлело, все уже ушли.

Уильям Лэнтри пересек широкую мокрую улицу и вошел в склад.

В руках у него был кусочек голубого мела.

Он миновал коронера, который стоял в дверях и разговаривал с двумя своими помощниками.

— ...Завтра завезем тела в крематорий в Меллин-Таун...

Голоса утихли.

Лэнтри все время двигался, и шаги его отражались от холодного бетона тихим эхом. Он испытывал беспредельное облегче-

ние, расхаживая среди тел, укрытых саванами. Он был среди своих. И даже больше — он сам их сотворил! Это он сделал их мертвыми! Он создал себе армию друзей и теперь принимал смотр.

Лэнтри повернулся и поискал глазами коронера. Его нигде не было видно. В складе было тихо, спокойно, полутемно. Коронер со своими помощниками в эту минуту переходил через улицу, чтобы поговорить с человеком, что сидел в блестящем жуке.

Уильям Лэнтри рисовал голубым мелком звезду за звездой, возле каждого из лежащих тел. Он двигался быстро и бесшумно. В несколько минут, все время оглядываясь, не идет ли коронер, он пометил сто тел. Выпрямившись, он сунул мел в карман.

Теперь настало время всем добрым людям прийти друг другу на помощь, теперь настало время всем добрым людям прийти друг другу на помощь, теперь настало время всем добрым людям прийти друг к другу на помощь...

Когда он век за веком лежал в земле, в него, как в глубоко закопанную губку, просочились мысли и умения минувших поколений, минувших времен. А теперь, словно нарочно, какая-то черная пишущая машинка непрерывно выстукивала в его посмертной памяти ровные строки: «Теперь настало время всем добрым людям прийти друг другу на помощь...»

Уильям Лэнтри.

Другими словами...

Вставайте, дорогие, и идите...

«Ловкий рыжий лис выскочил...» Перефразируй это. Ловкие, восставшие из мертвых тела, выскочили из заваленного крематория...

«Лазарь, тебе говорю, восстань!»

Он знал заветные слова. Нужно было только произнести их так, как это делали века назад. Достаточно сделать пассы, произнести магические слова, и трупы задергаются, встанут и пойдут!

А когда они встанут, он вывезет их в город. Они будут там убивать других, и эти другие в свое время тоже встанут и пойдут. Прежде чем кончится день, у него будет тысяча добрых друзей. А что случится с этими наивными людьми, которые живут в этот час, в этот день, в этом году? Они совершенно не готовы к такому. Они потерпят поражение, ибо не ждут войны. Они не верят, что так может быть, что все кончится прежде, чем они убедятся, что может случиться нечто нелогичное.

Он поднял руки и зашептал волшебные слова. Начал певучим шепотом, потом заговорил в полный голос. Он повторял их снова и снова, раз за разом. Глаза у него были закрыты, он говорил все быстрее и быстрее. Магические слова сами текли с губ. Он наклонился и с улыбкой рисовал знаки голубым мелом. Через минуту трупы встанут и пойдут!

Он воздевал руки вверх, наклонял голову и говорил, говорил, говорил без конца. Напрягшись, вытаращив глаза, он громко произнес над убитыми слова заклинаний.

— А теперь,— крикнул он вдруг,— встаньте! Все!

Никакой реакции.

— Встать! — закричал он.

Простыни. Бело-голубые простыни неподвижно лежали на неподвижных телах.

— Слушайте меня и действуйте! — крикнул он.

Вдалеке проехал какой-то жук.

Лэнтри кричал и молил без конца. Он наклонялся над телами и уговаривал каждое в отдельности. Напрасный труд. Словно безумный, бегал между ровными белыми рядами, размахивал руками и наклонялся то тут, то там, чтобы нарисовать голубой знак.

Лэнтри был очень бледен. Он облизал пересохшие губы.

— Ну, встаньте,— сказал он.— Вы всегда вставали, когда делали вот такой знак и говорили вот такие слова! Всегда вставали! Почему же теперь не хотите?! Ну, вставайте, пока они не вернулись!

Склад укрыла тень. Из морга не доносилось ни звука, если не считать криков одинокого мужчины.

Лэнтри остановился.

Сквозь широко открытые двери он увидел последние холодные звезды.

Был год 2349.

Руки его бессильно упали вниз, он замер.

Когда-то у людей мурашки по спине бегали, если ветер завывал за окнами — и они вешали кресты и борец, они верили в упырей, вампиров и оборотней. И пока они верили, до тех пор существовали упыри, вампиры и оборотни. Вера рождала их и одевала в плоть...

Но...

Он посмотрел на тела, накрытые белыми простынями.

Эти люди тоже не верили.

Они не верили никогда. И никогда бы не поверили. Они никогда не представляли, что мертвый человек может ходить. В их мире умершие уходили вместе с дымом из труб крематориев. Они никогда не слышали о суевериях, никогда не тряслись от страха и не дрожали в темноте. Мертвые, которые могут ходить — это нелогично. Приятель, это две тысячи триста сорок девятый год!

И значит, эти люди не могут встать и пойти. Они мертвы, лежат неподвижно на полу, и ничто не поднимет их и не заставит двигаться, никакой мел, никакие заклинания, никакой амулет. Они мертвы и твердо знают, что они мертвы!

Он остался один.

На свете есть живые люди, которые ходят и ездят в жуках, спокойно пьют в маленьких придорожных барах, целуют женщин и разговаривают целыми днями.

Но он-то не живой.

Его тепло происходило от трения тела об одежду.

Здесь, в этом складе, лежат на полу двести холодных мертвецов. Первые мертвые за сотни лет, которым позволено быть трупами целый час, а может, и еще дальше. Первые, которые не были немедленно отвезены в крематорий и сожжены, как фосфор.

Он должен был наслаждаться счастьем с ними и среди них.

Но вышло иначе. Они не знали, что можно ходить, когда сердце остановится и перестанет биться, они не верили в это. Они мертвее всех мертвых.

Теперь он действительно остался один, более одинокий, чем самый одинокий человек во все времена. Он почувствовал, как холод одиночества заполняет его грудь. Душит его.

Уильям Лэнтри вдруг резко повернулся: кто-то вошел в склад, какой-то высокий седоволосый мужчина в легком коричневом плаще, без шляпы. Трудно сказать, как долго он был поблизости.

Не было смысла стоять среди мертвецов. Лэнтри повернулся и медленно пошел к выходу. По дороге он бросил мимолетный взгляд на мужчину, тот же с интересом посмотрел на него. Слышал ли он его заклятия, мольбы и крики? Лэнтри замедлил шаги. Видел ли этот человек, как он рисовал знаки голубым мелом? Но, с другой стороны, мог ли он принять их за символы какого-то старинного суеверия? Вероятно, нет.

Подойдя к дверям, Лэнтри остановился. На мгновение ему захотелось лечь и снова быть холодным, настоящим трупом, чтобы его занесли в какой-нибудь крематорий, и там проводили из этого мира среди пепла и бушующего огня. Если он действительно один, если нет шансов собрать армию для своего дела, то есть ли смысл продолжать его? Убивать? Да, он может убить еще несколько тысяч, но это ничего не даст.

Он посмотрел на холодное небо.

Темный небосклон пересекала ракета, за ней тащился огненный шлейф.

Среди миллионов звезд краснел Марс.

Марс. Библиотека. Библиотекарьша. Разговор. Вернувшиеся космонавты. Могилы.

Лэнтри едва не крикнул и еле задержал руку, которая так хотела дотянуться до неба и коснуться Марса. Роскошная красная звезда на небе. Хорошая звезда, которая неожиданно дала ему новую надежду. Если бы у него было живое сердце, оно билось бы

сейчас как безумное, его тело обливало бы потом, у него был бы неровный пульс и слезы на глазах!

Он пойдет туда, откуда срываются ракеты и летят в космос. Он полетит на Марс и найдет там марсианские могилы. Он мог бы поклясться своей ненавистью, что там есть мертвые, которые встанут и пойдут с ним! У них там древняя культура, которая весьма отличается от земной и ближе всего к египетской, если библиотекаря сказала правду. А в египетской культуре, словно в тигле, сплывались древние верования и ночные страхи. Итак, Марс. Великолепный Марс!

Но ему нельзя обращать на себя внимание, он должен действовать осторожно. Да, он хотел бежать, спастись, но это был бы самый худший ход. Седой мужчина у входа время от времени поглядывал на Лэнтри. Слишком много людей здесь крутится. Если бы дошло до чего-нибудь серьезного, они имели бы над ним численное превосходство. До сих пор Лэнтри имел дело только с одиночками.

Лэнтри заставил себя оставаться на лестнице перед складом. Седой мужчина тоже стоял на лестнице и смотрел на небо. Казалось, он хотел завязать разговор. Порывшись в карманах, он достал пачку сигарет.

V

Они стояли перед моргом — высокий румяный седой мужчина и Лэнтри с руками в карманах. Ночь была холодна, и белый круг месяца серебрил здесь дом, там дорогу, а чуть дальше — участок реки.

— Сигарету? — спросил мужчина.

— Спасибо.

Они закурили. Мужчина смотрел на губы Лэнтри.

— Холодная ночь, — сказал он.

— Холодная.

Они переминались с ноги на ногу.

— Страшное несчастье.

— Да, ужасное.

— Сколько убитых.

— Да...

Лэнтри чувствовал себя так, будто оказался на чаше весов. Седой мужчина, казалось, не смотрел на него, он, скорее, вслушивался в него, старался ощутить его, оценить. Лэнтри чувствовал себя не в своей тарелке, он хотел уйти, скрыться от этого человека и его взвешивающего внимания.

— Меня зовут Макклайр, — сказал мужчина.

— У вас были там друзья? — спросил Лэнтри.

— Нет. Так, случайный знакомый. Чудовищное несчастье.

— Чудовищное.

Они изучали друг друга. Какой-то жук прошуршал по улице на своих семнадцати колесах. Месяц освещал городок, лежащий среди тихих холмов.

— Простите, — сказал Макклайр.

— Слушаю вас.

— Вы не могли бы ответить на один вопрос?

— С удовольствием, — сказал Лэнтри, открывая в кармане нож.

— Вас зовут Лэнтри?

— Да.

— Уильям Лэнтри?

— Да.

— Значит, вы тот человек, который позавчера вышел с кладбища в Салеме?

— Да.

— Слава богу! Как я рад, что встретил вас! Мы ищем вас уже двадцать четыре часа!

Мужчина схватил его руку, сжал и похлопал его по спине.

— Как это?

— Приятель, зачем вы сбежали? Вы понимаете, что это за событие? Мы хотим с вами поговорить!

Макклайр радостно улыбался. Последовало еще одно рукопожатие, еще один хлопок по спине.

— Я так и знал, что это вы!

«Этот человек спятил, — подумал Лэнтри, — совершенно сошел с ума. Я им здесь уничтожаю крематории, убиваю людей, а он пожимает мне руку. Сумасшедший, психопат!»

— Вы не согласитесь пойти со мною в Центр? — сказал мужчина, беря его под руку.

— В какой Центр? — Лэнтри шагнул назад.

— В Центр Науки, конечно. Настоящие случаи скрытой жизни встречаются не каждый день. Одно дело — у низших животных, но чтобы у людей... Так вы идете?

— А в чем дело? — спросил Лэнтри со злостью. — Зачем вообще этот разговор.

— Друг мой, о чем вы говорите? — мужчина был ошеломлен.

— Неважно. Это что, единственная причина, по которой вы хотели меня видеть?

— А какая причина еще может быть, мистер Лэнтри? Если бы вы знали как я рад, что вижу вас! — Мужчина чуть не пустился в пляс. — Я подозревал, что это вы, когда увидел вас впервые. Это ваша бледность, и так далее. И то, как вы курили сигарету, —

что-то в этом было странное — и множество других вещей, я все это почувствовал подсознательно. Но это вы, правда? Это вы?

— Я. Уильям Лэнтри,— сухо сказал он.

— Ну идемте, идемте же, мой дорогой!

Жук мчался по улицам города, Макклайр говорил без остановки.

Лэнтри сидел и слушал, как этот глупец Макклайр открывает перед ним свои карты. Этот глупый ученый или кто он там такой, не подозревал, что сидит рядом с убийцей. Совсем наоборот! Они считают его только редким случаем скрытой жизни! Они далеки от того, чтобы считать его опасным!

— Конечно! — воскрикнул Макклайр, оскалив в улыбке зубы.— Вы не знали, куда пойти, к кому обратиться. Все казалось вам неправдоподобным.

— Да.

— Я чувствовал, что вы придете в морг этой ночью,— с удовлетворением сказал Макклайр.

— Оо! — Лэнтри замер.

— Да. Я не могу этого объяснить. Но у вас, как бы это сказать, у стародавших американцев, имели место забавные взгляды на смерть. А вы так долго были среди мертвых, что я чувствовал, что эта трагедия, морг и все прочее приведет вас сюда. Это не очень-то логично, скорее, глупо. Это просто предчувствие. Я ненавижу предчувствия, но на этот раз прислушался к нему. Меня что-то подтолкнуло, как бы это назвали вы, правда?

— Можно сказать и так.

— С вами такое бывало?

— Бывало.

— Вы не голодны?

— Нет, я уже ел.

— Как вы передвигались?

— Ездил автостопом.

— Чем?

— Меня подвозили разные люди.

— Неслыханно!

— Я предполагал, что так это должно выглядеть.— Он посмотрел на дома, мимо которых они ехали.— Сейчас эра космических путешествий, правда?

— Да, мы летаем на Марс уже лет сорок.

— Поразительно. А эти большие трубы, эти башни в центре каждого города?

— Вы разве не знаете? Это крематории. Да, конечно, в ваше время не было ничего подобного. Почему-то нам с ними не везет. Взрыв в Салеме, а теперь здесь. И все это за последние сорок восемь часов. Мне показалось, вы хотели что-то сказать.

— Я подумал,— сказал Лэнтри,— как мне повезло, что я тогда вышел из гроба. Меня могли бы бросить в один из этих ваших крематориев и сжечь.

— В самом деле.

Лэнтри развлекался, разглядывая указатели на приборной доске. Нет, он не полетит на Марс. Его планы изменились. Если этот глупец не может опознать преступника, хотя и сам лезет ему в руки, то пусть он и остается глупцом. Если они не связали эти два взрыва с человеком из могилы, тем лучше. Все в порядке. Пусть не ведают и дальше. Если они не представляют, что кто-либо может быть подлым, отвратительным убийцей, пусть небеса сжалеются над ними. Он с удовольствием потерял руки. О нет, пока что экскурсия на Марс не для тебя, Лэнтри. Сначала посмотрим, что можно сделать изнутри. У тебя много времени. Крематории могут с недельку подождать. Здесь нужно действовать тонко. Каждый взрыв после тех двух может вызвать лавину догадок.

Макклайр все тараторил.

— Конечно, мы не станем исследовать вас немедленно. Вероятно, вы захотите отдохнуть. Я заберу вас к себе.

— Спасибо. Я чувствую себя неважно, чтобы сразу пойти на обследование. У нас с вами много времени, так что можно начать и через неделю.

Они остановились перед каким-то домом и вышли.

— Вы, конечно, хотите спать?

— Я спал веками. Сон мне не нужен. Я ничуть не устал.

— Хорошо.

Макклайр открыл дверь и направился к бару.

— Выпьем, это пойдет нам на пользу.

— Наливайте себе,— сказал Лэнтри,— я выпью потом. Я хочу просто посидеть.

— Пожалуйста, пожалуйста, садитесь.

Макклайр налил себе. Он оглядел комнату, посмотрел на Лэнтри, склонил голову на одно плечо. Потом пожал плечами и, покачивая стакан, закрутил его содержимое. Медленно подойдя к столу, он сел, прихлебывая маленькими глотками. Казалось, он к чему-то прислушивается.

— Сигареты на столе,— сказал он.

— Спасибо.— Лэнтри взял одну и закурил, какое-то время ничего не говоря.

«Я воспринимаю это слишком легко,— подумал он.— Пожалуй, я должен убить его и бежать. Он единственный человек, который нашел меня. Может, все это ловушка. Может, мы просто ждем полицию или что там у них вместо полиции». Он посмотрел на Макклайра. Нет, они ждут не полицию. Они ждут чего-то другого.

Макклайр ничего не говорил. Он смотрел на лицо Лэнтри, на его руки. Довольно долго он с безмятежным спокойствием разглядывая его грудную клетку и медленно тянул напиток. Посмотрев под ноги Лэнтри, он наконец сказал:

— Откуда у вас эта одежда?

— Я спросил, и мне ее дали. Это было очень благородно с их стороны.

— Такие уж мы есть. Достаточно только попросить.

Макклайр снова замолчал. Где-то вдалеке тикали часы.

— Расскажите мне о себе, мистер Лэнтри.

— Это, пожалуй, не интересно.

— А вы скромны.

— Не очень. Вы знаете прошлое. Я ничего не знаю о прошлом, а точнее, о дне сегодняшнем и позавчерашнем. Немногое можно узнать, лежа в гробу.

Макклайр ничего не ответил. Он вдруг наклонился вперед, а потом снова уселся в кресле и покивал головой.

«Они не станут меня подозревать,— подумал Лэнтри.— Они не суеверны, они просто НЕ СМОГУТ поверить, что мертвый человек может ходить. Я буду снова и снова оттягивать медицинское обследование. Они вежливы и не станут меня заставлять. Тогда я все устрою так, чтобы попасть на Марс. А потом найду эти могилы и сделаю свое дело. Боже, как это просто. До чего же наивны эти люди».

Макклайр сидел по другую сторону комнаты. Лицо его медленно теряло свой цвет, как капелница, из которой потихоньку вытекало лекарство. Ничего не говоря, он наклонился вперед и угостил Лэнтри еще одной сигаретой.

— Спасибо,— сказал Лэнтри.

Макклайр сел поудобнее и положил ногу на ногу. Он не смотрел на Лэнтри прямо, скорее, как-то странно поглядывал. Лэнтри снова почувствовал, будто его взвешивают. Макклайр выглядел, как тощая собака-проводник, которая прислушивается к чему-то неслышному для других. Есть звуки, которые слышат только собаки. Макклайр, казалось, прислушивался именно к такому звуку, прислушивался сразу всем: глазами, полуоткрытыми сухими губами, трепещущими ноздрями.

Лэнтри часто затягивался сигаретой и выпускал дым, затягивался и выпускал. Казалось, Макклайр сделает сейчас стойку, как легавая.

В комнате было так тихо, что Лэнтри почти слышал, как дым от сигареты поднимался к потолку. Макклайр был всем разом: термометром, аптекарскими весами, чуткой легавой, лакмусовой бумажкой. Довольно долго Макклайр сидел неподвижно, потом, не говоря ни слова, кивнул на графин с шерри, но Лэнтри так же

безмолвно отказался. Оба сидели, то взглядывая друг на друга, то отводя глаза в стороны.

Макклайр медленно каменел. Лэнтри заметил, как бледнеют его худые щеки, как пальцы стискивают стакан с шерри, как наконец в глазах появляется и уже не исчезает догадка.

Лэнтри не шевелился. Не мог. Все это так захватывало, что он хотел только смотреть и слушать.

— Я подумал: он сознательно не дышит носом,— начал Макклайр свой монолог.— Я разглядывал ваши ноздри, мистер Лэнтри. Волоски в них ни разу не дрогнули за последний час. И это далеко не все. Это был просто факт, который я отметил. Но это еще не конец. «Он специально дышит ртом»,— сказал я себе. И тогда я дал ему сигарету, а вы втягивали дым и выпускали его, втягивали и выпускали. Вы ни разу не выпустили дым через нос. Я подумал: «Все в порядке, просто он не затягивается. Что в этом странного или подозрительного?» Все ртом, только ртом. И тогда я посмотрел на вашу грудную клетку. Она ни разу не поднялась и не опустилась, она оставалась неподвижной. «Он внул себе,— подумал я.— Все это он себе внул. Грудная клетка у него не движется, но он дышит, когда думает, что никто на него не смотрит». Именно так я и подумал.

В тишине комнаты слова плыли непрерывным потоком, как это бывает во сне.

— Тогда я предложил вам выпить, но вы отказались, и я подумал: «Он не пьет. Что в этом страшного? — Я все время непрерывно наблюдал за вами.— Лэнтри изображает помешанного и задерживает дыхание». Но теперь, да, теперь я все хорошо понимаю. Теперь я знаю, как все это выглядит в действительности. И знаете, почему? Я не слышу дыхания. Я жду и ничего не слышу. Нет ни биения сердца, ни звука работающих легких. Мертвая тишина царит в комнате. Вздор, могут сказать мне, но я знаю. Так бывает в крематории. Ибо существует принципиальная разница: когда вы входите в комнату, где на кровати лежит какой-то человек, вы сразу же определите, взглянет ли он на вас, скажет что-нибудь или уже никогда не ответит. Можете смеяться, но это сразу можно сказать. Как со свистком, который слышит только собака. Как с часами, которые тикают так долго, что все перестают их замечать. Есть что-то особенное в атмосфере комнаты, где находится живой человек, и чего нет там, где лежит мертвый.

Макклайр прикрыл глаза и поставил стакан. Подождав немного, он затянулся сигаретой и положил ее в пепельницу.

— Я один в этой комнате,— сказал он.

Лэнтри сидел молча.

— Вы мертвы,— сказал Макклайр,— но это не мой разум дошел до этого. Это не вопрос дедукции. Это дело подсознания.

Сначала я думал так: «Этот человек уверяет, что он мертв, что он восстал из мертвых и считает себя вампиром. Разве здесь нет логики? Разве не так думал бы о себе человек, воспитанный в полной предрассудков, слаборазвитой культуре, который столько веков пролежал в могиле? Да, это логично. Этот человек загипнотизировал себя и так отрегулировал функции своего организма, что они не лишают его иллюзии, не нарушают его паранойю. Он управляет своим дыханием, убеждает себя, что если не слышит его, значит, он мертв. Он не ест и не пьет. Делает это, вероятно, во время сна, с участием только части сознания, а потом прячет доказательства этих человеческих действий от своего обманутого разума».

Но я ошибся. Вы не безумец. Вы не обманываете ни себя, ни меня. Во всем этом нет логики, и это, я должен признать, ужасно. Чувствуете ли вы удовольствие при мысли, что ужасаете меня? Я не могу вас классифицировать. Вы очень странный человек, мистер Лэнтри. Я рад, что познакомился с вами. Отчет будет действительно интересен.

— Ну и что с того, что я мертв? — спросил Лэнтри. — Разве это преступление?

— Однако вы должны признать, что это очень необычно.

— Но я спрашиваю — разве это преступление?

— У нас нет ни преступности, ни судов. Конечно, мы хотим вас исследовать, чтобы установить, как получилось, что вы существуете. Это как с тем химическим соединением, которое до определенного момента инертно, но вдруг оказывается живой клеткой. Кто может сказать, где, что и с чем произошло? Вы как раз представляете нечто подобное. Этого хватит, чтобы сойти с ума.

— Вы отпустите меня после ваших исследований?

— Вас не будут задерживать. Если не хотите, мы не будем вас исследовать. Но я все же надеюсь, что вы нам поможете.

— Возможно.

— Но скажите, — произнес Макклайр, — что вы делали в море?

— Ничего.

— Когда я входил, то слышал, как вы что-то говорили.

— Я зашел туда просто из любопытства.

— Вы лжете. Это очень плохо, мистер Лэнтри. А правда такая, что вы мертвы и, как единственный представитель этого вида, чувствуете себя одиноким. Поэтому вы и убивали — чтобы иметь товарищей.

— Как вы догадались?

Майкл рассмеялся.

— Логика, мой дорогой друг. Когда минуту назад я понял, что

вы мертвы по-настоящему, что вы настоящий, как вы это называете, вампир — идиотское слово! — я немедленно связал вас со взрывом в крематории. До этого — не было повода. Но едва я нашел недостающее звено, мне уже легко было догадаться о вашем одиночестве, ненависти, ревности, всей этой низкопробной мотивации ходячего трупа. И тогда я мгновенно увидел взрывающиеся крематории и подумал, что среди тел в морге вы искали помощи, друзей, людей, подобных себе, чтобы работать с ними...

— Будь ты проклят! — Лэнтри вскочил с кресла. Он был на полпути к Макклайру, когда тот отскочил и, избегая удара, свалил графин. С отчаянием Лэнтри осознал, что упустил единственный шанс убить Макклайра. Он должен был сделать это раньше. Если в этом обществе люди никогда не убивают друг друга, то никто никого не боится, и к любому можно подойти и убить его.

— Иди сюда! — Лэнтри вынул нож.

Макклайр встал за кресло. Мысль о бегстве по-прежнему была чужда ему. Она только начинала появляться у него, и у Лэнтри еще был шанс.

— Ого! — сказал Макклайр, заслоняясь креслом от нападающего мертвеца. — Вы хотите меня убить. Это странно, но это так. Я не могу этого понять. Вы хотите искалечить меня этим ножом или что-нибудь в этом роде, а мне нужно помешать вам сделать такую странную вещь.

— Я убью тебя! — вырвалось у Лэнтри, но он тут же прикусил язык. Это было самое худшее, что он мог сказать.

Наваливаясь грудью на кресло, Лэнтри пытался схватить Макклайра.

Макклайр рассуждал очень логично:

— Моя смерть ничего вам не даст, вы же знаете это.

Они продолжали борьбу.

— Вы помните, что произошло в морге?

— Какая разница?! — рявкнул Лэнтри.

— Вы ведь не воскресили погибших, правда?

— Ну и наплевать! — крикнул Лэнтри.

— Послушайте, — рассудительно сказал Макклайр, — уже никогда больше не будет таких, как вы, никогда, никогда.

— Тогда я уничтожу вас, всех до единого! — закричал Лэнтри.

— И что тогда? Вы все равно будете одиноки.

— Я полечу на Марс. Там есть могилы. Я найду таких, как я!

— Нет, — сказал Макклайр, — вчера и там вышло постановление. Из всех могил извлекают трупы. Они будут сожжены на будущей неделе.

Они упали на пол, и Лэнтри схватил Макклайра за горло.

— Видите, — сказал Макклайр, — вы умрете.

— Как это?! — крикнул Лэнтри.

— Когда вы убьете всех нас и останетесь один, вы умрете! Умрет ненависть, которая вами движет! Это зависть заставляет вас двигаться, зависть и ничего больше! Вы умрете, вы же не бес- смертны. Вы даже не живы, вы всего лишь ходячая ненависть.

— Ну и наплеватель! — заорал Лэнтри и начал душить его, бить кулаками по голове. Макклайр смотрел на него тускнеющими глазами.

Открылись двери, в комнату вошли двое мужчин.

— Что здесь происходит? — спросил один из них. — Какая-то новая игра?

Лэнтри вскочил и бросился наутек.

— Да, новая игра, — сказал Макклайр, с трудом поднимаясь. — Схватите его и вы выиграете!

Мужчины схватили Лэнтри.

— Мы выиграли! — сказали они.

— Пустите! — Лэнтри, стараясь вырваться, начал бить их по лицам. Брызнула кровь.

— Держите его крепче! — крикнул Макклайр.

Они придержали его.

— Какая грубая игра, — сказал один из мужчин. — А что дальше?

Макклайр спокойно и логично говорил о жизни и движении, о смерти и неподвижности, о солнце и о большом солнечном крематории, и об опустошенном кладбище, о ненависти, о том, как ненависть жила и сделала так, что один из мертвецов ожил и начал ходить, и как нелогично было это все, все, все. Если кто-то мертв, мертв, мертв, это конец, конец, конец. Тихо шурша, машина ехала дорогой, стелющейся под колеса. На ветровом стекле мягко растекались капли дождя. Мужчины на заднем сиденье тихо разговаривали. Куда они ехали, ехали, ехали? Конечно, в крематорий. В воздухе лениво расплывался табачный дым, образуя серые волнующиеся спирали и петли. Если кто-то умер, то он должен с этим смириться.

Лэнтри не двигался. Он был похож на марионетку, у которой перерезали шнурки. В сердце и в глазах, напоминающих два уголька, у него осталась еще капля ненависти — слабая, едва видная, еле тлеющая.

«Я — По, — подумал он. — Я все, что осталось от Эдгара Аллана По, и все, что осталось от Амброза Бирса, и все, что осталось от Говарда Лавкрафта. Я старый ночной нетопырь, с острыми зубами и черными крыльями. Я Осирис, Ваал и Сет. Я книга смерти и стоящий в языках пламени дом Эшеров. Я Красная Смерть и человек, замурованный в катакомбах с бутылкой амонтильядо... Я танцующий скелет, гроб, саван, молния, отражающаяся в окне старого дома. Я сухое осеннее дерево и раскаты дальнего грома.

Я пожелтевшая книга, чьи страницы переворачивает костлявая рука, и фисгармония, в полночь играющая на чердаке. Я маска, маска смерти, выглядывающая из-за дуба в последний день октября. Я варящееся в котле отравленное яблоко и черная свеча, горящая перед перевернутым крестом. Я крышка гроба, простыня с глазами, шаги на темной лестнице. Я легенда о Спящей Долине, Обезьянья Лапка и Рикша-Призрак. Я Кот и Канарейка, Горилла и Нетопырь, я Дух отца Гамлета на стенах Эльсинора.

И это все — я. И все это будет сейчас сожжено. Когда я жил, все они тоже были еще живы. Когда я двигался, ненавидел, существовал — они существовали. Только я их помню. Я все, что осталось от них, но исчезнет сегодня. Сегодня мы сгорим все вместе: и По, и Бирс, и отец Гамлета. Нас уложат в огромный штабель и подожгут, как фейерверк в день Гая Фокса — с веселой пиротехникой, факелами, криками и прочим.

А какой мы поднимем крик! Мир будет свободен от нас, но уходя, мы еще скажем: на что похож мир, лишенный страха? Где таинственные фантазии загадочных времен? Куда исчезли угроза, страх, неуверенность? Все это пропало и никогда не вернется, сглаженное, разбитое и сожженное людьми из ракет и крематориев, уничтоженное и замазанное, замененное дверями, которые открываются и закрываются, огнями, которые зажигаются и гаснут, не вызывая страха. Если бы они хоть помнили, как жили когда-то, чем был для них праздник Всех Святых, кем был По и как мы гордились нашими темными фантазиями. Ну, дорогие друзья, тогда еще один глоток амантильядо перед сожжением! Это все существует, но в последнем мозгу на земле. Сегодня умрет целый мир. Еще один глоток, умоляю!»

— Приехали, — сказал Макклайр.

Крематорий был ярко освещен. Играла тихая музыка. Макклайр вышел из жука, подошел к двери и открыл ее. Лэнтри просто лежал. Беспощадно логичные слова выпили из него жизнь. Сейчас он был только восковой куклой с тусклой искрой в глазах. Ах, этот мир будущего, ах, эти люди и способ их мышления — как логично они доказали, что он не должен жить. Они не хотели в него поверить, и это неверие заморозило его. Он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, мог только бормотать что-то бессмысленное.

Макклайр и его помощники помогли ему выйти из машины, уложили его в золотой ящик и на столе с колесиками, ввели в лучащийся теплом крематорий.

— Я Эдгар Аллан По, Амброз Бирс, праздник Всех Святых, гроб, саван, Обезьянья Лапка, упырь, вампир...

— Да, да, — тихо сказал над ним Макклайр. — Я знаю.

Стол двигался вперед. Стены вокруг раскачивались. Музыка играла: «Ты мертв. Ты мертв по всем законам логики».

— Никогда уже я не буду Эшером, Мальстремом, не буду Рукописью, найденной в Бутылке, Колодцем и Маятником, Сердцем-Обличителем, Вороном, никогда, никогда.

— Никогда,— сказал Макклайр.— Я знаю.

— Я в подземельях! — крикнул Лэнтри.

— Да, в подземельях,— сказал один из мужчин.

— Меня прикуют цепью к стене, а здесь нет бутылки амотильядо,— слабым голосом сказал Лэнтри; он лежал с закрытыми глазами.

— Я знаю,— ответили ему.

Что-то сдвинулось. Открылись огнеупорные двери.

— А теперь кто-то закрывает камеру. Меня замуровывают!

— Да.

Шорох. Золотой саркофаг скользнул в огненный шлюз.

— Меня замуровывают!!! Ну и штука! Мы гибнем! — дикий крик и взрыв смеха.

Открылись внутренние двери, и золотой саркофаг рухнул в огонь.

— Ради всего святого, Монтрезор! Ради всего святого!

СПУСТИСЬ В МОЙ ПОДВАЛ

Гая Фортнума разбудила субботняя суета. Он лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь каждым ее звуком. Внизу жарится бекон: Цинтия будит его превосходным завтраком, а не криком. По другую сторону коридора Том принимает душ.

А в дальнем мире шмелей и стрекоз чей это голос проклинает уже погоду, время и гипертонию? Миссис Гудбоди? Да. Опора христианства, метр восемьдесят без обуви, отличная садовница, вегетарианка и местный философ. Он встал, поднял жалюзи и высунулся, чтобы послушать ее крики.

— Получайте! Попробуйте-ка этого! Это пойдет вам на пользу!

— Приятной субботы, миссис Гудбоди!

Старушка замерла в облаке инсектицида, бьющего из огромного распылителя.

— Чепуха! — крикнула она. — Какая может быть приятность со всем этим дьявольским сбродом!

— А что на этот раз?

— Я не хочу, чтобы все воробьи начали чирикать об этом, но, — она подозрительно осмотрелась, — что бы вы сказали на то, что я — первая линия обороны против летающих тарелок?

— Превосходно, — ответил Фортнум. — Скоро у нас будет ракетная связь между мирами.

— Уже есть! — Нацелившись на живую изгородь, она пыхнула еще одним облаком. — Ага! Вот вы где!

Он убрал голову из окна, уже не в таком хорошем настроении, в каком проснулся.

Бедняжка эта миссис Гудбоди. Всегда была воплощением здравого рассудка, а теперь — склероз.

Зазвенел звонок у двери. Он схватил халат и был уже на середине лестницы, когда услышал голос:

— Заказная бандероль для мистера Фортнума.

Он увидел, как Цинтия возвращается от входной двери с небольшим свертком. Он протянул руку, но она покачала головой: — Это твоему сыну.

Том оказался внизу так быстро, как будто бежал на ста ногах.

— Чудесно! Наверняка с Фермы Больших Болот!

— Хотел бы я так радоваться обычной посылке, — заметил Фортнум.

— Обычной?! — Том торопливо срывал шнурок и бумагу. — Ты не читал последних страниц «Попьюлар Механикс». Ну, наконец-то!

Все заглянули в небольшую открытую коробочку.

— Что «наконец»? — сказал Фортнум. — Что там?

— Грибы Джумбо-Гигант-Разводи-Сам! Гарантированный доход!

— Ясно, — сказал Фортнум. — Как это я не догадался сразу.

Цинтия взглянула искоса.

— Такие маленькие...

— «Фантастический прирост грибной массы всего за двадцать четыре часа, — Том цитировал по памяти. — Можно разводить в собственном подвале...».

Старшие Фортнумы переглянулись.

— Ну что же, — признала Цинтия, — пожалуй, это лучше, чем ужи и жабы.

— Конечно! — Том убежал.

— Послушай, Том, — мягко сказал Фортнум. Том остановился в дверях подвала. — В следующий раз вполне хватит обычной посылки.

— Да ладно уж, — сказал Том. — Они чего-то там напутали. Думали, что я какая-то богатая фирма. Авиапочта, заказная — кому это по карману?

Двери подвала захлопнулись.

Фортнум, ничего толком не понимая, посмотрел на упаковку, потом бросил ее в корзину. По дороге на кухню он заглянул в подвал. Том уже возился в дальнем углу, разгребая землю граблями. Фортнум почувствовал присутствие жены, она едва дыша, тихонько заглядывала в холодный мрак.

— Надеюсь, это съедобные грибы. Не... поганки?

Фортнум рассмеялся.

— Хорошего урожая, хозяин!

Том поднял глаза и помахал рукой. Фортнум закрыл дверь, взял жену под руку и в отличном настроении повел ее на кухню.

Около полудня Фортнум ехал в машине к ближайшему супермаркету, когда заметил Роджера Уиллиса, своего приятеля по клубу, учителя биологии в городском лицее. Тот нетерпеливо махал ему рукой с тротуара. Фортнум подъехал к тротуару и открыл дверцу.

— Привет, Роджер. Подбросить?

Уиллис торопливо прыгнул в машину и захлопнул дверцу.

— Здорово, что я тебя встретил. Ты можешь минут пять поиграть в психиатра?

Фортнум с минуту внимательно смотрел на приятеля, потом сказал:

— Хорошо. Давай.

Уиллис устроился поудобнее и начал разглядывать свои ногти.

— Проедем еще немного... Всё. Хватит. Слушай: что-то не в порядке с нашим миром.

Фортнум беззаботно рассмеялся.

— По-твоему, это в первый раз?

— Нет, нет, я имею в виду, что происходит... что-то странное... что неуловимое.

— Миссис Гудбоди... — сказал Фортнум сам себе и примолк.

— Миссис Гудбоди?

— Сегодня утром она толковала мне насчет летающих тарелок.

— Нет, — Уиллис нервно пососал сустав пальца. — Нет, нет, это не тарелки. По крайней мере, мне так кажется. Скажи, что такое интуиция?

— Осознание того, что долгое время лежало в подсознании. Только не принимай всерьез доморощенного психолога. — Он снова засмеялся.

— Хорошо, хорошо! — Уиллис оживился. — Именно так! Например, что-то собирается долгое время, правда? Ты сплевываешь, не задумываясь, как у тебя собирается слюна. У тебя, скажем, грязные руки, но ты не знаешь, как они запачились. Ежедневно на тебя садится пыль, но ты этого не чувствуешь. И только когда пыли соберется много, ты ее замечаешь. Так я понимаю интуицию. Итак, что же за пыль осела мне на мозг? Несколько метеоров на ночном небе? Странная погода перед рассветом? Не знаю. Какие-то странные цвета, запахи, звуки, что раздаются по дому в три часа ночи? Гусиная кожа на руках? Не знаю, но чувствую, что пыль накопилась. Как-то вдруг.

— Да, — обеспокоенно сказал Фортнум. — Ну и что?

Уиллис посмотрел на свои руки, лежащие на коленях.

— Я боюсь. Временами страх проходит. Потом боюсь снова, в самый разгар дня. Я был у врача, и мне сказали, что я здоров, как бык. Никаких семейных неурядиц. Джо — отличный парень, хороший сын. Дороти? Она необыкновенная женщина. С ней я не боюсь состариться и умереть.

— Счастливчик.

— Но сейчас речь не об этом. Я панически боюсь за себя, за свою семью, а в эту минуту — и за тебя.

— За меня? — повторил Фортнум. Они как раз остановились на пустой площадке перед супермаркетом. Воцарилась глухая тишина. Фортнум повернулся и посмотрел на друга.

— Я боюсь за всех, — сказал Уиллис. — За твоих друзей, моих, их друзей и так далее. Идиотизм, а? — Уиллис открыл дверь, вылез и уставился на Фортнума. Фортнум почувствовал, что должен что-то сказать.

— Ну, ладно, и что же нам делать?

Уиллис глянул на ослепительно яркое солнце, пылавшее на огромном небе.

— Держи глаза и уши открытыми, — медленно сказал он. — В течение нескольких дней присматривайся ко всему вокруг.

— Ко всему?

— Мы часто не пользуемся даже половиной того, что дал нам Бог. Мы должны слышать больше, иметь более чувствительные осязание, обоняние и вкус. Может, есть что-то необычное в том, как ветер гонит листья по этой площадке. Может, в блеске солнца на телефонных проводах или в песне цикад среди вязов. Если бы мы только могли посмотреть и послушать несколько дней, несколько ночей и сравнить потом наши наблюдения. А потом можешь велеть мне заткнуться, и я заткнусь.

— Это звучит разумно, — ответил Фортнум, легким тоном скрывая свое беспокойство. — Я понаблюдаю. Но как я узнаю, что это именно то, о чем ты говоришь, даже если что-нибудь увижу?

Уиллис внимательно смотрел на него.

— Ты узнаешь. Узнаешь наверняка. Иначе нам конец, всем нам, — закончил он спокойно. Фортнум захлопнул дверцу, не зная, что ответить. Он почувствовал, как щеки его заливают румянец. Уиллис тоже заметил это.

— Гай, ты считаешь, что я... что я спятил?

— Вздор, — сказал Фортнум слишком быстро. — Ты только взволнован, и это все. Тебе нужно взять пару недель отпуска.

Уиллис кивнул головой.

— Встретимся в понедельник вечером?

— Когда хочешь. Заходи.

— Надеюсь, что найду, Гай. На самом деле надеюсь. — И он ушел. Глядя, как он уходит, Гай почувствовал, что ему не хочется шевелиться. Он заметил, что необыкновенно медленно вытягивает воздух, наслаждаясь тишиной. Он облизал губы, чувствуя их соленость, и взглянул на свою руку, высунутую в окно машины, на позолоченные солнцем волоски на ней. По пустой площади гулял ветер. Фортнум высунулся в окно, чтобы посмотреть на солнце, и оно ответило ему могучим, ошеломляющим взглядом, и его ослепительная сила заставила Гая убрать голову. Он вздохнул, потом громко рассмеялся и тронул машину.

Холодный и запотевший стакан с лимонадом. Лед мелодично позванивал в стакане, и лимонад был не слишком теплый и не слишком сладкий. Он потягивал и смаковал его с закрытыми глазами, откинувшись назад в кресле на колесиках, что стояло на тенистой веранде. В траве трещали кузнечики. Цинтия что-то вязала, время от времени с интересом поглядывая на него. Он чувствовал взгляды.

— О чем ты думаешь? — не выдержала она наконец.

— Цинтия, — спросил он, — твоя интуиция в порядке? Угрожает ли нам землетрясение? Может, приближается потоп или в воздухе висит война? А может...

— Подожди, я должна прислушаться к себе.

Он открыл глаза и смотрел, как Цинтия опускает веки и сидит неподвижно, как статуя, положив ладони на колени. Наконец она покачала головой и улыбнулась.

— Нет. Не будет войны. Никакого потопа, даже никакой эпидемии. А что?

— Я встретил сегодня множество пророков гибели. Ну, скажем, двух и...

Ажурные двери веранды вдруг отворились. Фортнум подскочил, как ужаленный.

— Что случилось?!

Том вошел на веранду с поддоном в руках.

— Прошу прощения, — сказал он, — в чем дело, папа?

— Ни в чем.

Фортнум поднялся, довольный, что может сменить тему.

— Это твой урожай?

Том торопливо подошел.

— Только часть. Видит Бог, они растут, как на дрожжах. Семь часов, побольше воды и смотрите, какие они большие. — Он поставил корзину на стол между родителями. Урожай действительно был богатый. Сотни маленьких серо-коричневых грибов торчали из влажной земли.

— Чтоб меня... — сказал Фортнум напряженно. Цинтия вытянула руку, чтобы коснуться грибов, но вдруг отдернула ее, сама не зная, почему.

— Я не хотела бы тебя обидеть, но... это точно хорошие грибы?

Том был оскорблен в лучших чувствах.

— А ты думаешь, что я буду кормить вас ядовитыми грибами?

— Вот именно, — сказала Цинтия. — А как их различить?

— Попробовать, — сказал Том. — Если не умрешь, значит, хорошие. Ну, а если падешь трупом... что ж... — Он засмеялся, и это развеселило Фортнума, но мать только скривилась. Она снова села в кресло.

— Я... мне они не нравятся,— сказала она.

— Люди дорогие,— Том со злостью схватил корзину.— Неужели все и всегда в этом доме должно кончаться неудачей?

Он пошел прочь.

— Том...— начал Фортнум.

— А, ладно! — сказал Том.— Все считают, что если молодой человек за что-то берется, то все это плохо кончится. Да пусть все идет к черту!

Фортнум вошел в квартиру в тот момент, когда Том швырнул поддон с грибами в подвал. Потом он хлопнул дверью и выбежал через задний ход. Фортнум вернулся к жене: та избегала смотреть на него.

— Прости меня,— сказала она.— Сама не знаю, что со мной случилось. Я просто должна была сказать это Тому.

Зазвонил телефон. Фортнум вынес аппарат на веранду.

— Гай? — Это был голос Дороти Уиллис.— Гай... Роджер у вас?

— Роджер? Нет.

— Он пропал! Из шкафа исчезли все его костюмы! — Она начала тихонько плакать.

— Держись, Дороти, сейчас я буду у тебя.

— Ты должен мне помочь, должен! Я уверена, с ним что-то случилось. Мы никогда больше не увидим его живым,— всхлипывала она.

Он медленно положил трубку, в которой еще слышались рыдания. Ночные цикады оглушительно трещали. Он чувствовал, как волосы у него на голове поднимаются дыбом. Этого не могло быть, но все же они медленно, один за другим, вставали дыбом.

Проволочные плечики действительно были пусты. Он со звоном сдвинул их в сторону, потом повернулся и выглянул из гардероба на Дороти Уиллис и ее сына Джо.

— Я шел мимо,— сказал Джо,— и увидел, что в гардеробе нет папиных костюмов.

— Все было очень хорошо,— сказала Дороти.— У нас была чудесная жизнь. Я ничего не понимаю, ничего! — Она снова заплакала, пряча лицо в ладонях. Фортнум вышел в холл.

— Вы не слышали, как он выходил из дома?

— Мы играли во дворе в футбол,— сказал Джо.— Папа сказал, что должен на минутку зайти в дом. Я зашел сзади и увидел, что он исчез!

— Он должен был быстро уложить и уйти пешком, иначе мы бы слышали такси, подъезжающее к дому.

Они шли по коридору к выходу.

— Я проверю на вокзале и в аэропорту,— Фортнум заколебался.— Дороти, может, в прошлом Роджера есть что-то...

— Наверняка, не психическая болезнь...— Она помолчала.— Мне кажется, его похитили.

Фортнум покачал головой.

— Не похоже. Выходит, что он собрался, вышел из дома и направился на встречу со своими похитителями?

Дороти толкнула дверь, будто хотела впустить в холл ночной воздух.

— Нет. Они, наверное, как-то вошли в дом и выкрали Роджера у нас из-под носа.— Потом добавила:— Мне страшно.

Фортнум вышел в ночь, полную звона цикад и шума деревьев. «Пророки гибели,— думал он,— провозглашают свои предсказания. Миссис Гудбоди. Роджер. А теперь Дороти. Произошло что-то действительно страшное. Но что, ради всего святого? И как?» Он перевел взгляд на Дороти, потом на ее сына. Джо моргал, стараясь сдержать слезы, потом отвернулся,— и это длилось целые века,— потащился по коридору и основился у двери в подвал. Фортнум чувствовал, как дрожат его веки, а зрачки расширяются, как будто он фотографировал все это. Джо широко открыл дверь и нырнул в подвал. Двери закрылись. Фортнум открыл рот, хотел сказать что-то, но Дороти взяла его за руку, и он обернулся к ней.

— Ради Бога,— сказала она,— найди Роджера.

Он поцеловал ее в щеку.

— Если это возможно...

Боже, почему он выбрал именно эти слова? Он повернулся и ушел в летнюю ночь.

Вдох, выдох, вдох, выдох, астматический вдох, влажный чих. Кто-то умирает среди ночи? Нет. Это работает миссис Гудбоди, невидимая за изгородью. Насос нацелен, костлявые локти ходят, как поршни. Тошнотворный запах инсектицида густым облаком окутал Фортнума.

— Миссис Гудбоди, вы еще не закончили?

Из-за чернеющей изгороди донесся ее голос:

— Чтoб вас черти взяли! Мошки, водяные клопы, жуки, а теперь *Marasmius oreadis*. Боже, как они растут!

— Что растет?

— Я же говорю, *Marasmius oreadis*! Или я, или они, но думаю, что я их одолею. Вот вам! Вот вам! Вот!

Он пошел прочь от изгороди, от удушающего нососа и резкого голоса. Жена ждала его на веранде. Фортнум уже хотел что-то сказать, когда в комнате шевельнулась какая-то тень. Пос-

лышался скрип, повернулась дверная ручка. Том исчез в подвале. Фортнум почувствовал, будто что-то ударило его в лицо. Он зашатался. Все было ошеломляюще знакомо, как в снах наяву, где знаешь все наперед, где слышишь слова, прежде чем их произнесут.

До него вдруг дошло, что он стоит и пялится на дверь, что вела в подвал. Цинтия увлекла его в комнату.

— Что? Том? О, я уступила. Эти проклятые грибы так важны для него. Кроме того, им на пользу пошло, что он высыпал их в подвал: теперь они растут прямо на земле.

— Пошло на пользу? — услышал Гай свой голос.

Цинтия схватила его за плечо.

— Что с Роджером?

— Он ушел.

— Ох, уж эти мужчины!

— Нет, тут другое, — ответил он. — Последние девять лет я видел Роджера ежедневно. Когда знаком с человеком так хорошо, знаешь, как у него дела дома: мир или кипящий котел. Его еще не окутал запах смерти. И он не бросился в безумную погоню за своей молодостью. Нет, нет, я готов присягнуть, готов спорить на последний доллар, что Роджер...

Зазвенел дверной звонок. Почтальон молча вошел на веранду и остановился с телеграммой в руке.

— Мистер Фортнум?

Пока он открывал конверт и развертывал телеграмму, Цинтия зажгла свет.

«Я еду в Новый Орлеан. Освободился на минуту. Не принимайте, повторяю, не принимайте никаких посылок!

Роджер»

Цинтия подняла взгляд от бумаги.

— Что он имел в виду? Я ничего не понимаю.

Но Фортнум уже был у телефона и поспешно набирал номер.

— Станция? Полицию, срочно!

В 10.15 телефон зазвонил в шестой раз за вечер. Фортнум схватил трубку.

— Роджер! Где ты?

— Где я? — беззаботно ответил Роджер. — Ты отлично знаешь, где я. Это твоих рук дело. Мне надо было обидеться.

Цинтия по знаку Фортнума подбежала к отводному телефону на кухне.

— Роджер, клянусь, что ничего не знаю. Я получил от тебя эту телеграмму...

— Какую телеграмму? — спросил Роджер. — Я не посылал никакой телеграммы. Полиция ворвалась в наш поезд и вытянула меня на каком-то полустанке. Я потому и звоню тебе, чтобы ты освободил меня от них. Гай, если это какая-то шутка...

— Но, Роджер, ты же исчез из дому!..

— Я уехал по делам. Если ты называешь это исчезновением... Я сказал об этом Дороти и Джо.

— С ума сойти, Роджер. Тебе ничего не грозит? Тебя никто не шантажирует? Никто не заставляет так говорить?

— Я превосходно себя чувствую, здоров, свободен и ничего не боюсь.

— Но, Роджер, а как же твои предчувствия?

— Вздор! Как видишь, со мною все в порядке.

— Но, Роджер!

— Слушай, будь так добр, оставь меня в покое. Позвони Дороти и скажи ей, что я буду дома через пять дней. Как она могла забыть?..

— Забыла, Роджер. Так что, увидимся через пять дней?

— Через пять, клянусь.

Голос Роджера звучал убедительно и сердечно. Фортнум помотал головой.

— Роджер, — сказал он, — это самый безумный день в моей жизни. Значит, ты не сбежал от Дороти? Ради бога, мне-то ты можешь сказать.

— Я люблю ее всем сердцем. Гай, с тобой хочет поговорить лейтенант Паркер из полиции в Риджтауне. До свидания, Гай.

— До...

Но лейтенант уже взял трубку и говорил, не стесняясь с выражениях. Чего, спрашивается, Фортнум хотел добиться, впутывая полицию в это дело? За кого он их принимает? Чего он хочет? Чтобы этот, так называемый друг, был задержан, или его можно выпустить?

— Выпустить, — сумел вставить Фортнум в этот поток слов. Он положил трубку и ему показалось, что он слышит голос, призывающий всех садиться, и могучий рев поезда, покидающего станцию в двухстах милях к югу. В комнату вошла Цинтия.

— Я так глупо себя чувствую, — сказала она.

— А что, по-твоему, чувствую я?

— Кто же мог послать эту телеграмму? И зачем?

Он налил себе виски и долго стоял посреди комнаты, разглядывая стакан.

— Я рада, что с Роджером все в порядке.

— Вовсе нет, — сказал Фортнум.

— Но ты же только что говорил...

— Я ничего не говорил! Он послал эту телеграмму, а потом изменил свое мнение. Но почему? Почему? — Фортнум потягивал виски, меряя комнату шагами. — Что значит это его предостережение насчет посылок? Единственную посылку, которая пришла к нам в этом году, получил Том... — голос его замер. Прежде чем он успел сделать хоть шаг, Цинтия уже была у корзинки и доставала смятую бумагу упаковки, обклеенную марками. Почтовый штемпель извещал: «Новый Орлеан. Луизиана». Цинтия взглянула на мужа.

— Новый Орлеан. Не туда ли поехал Роджер?

В мозгу Фортнума открылась и захлопнулась дверь. Скрипнула другая ручка, открылась и закрылась другая дверь. Пахло влажной землей. Он машинально набрал номер Роджера. Наконец отозвалась Дороти Уиллис. Он отлично представлял ее: сидит одна в доме, и везде зажжен свет. Он произнес несколько ничего не значащих слов, потом откашлялся и сказал:

— Послушай, Дороти. Я знаю, что это звучит глупо, но ответь мне: в последние дни вам приносили какую-нибудь посылку?

Ее голос был еле слышен:

— Нет. — Однако потом она добавила: — Нет, погоди; три дня назад пришла бандероль. Но я думала, ты знаешь. Все мальчишки с нашей улицы просто помешались на этом.

Фортнум старательно подбирая слова:

— На чем?

— А разве ты не знаешь? — спросила она. — Разве есть что-нибудь плохое в разведении грибов?

Фортнум закрыл глаза.

— Гай? Ты слушаешь? — спросила Дороти. — Я сказала: нет ничего плохого в разведении...

— ...грибов, — отозвался Фортнум. — Да. Нет ничего плохого в разведении... — И медленно повесил трубку.

Занавески развевались, как вуаль, сотканная из лунного света. Тикали часы. Глубокая ночь вплыла в комнату и заполнила ее собой. В ушах у него звучал голос миссис Гудбоди, слышанный утром. Он снова слышал полицейского, ругающего его по телефону с другого конца света. Потом — снова голос Роджера, заглушаемый стуком колес, уносящих его все дальше и дальше. И опять голос миссис Гудбоди из-за изгороди: «Боже, как они растут!» — «Что растет?»

Он вдруг открыл глаза и сел.

Через минуту он был уже внизу и листал энциклопедию. Указательный палец остановился на словах: «*Marasmius oreadis*» — гриб, обычно растущий на газонах летом и ранней осенью». Книга закрылась.

Он вышел во двор и закурил сигарету среди глубокой летней ночи и затаился в молчании. По небу пролетел и быстро погас метеор. Деревья тихо шелестели. Хлопнула входная дверь. Цинтия подошла к мужу.

— Не можешь уснуть?

— Очень уж жарко.

— Вовсе не жарко...

— В самом деле,— сказал он, касаясь своих рук.— Правду сказать, даже холодно.

Он дважды затаился сигаретой, потом, не глядя на жену, сказал:

— Цинтия... А что если?..— Он замолчал.— А что, если Роджер был прав сегодня утром? И миссис Гудбоди? Что, если происходит что-то страшное. Может, это...— он указал на звездное небо,— может, это вторжение существ из иных миров?

— Гай!

— Нет уж, позволь мне пофантазировать.

— Конечно, нет никакого вторжения, мы бы заметили.

— Скажем, мы заметили бы это только частично, и это выразилось бы неясным беспокойством. Как ты думаешь? Возможно ли нас покорить? И каким образом?

Цинтия взглянула на небо и уже хотела ответить, но он ее перебил:

— Нет, никакие не метеоры и не летающие тарелки. Ничего из того, что мы могли бы заметить. А как насчет бактерий?.. Они ведь тоже прибывают к нам из космического пространства, правда?

— Да, я когда-то читала...

— Миллиарды зародышей, семян, спор и вирусов бомбардируют нашу атмосферу миллионы лет подряд. В эту минуту все мы стоим под невидимым дождем, он падает на нашу страну, на города и... на наш газон.

— На наш газон?

— Да. И на газон миссис Гудбоди. Но люди ее типа всегда что-то выпалывают, распыляют яды, вырывают мухоморы. Чужим формам жизни трудно выжить в городах. Климат тоже имеет значение. Лучше всего на юге: в Алабаме, Джорджии, Луизиане. Гди-нибудь на болотах они могли бы вырасти до крупных размеров.

Цинтия рассмеялась.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что этой Большой Фермой или как там ее, ну, которая прислала Тому посылку, руководят грибы с другой планеты ростом по метр восемьдесят?

— Действительно, это звучит забавно,— признал он.

— Забавно? Да это просто смешно! — и она снова расхохоталась, откинув голову.

— О боже! — воскликнул вдруг он. — Происходит что-то странное! Миссис Гудбоди выкапывает и уничтожает. А что такое *Marasmius oreadis*? Род гриба. Одновременно, по странному стечению обстоятельств, в тот же день приходит посылка Тому! Опять грибы! Мало того, Роджер боится, что может исчезнуть. Через несколько часов он действительно исчезает, после чего телеграфирует, предостерегая нас. От чего? От посылки с грибами для Тома! А сын Роджера на днях тоже получил такую же посылку. Откуда приходят посылки? Из Нового Орлеана! А куда отправляется Роджер после исчезновения? В Новый Орлеан! Видишь, Цинтия? Я не имел бы ничего против того, чтобы все это не было связано между собой. Роджер, Том, Джо, грибы, миссис Гудбоди, — посылки — одно к одному!

Цинтия посмотрела ему в лицо, спокойная, но по-прежнему веселая.

— Не злись.

— Я не злюсь! — Фортнум почти кричал. И вдруг он просто не смог говорить дальше. Он смотрел на дома соседей, в одну и другую сторону улицы, и думал о мрачных подвалах и о соседских мальчишках, которые читают «Попьюлар Механикс» и все как один посылают деньги, чтобы заняться разведением грибов. Так, как он в их возрасте заказывал по почте химикалии, семена, черепахи, различные бальзамы и мази. Во скольких миллионах американских домов растут в эту ночь миллиарды грибов, посеянных наивными мальчишками?

— Гай... — жена коснулась его руки. — Грибы, даже огромные, не могут мыслить. Они не могут двигаться. У них нет ни рук, ни ног. Как они могут посылать бандероли, а тем более, захватить власть над миром? Идем, посмотрим на твоих чудовищ. — Она потянула его к двери в подвал, но Фортнум тряс головой и сопротивлялся.

— Нет, нет, я знаю, что мы там найдем. Ты права, это идиотизм. Роджер вернется на будущей неделе, и мы все вместе напьемся. Иди-ка наверх, в постель, а я выпью стакан теплого молока и приду через минуту... ну, через две...

— Вот и ладно. — Она обняла его, поцеловала в обе щеки и пошла по лестнице в спальню. В кухне он взял стакан, открыл холодильник, начал наливать молоко и вдруг замер. На нижней полке стояла небольшая желтая миска. Но не она привлекла его внимание, а ее содержимое: свежесобранные грибы.

Прошло полминуты, прежде чем Фортнум протянул руку, взял миску, понюхал, коснулся грибов, потом вышел с миской в коридор. Ему было слышно, как наверху Цинтия ходит по спаль-

не, и он уже хотел крикнуть: «Цинтия, это ты поставила в холодильник?», но раздумал. Он уже знал ответ. Не она. Он поставил миску с грибами у подножия лестницы и стоял, вглядываясь в них. Он представлял, как позднее, уже лежа в кровати, при открытых окнах разглядывает стены и рисунки на потолке, созданные светом месяца. В ушах у него звучал собственный голос: «Цинтия?», и ее: «Слушаю?». А потом ему показалось, что он объясняет ей, будто у грибов могут быть руки и ноги... «Что?— сказала бы она.— Глупости». А он набрался бы храбрости и, игнорируя ее насмешку, говорил бы дальше: «Что случилось бы, если бы проходя через те болота, какой-нибудь человек насобирав этих грибов и съел их?...». Цинтия не отвечает.

«А в человеке грибы распространяются через кровь, захватывают каждую клетку тела и превращают человека в... марсианина... Приняв такое предположение, мы видим, что грибам вовсе не нужны свои руки и ноги, коль скоро они могли бы жить в людях и постепенно становиться ими. Роджер поел грибов, что вырастил его сын, и стал «чем-то другим». Он похитил сам себя. И с последним проблеском сознания послал нам телеграмму, предостерегающую от посылки с грибами. Нечто по имени Роджер, что звонило нам позднее, было уже не им, а только невольником, пленником того, что Роджер съел. Разве это не логично, Цинтия? Скажи». «Нет,— ответила воображаемая Цинтия,— вовсе не логично, нет!»

Снизу донесся едва слышный шепот, шелест, какое-то движение. Отвернувшись от миски, Фортнум подошел к двери подвала и приложил к ней ухо.

— Том?

Тишина.

— Том, ты там, внизу?

Тишина.

После долгого ожидания он услышал голос Тома:

— Да, папа!

— Уже полночь,— сказал Фортнум, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать.— Что ты делаешь там, внизу?

Тишина.

— Я спрашиваю...

— Смотрю за своей фермой,— ответил наконец мальчик холодным и слабым голосом.

— Вылезай оттуда! Ты слышишь меня?

Тишина.

— Том? Послушай. Это ты положил грибы в холодильник? Если да, то зачем?

Прошло по крайней мере десять секунд, прежде чем мальчик ответил:

— Чтобы вы с мамой съели их, конечно.

Фортнум слышал, как стучит его сердце, он трижды глубоко вздохнул, прежде чем заговорить снова.

— Том? Ты не... я хотел сказать... ты сам случайно не съел немного этих грибов?

— Не понимаю, зачем ты спрашиваешь,— ответил Том.— Да, я их ел. Сегодня вечером. А что?

Фортнум сжал ручку двери. Теперь молчал он, чувствуя, как подгибаются его колени. Он еще пробовал бороться со всем этим бессмысленным вздором.

— Папа? — мягко позвал Том из подвала.— Иди ко мне.— Снова тишина.— Я хочу показать тебе урожай.

Фортнум чувствовал, как ручка выскальзывает из его вспотевшей ладони. Наконец она повернулась.

— Папа? — так же мягко повторил Том.

Фортнум открыл дверь. Подвал тонул в темноте. Он поднял руку, ощупывая стену в поисках выключателя, и тут до него донесся голос Тома:

— Не надо. Свет вреден грибам.

Фортнум убрал руку с выключателя. Проглотил слюну, оглянулся на лестницу. «Пожалуй,— подумал он,— нужно пойти попрощаться с Цинтией. Но откуда эта мысль? Откуда вообще эти мысли? Ведь нет ни малейшего повода...»

— Том,— сказал он, стараясь голосом не выдать тревоги.— Может, я еще не готов, но я иду!

И, спускаясь в темноту, плотно закрыл за собой дверь.

ПОДАРОК

В космопорт они приехали за день до рождества, и с самого начала родителей не покидала тревога. Для мальчика это был первый в жизни космический полет; никогда раньше он не бывал в ракете. Отцу с матерью очень хотелось, чтобы все прошло хорошо. И вот теперь им пришлось оставить на Земле, по ту сторону таможенного барьера, и рождественский подарок и маленькую елочку с чудесными белыми свечами — они на несколько унций превышали весовой лимит. Им казалось, что у них отобрали праздник, отняли любовь.

Мальчик сидел в зале ожидания. Родители, вконец измотанные безуспешным сражением с чиновниками Межпланетного Ведомства, подошли к нему и незаметно переглянулись.

- Что будем делать?
- Ничего. Что мы можем?
- Глупые правила!
- А он так ждет елку!

Взвыла сирена, и люди толпой ринулись в Марсианскую ракету. Отец и мать вошли последними, мальчик — между ними. Все молчали.

- Я что-нибудь придумаю, — сказал отец.
- Ты о чем, па? — спросил мальчик.

Но тут ударили двигатели, и ракету вынесло в черное пространство.

Ракета неслась, изрыгая огонь, оставляя позади Землю, где все еще было 24 декабря 2052 года; она летела туда, где нет времени: ни месяцев, ни лет, ни часов.

Весь первый «день» они проспали.

Незадолго до полуночи, судя по часам, которые все еще показывали нью-йоркское время, мальчик проснулся и сказал:

— Я хочу посмотреть в иллюминатор.

У ракеты был только один иллюминатор — «окно» из удивительно толстого стекла на верхней палубе.

— Не сейчас,— сказал отец.— Немного погодя мы вместе сходим к «окну».

— Но мне интересно где мы и куда летим.

— Подожди самую малость, прошу тебя.

Проснувшись, он минут пять ворочался с боку на бок и все думал об оставшемся на Земле подарке и о елке с белыми свечами. Наконец он поднялся. Кажется, он придумал! Осталось сделать это, и тогда путешествие будет по-настоящему веселым и радостным.

— Сынок,— сказал он,— ровно через полчаса будет Рождество.

— Ох,— испуганно вздохнула мать. Она надеялась, что мальчик забудет о празднике.

Мальчик вспыхнул, губы его задрожали.

— Я знаю, я знаю. Я получу рождественский подарок, да? И елочку? Ты обещал...

— Да-да, все это и даже больше,— сказал отец.

— Но...— начала было мать.

— Я придумал. Честное слово, придумал. Все это и еще больше, много больше. А теперь, прости, я должен отлучиться.

Его не было минут двадцать. Вернулся он, улыбаясь во весь рот.

— Рождество уже близко.

— Можно мне поддержать твои часы? — попросил мальчик, и отец отдал ему часы. Сын бережно взял их и молча смотрел, как в его руках утекают минуты, возбужденный и зачарованный.

— Рождество! Наступило Рождество! А где мой подарок?

— Идем,— отец обнял мальчика за плечи и повел из комнаты вниз по коридору, вверх по пандусу. Женщина шла следом.

— Сейчас поймешь. Мы уже пришли,— ответил отец.

Они остановились перед большой закрытой дверью. Отец постучал условным стуком — три раза, потом еще два — и дверь открылась. В кабине было темно, слышались приглушенные голоса.

— Входи, сынок,— сказал отец.

— Там темно.

— Я буду держать тебя за руку. Идем, мама.

Они ступили через порог, и дверь закрылась за ними, отсекая свет из коридора. Перед ними неясно вырисовывался огромный стеклянный глаз, иллюминатор, «окно», сквозь которое смотрели в космос. Четыре фута в высоту и шесть — в ширину.

Мальчик смотрел.

Отец и мать тоже смотрели в «окно», и вот в темной кабине зазвучала песня.

— Веселого Рождества, сынок, — сказал отец.

Невидимые люди пели старые родные рождественские гимны, и мальчик медленно шел к «окну», пока не уперся лицом в холодное стекло. И стоял так долго-долго, все смотрел и смотрел в космос, где глубокая ночь вспыхивала и вспыхивала десятью миллиардами миллиардов волшебных белых свечей.

Бандероль пришла после полудня. Мистер Эндрю Лимен встряхнул ее и сразу догадался, что там: оно зашуршало, словно большой волосатый тарантул.

Наконец, собравшись с духом, он снял обертку и откинул крышку с белой картонной коробки. Оно лежало на белоснежном парчовом ложе, щетинистое и столь же безличное, как пружины в старом диване. Эндрю Лимен усмехнулся.

— Индейцы пришли и ушли, а это осталось, как напоминание, как угроза. Ну... Давай!

И он натянул на бритую голову блестящий черный парик. Потом притронулся к нему — так прикасаются к шляпе, приветствуя знакомого.

Парик сидел на удивление хорошо, а главное — прикрывал черную круглую вмятину над бровью. Эндрю Лимен внимательно осмотрел незнакомца в зеркале и завопил от радости:

— Эй, ты, там, как тебя зовут? Похоже, я встречал тебя на улице, но теперь ты выглядишь получше. Почему? Потому что этого больше нет, не видно проклятой дыры, никто не догадается, что она была вообще. С Новым годом, дружище, вот что это значит, с Новым годом!

Он ходил и ходил по небольшой своей квартире, улыбался кому-то, с кем-то раскланивался, но все не решался открыть дверь и явить себя миру. Он снова подошел к зеркалу, скосил глаза, рассматривая в профиль человека, который подошел к зеркалу с другой стороны, и все время улыбался, потряхивая новой шевелюрой. Потом, все еще усмехаясь, сел в кресло-качалку, усмехаясь, попытался читать «Еженедельник Дикого Запада» и «Удивительный мир кино», но все никак не мог унять свою правую руку: она то и дело робко вползала по лицу, чтобы потрогать завитки новых волос.

— Разреши-ка угостить тебя, дружище!

Открыв обшарпанную аптечку, он три раза глотнул прямо из бутылки. Глаза увлажнились, и он совсем было собрался

отломить жевательного табаку, но вдруг застыл, прислушиваясь.

Из коридора донесся шелест, словно мышка пробежала по истертому ковру.

— Мисс Фрэмуэлл, — шепнул он зеркалу.

В одно мгновение парик очутился в своей коробке, словно он сам спрятался там, испугавшись. Эндрю Лимен захлопнул крышку, лоб покрылся испариной — и все это от одного звука женских шагов, легкого, как лепет летнего ветерка.

Покраснев, он на цыпочках подошел к заколоченной двери в стене, прижался к ней своей изуродованной головой. Он слушал, как мисс Фрэмуэлл отпирает свою дверь, как притворяет ее за собой, как легко ходит по своей комнате среди колокольчиков китайского фарфора и перезвона ножей в обычной предобеденной круговерти. Потом он отступил от двери — закрытой, захлопнутой, запертой и забитой четырехдюймовыми стальными гвоздями. Ночами Лимен часто вздрагивал в своей постели: ему казалось, что он слышит, как мисс Фрэмуэлл тихо вытягивает один гвоздь за другим, как отодвигается задвижка, скользит вбок язычок замка... Вот это чудилось ему в преддверии сновидений.

С час или около того она шелестела чем-то в своей комнате. И сгустилась тьма. И взошли звезды и воссияли. И он подошел к ее двери, и ему подумалось, что она, наверное, сидит на крыльце или гуляет в парке. Там она могла бы распознать его третий глаз, слепой и всегда открытый, только на ощупь, пробежав пальцами по его лицу, словно по азбуке Брайля. Но маленькие белые пальцы никогда не протянутся к этому шраму через тысячи миль. Он ей так же безразличен, как оспины на лунном диске. Эндрю Лимен споткнулся о корешок «Удивительных научных рассказов». Фыркнул. Возможно, если она вообще когда-нибудь подумает об этой ране, ей представится, будто давным-давно прилетел метеор, ударил его, и исчез там, где нет ни кустика, ни деревьев, есть только необъятное пространство, прозрачное на миллионы миль. Ведь читала же и она что-нибудь в этом роде. Он снова фыркнул, помотал головой. Может быть, может быть. Как бы то ни было, он никогда не посмеет показаться ей при свете солнца.

Он подождал еще час, время от времени сплевывая табачную жвачку в душную летнюю тьму.

Половина девятого. Пора.

Эндрю Лимен открыл дверь в коридор, на мгновение задержался на пороге, глядя на коробку, где лежал чудесный новый парик. Нет, не стоит прикрываться.

Он подошел к ее двери, такой тонкой, что, казалось, будто из-за нее доносится биение сердца мисс Наоми Фрэмуэлл.

— Мисс Фрэммуэлл, — вздохнул он.

Ему захотелось взять ее в ладони, словно маленькую беленькую птичку, и тихо говорить с ее молчанием. Смахивая со лба внезапно выступившую испарину, он задел свою рану и на один краткий миг испугался, что весь провалится в нее — с криком, вниз! Он приложил ладонь ко лбу, заслоняя эту пропасть. Все сильнее и сильнее прижимал он ладонь, пока ему не начало казаться, что отнять ее уже невозможно. Вдруг все переменилось. Теперь он уже боялся убрать ладонь со лба, боялся, что из этой дыры хлынет что-то ужасное, что-то тайное, и он утонет.

Другой рукой он прикоснулся к двери — пыль, и та оседает громче.

— Мисс Фрэммуэлл...

Еще ему казалось, что из-под двери бьет слишком сильный свет, что этот свет отшвырнет его, едва откроется дверь, отбросит со лба руку, откроет рану. Сможет ли она, словно через замочную скважину, уловить его мысли?

Из-под двери еле пробивался тусклый луч.

Эндрю Лимен сжал кулак и заставил его тихо постучать в дверь мисс Фрэммуэлл.

Дверь медленно распахнулась.

Позже, когда они сидели на крыльце, Эндрю Лимен нервно потел и едва унимая лихорадочную дрожь, искал нужные слова. Он хотел предложить ей руку и сердце. Луна была уже высоко, и шрам его выглядел так, словно на лоб упала тень от какого-то листка. Он мог бы не показывать его вовсе, повернуться к ней профилем, словно аверсом медали. Но сделай он так, казалось ему, и половина из множества слов окажется несказанной, да и сам он ощутит себя лишь половинкой человека.

— Мисс Фрэммуэлл... — выдавил он наконец.

— Да? — Она смотрела на него, словно видела впервые.

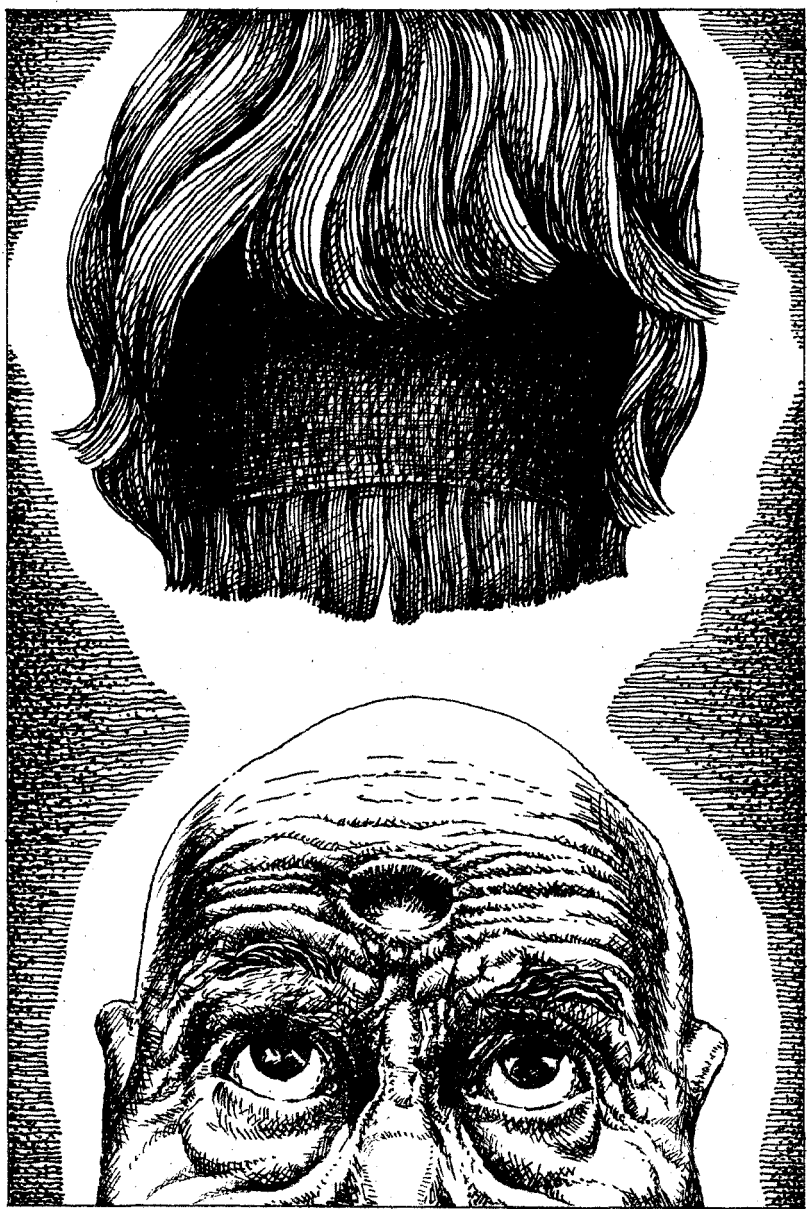
— Мисс Наоми, я не уверен, что вы обращаете на меня внимание.

Она ждала. Он заставил себя продолжать.

— Вы мне нравитесь. Я совершенно уверен в этом. Буду говорить прямо, без долгих предисловий. Мы часто сидели вместе на этих ступеньках. Кажется, мы достаточно узнали друг друга. Конечно, вы на добрых пятнадцать лет моложе меня, но что нам мешает связать наши судьбы? Что вы думаете об этом?

— Большое спасибо, мистер Лимен, — быстро сказала мисс Фрэммуэлл. Она была очень деликатна. — Но...

— О, я знаю, — сказал он, подавшись вперед. — Я знаю! Все дело в моей голове, в этом проклятом шраме на лбу!

— О, нет, мистер Лимен, я даже не подумала о нем, я вообще никогда о нем не думаю. То есть я бы не прочь узнать что-нибудь об этом, но не думаю, что ваше ранение может быть помехой. Одна моя подруга, очень близкая, вышла замуж за человека с протезом ноги. Она говорила, что долгое время даже не знала об этом.

— Все эта проклятая дыра! — с горечью воскликнул мистер Лимен. Он достал плитку жевательного табака, рассмотрел ее, собрался было откусить, но потом раздумал и убрал в карман.

Сжав кулаки, он смотрел на них, словно это были два больших камня.

— Хорошо, я расскажу вам, как это произошло. Расскажу вам все.

— Не стоит, если вы не хотите.

— Я уже был однажды женат, мисс Наоми. Был, черт побери. И в один прекрасный день моя жена просто взяла молоток и ударила меня прямо в лоб.

Мисс Фрэмуэлл порывисто вздохнула, словно в темноте обо что-то ударилась.

Мистер Лимен ткнул кулаком горячий воздух.

— Да, мэм, прицелилась и ударила в лоб молотком. Честное слово, весь мир словно взорвался передо мной. Все обрушилось на меня. Это было так, будто весь дом обвалился в одну кучу, на меня. Маленький молоток похоронил, слышите, похоронил меня! Было ли мне больно? Не знаю, не помню.

Мисс Фрэмуэлл ушла в себя. Она закрыла глаза, думала о чем-то, шевеля губами.

— Она сделала это так спокойно, — недоуменно произнес мистер Лимен. — Просто подошла ко мне, когда я лежал на диване — был вторник, часа два пополудни — и сказала: «Вставай, Эндрю!» А когда я открыл глаза, стукнула меня молотком. О, боже...

— Но зачем? — спросила мисс Фрэмуэлл.

— Просто так, без причины. Она вообще была вспыльчивой.

— Но почему она решилась на такое?

— Я же вам говорю — просто так.

— Она была сумасшедшая?

— Возможно. Да, скорее всего.

— Вы подали на нее в суд?

— Нет. В конце концов, она не ведала, что творит.

— И не ударили ее?

Мистер Лимен прервался, заново переживая — так ясно, так подробно — все, что он тогда почувствовал. Потом попытался передать словами.

— Нет. Я, помнится, встал... да, я встал и спросил: «Что ты делаешь?», а потом, спотыкаясь, пошел мимо нее к зеркалу. Я увидел дыру, очень глубокую, из нее текла кровь. Я выглядел, как индеец в боевой раскраске. А она, моя супруга, просто стояла и смотрела. Потом завизжала от ужаса, швырнула молоток на пол и выскочила из комнаты.

— И вы потеряли сознание?

— Нет, сознания я не потерял. Кое-как выбрался на улицу и пробормотал кому-то, что мне нужен врач. Потом сел в автобус, представляете, сам сел в автобус! И купил билет! И попросил высадить меня у первой же больницы. Все ахнули в один голос, честное слово. А потом навалилась слабость, и очнулся я, когда доктор обрабатывал мою голову, голую, словно наперсток, словно деревянная затычка от бочки...

Он поднял руку к своей отметине, ладонь осторожно заперхала поверх нее, как язык трогает то место, где недавно был зуб.

— Аккуратная работа. Сначала доктор глядел на меня так, будто в любую минуту я могу упасть мертвым.

— И долго вы пролежали в больнице?

— Два дня. Когда я понял, что ни лучше, ни хуже мне уже не будет, я встал и ушел. Но за эти два дня моя жена успела подцепить кого-то и смыться.

— О, боже мой, боже мой,— сказала, переводя дыхание мисс Фрэмзуэлл.— У меня сердце бьется, как птичка в клетке. Словно я сама все это видела, все слышала, все почувствовала, мистер Лимен. Почему, почему, почему она так сделала?

— Я уже говорил, не было никаких причин. Наверное, просто порыв.

— Но должен же быть повод?..

Кровь ударила ему в виски. Он почувствовал, как это место запылало, словно огнедышащий кратер.

— Не было никакого повода. Я просто мирно полеживал на диване, честное слово. Я люблю так лежать, сняв ботинки и расстегнув рубашку.

— У вас... у вас были другие женщины?

— Нет, никогда, ни одной!

— Вы не... пили?

— Рюмочку изредка, как это обычно бывает.

— Может, играли в карты или?..

— Нет, нет, нет!

— Боже мой, мистер Лимен, но ведь за что-то вас ударили! Так уж и ни за что?

— Все вы, женщины, одинаковы. Что бы вы ни увидели, всегда предполагаете самое худшее. Говорю вам, никаких причин не

было. Видимо, ей попался под руку молоток, ну... и она нашла ему применение.

— А что она сказала, прежде чем ударить вас?

— «Вставай, Эндрю», и больше ничего.

— Нет, перед этим.

— Ничего. Ни слова за полчаса или час. А до этого она говорила, что надо бы купить то и это, но я ответил, что меня это не трогает. Меня тянуло полежать, я неважно себя чувствовал. Она не понимала, что мне может нездоровиться. И за этот час она успела свихнуться, схватить молоток и изувечить меня. Можеть быть, на нее подействовала смена погоды?

Мисс Фрэмуэлл задумчиво сидела в переплетении теней. Брови ее поднялись и вновь опали.

— Сколько времени вы были женаты?

— Год. Я точно помню — в июле мы поженились и в июле же я занемог.

— Занемогли?

— Да. Я работал в гараже. Потом подхватил радикулит и уже не мог днями напролет лежать под машиной. А Элли работала в Первом Национальном Банке.

— Понимаю, — сказала мисс Фрэмуэлл.

— Что?

— Ничего, это я так.

— Я спокойный человек. Не люблю много разговаривать. У меня беспечный, легкий характер. Я не транжирю деньги. Пожалуй, я даже бережлив. Даже Элли удивлялась этому. Я никогда не спорю. Бывало, Элли пилит меня и пилит, а мне — как об стенку горох. Я даже не отвечал. Просто сидел и спокойно слушал. Чего ради спорить и ругаться, правда?

Мисс Фрэмуэлл подняла глаза на освещенную луной голову мистера Лимена. Ее губы шевельнулись, но он не услышал ни звука.

Вдруг она выпрямилась, глубоко вздохнула и оглянулась вокруг, словно удивляясь миру, открывающемуся за крыльцом. С улицы донеслись звуки, будто кто-то включил их на полную громкость, до этого они были почти не слышны.

— Вы сами сказали, мистер Лимен, в спорах нет никакого толка.

— Верно! — воскликнул он. — Вот я — всегда спокоен, я же вам говорил...

Но глаза мисс Фрэмуэлл закрылись, губы сложились в странной улыбке. Он увидел это и умолк.

Порыв ночного ветра заставил затрепетать ее легкое летнее платье и рукава его рубашки.

— Уже поздно, — сказала мисс Фрэмуэлл.

- Всего лишь девять часов!
— Мне завтра рано вставать.
— Но вы так и не ответили мне, мисс Фрэмуэлл.
— Что? — она взмахнула ресницами. — Ах, да.

Она поднялась из плетеного кресла. Поискала в темноте дверную ручку.

— Мистер Лимен, я должна подумать.

— Хорошо, — сказал он. — Нет толку спорить, правда ведь?

Дверь закрылась. Слышно было, как она неуверенно идет по душному темному коридору. Он вздохнул и снова почувствовал у себя во лбу третий глаз, тот глаз, что ничего не видел.

Эндрю Лимен почувствовал смутную печаль, стеснение в груди, словно оттого, что слишком много говорил сегодня. Потом он вспомнил о белоснежной коробке, что дожидалась его в комнате, и оживился. Он открыл дверь и по темному коридору устремился к себе. Там он чуть не упал, поскользнувшись на гладкой обложке «Правдивых историй». Взмолвленный, он включил свет, на ощупь откинул крышку и поднял парик с его ложа. Постоял перед зеркалом, вдыхая запах ткани и гуммиарабика, подтягивая, ослабляя и двигая парик, расчесывая его пряди. И вышел в коридор.

— Мисс Наоми? — позвал он, улыбаясь.

И, будто от его слов, светлая полоска под дверью погасла.

Не веря глазам, он наклонился к темной замочной скважине.

— Мисс Наоми, — снова позвал он.

В комнате — ни звука. Только темнота. Минуту спустя он робко тронул дверную ручку. Она звякнула. До него донесся вздох мисс Фрэмуэлл. Она что-то сказала. Потом еще, и опять он не разобрал ни слова. Раздались легкие шаги. Зажегся свет.

— Да? — спросила она из-за двери.

— Взгляните, мисс Наоми, — взмолился он. — Откройте дверь и взгляните.

Задвижка откинулась. Дверь приоткрылась едва на дюйм. Из щели строго глянул большой глаз.

— Посмотрите, — объявил он гордо, приглаживая парик, чтобы он наверняка закрывал вмятину. Ему показалось, что он видит свое отражение в зеркале на ее туалетном столике. — Посмотрите, мисс Фрэмуэлл.

Она приоткрыла дверь пошире и посмотрела. Потом захлопнула и заперла ее. Сквозь тонкую дверную панель донесся ее приглушенный голос.

— Я все равно вижу ваш шрам, мистер Лимен, — сказала она.

МЫШАТА

— Они очень странные, эти маленькие мексиканцы,— сказал я.

— Что ты имеешь в виду? — спросила жена.

— От них не доносится ни звука,— ответил я.— Прислушайся.

Наш дом стоял в ряду таких же строений, чуть в глубине, и часть его мы сдавали внаем. Покупая его, мы с женой отгородили несколько комнат в расчете на квартирантов. Теперь, стоя у стены и прислушиваясь, мы слышали лишь биение собственных сердец.

— Я знаю, они дома,— прошептал я.— Все три года, что они здесь живут, от них не было слышно ни звона посуды, ни разговоров, ни щелчков выключателя. Великий боже, что они там делают?

— Никогда об этом не задумывалась,— ответила жена.— В самом деле, странно.

— Они зажигают всего одну синюю лампочку — в гостиной. Маленькую, тусклую, ватт на двадцать пять. Если, проходя мимо их двери, заглянуть в нее, то виден он — сидит в кресле и не говорит ни слова. Она — сидит в другом кресле, смотрит на него и тоже молчит. И оба не двигаются.

— На первый взгляд даже кажется, что их нет дома,— сказала жена,— так у них темно в гостиной. И только присмотревшись можно различить, что они сидят там.

— Когда-нибудь я ворвусь к ним, зажгу все лампы и заору. Боже правый, если уж я не могу вынести эту тишину, то как они могут? А умеют ли они вообще говорить, а?

— Он здоровается, когда приносит месячную плату.

— А еще?

— Прощается.

Я потряс головой.

— Встречаясь со мной, он только улыбается и бежит дальше. Мы с женой по вечерам читаем, слушаем радио, разговариваем.

— А радио у них есть?

— Нет. Ни радио, ни телевизора, ни телефона. И ни книг, ни журналов, ни газет.

— Поразительно.

— Не волнуйся так.

— Я знаю, что ты, например, не сможешь два или три года кряду просидеть в темной комнате и не разговаривать, не слушать радио, не читать и даже не есть, ведь правда? Из их комнат ни разу не пахло жареным мясом или яичницей. Черт побери, их даже ночью не слышно.

— Наверное, дорогой, они просто мистифицируют нас.

— Если так, им это здорово удастся!

Я вышел прогуляться вокруг квартала. Был чудесный летний вечер. Возвращаясь, я от нечего делать заглянул в их дверь. Там — тьма и тишина, две отяжелевшие фигуры сидели в креслах, и горела маленькая синяя лампочка. Я стоял у двери довольно долго — пока не докурил свою сигарету. И только повернувшись, чтобы уйти, я заметил, что он стоит в прихожей со своим обычным приветливым выражением на лице. Он не двигался. Просто стоял и разглядывал меня.

— Добрый вечер, — сказал я.

Молчание. Потом он повернулся и исчез в темной комнате.

В семь часов утра маленький мексиканец вышел из дому и заспешил по аллее. В его квартире было все так же тихо. Его жена вышла в восемь, неуклюжая в своем темном одеянии. Она ступала осторожно, может быть, потому, что маленькая шляпка едва держалась на ее прическе. Вот так молча и незаметно они все эти годы уходили на работу.

— Где они работают? — спросил я за завтраком.

— Он — кочегар в «Юнайтед Стейтс Стил». Она — портниха в какой-то мастерской.

— Нелегкая работа.

Я отпечатал несколько страниц моего романа, потом еще полторы, но уже медленнее и ленивее. В пять часов я увидел, как мексиканка возвращается с работы: она отперла дверь, проскользнула внутрь, повесила пальто на крючок, задержала занавески и плотно закрыла дверь.

Он пришел в шесть, так же поспешно, как уходил утром. Стоя у своих дверей, он являл воплощение бесконечного терпения. Тихо, словно мышь, поскребся он в дверь, подождал. Наконец она впустила его. Я не заметил, чтобы их губы шевельнулись.

За все время ужина от них не донеслось ни звука, ни запаха жареного, ни звона посуды.

Потом они зажгли маленькую синюю лампочку.

— Вот так же точно он приходит платить,— сказала моя жена.— Стучит так тихо, что я даже едва слышу. Случайно взгляну в окно и вижу, что он, как часовой, стоит у двери. Бог знает, сколько времени он дожидается каждый раз.

Спустя два дня, чудесным июльским вечером, я работал в саду. Внезапно из дома вынырнул маленький мексиканец и сказал, оглядев меня с ног до головы:

— Вы сумасшедший!

Он повернулся к моей жене.

— И вы сумасшедшая!

Потом добавил, живо жестикулируя, но уже тише:

— Вы мне не нравитесь. Столько шума. Вы мне не нравитесь.

Вы — сумасшедшие.

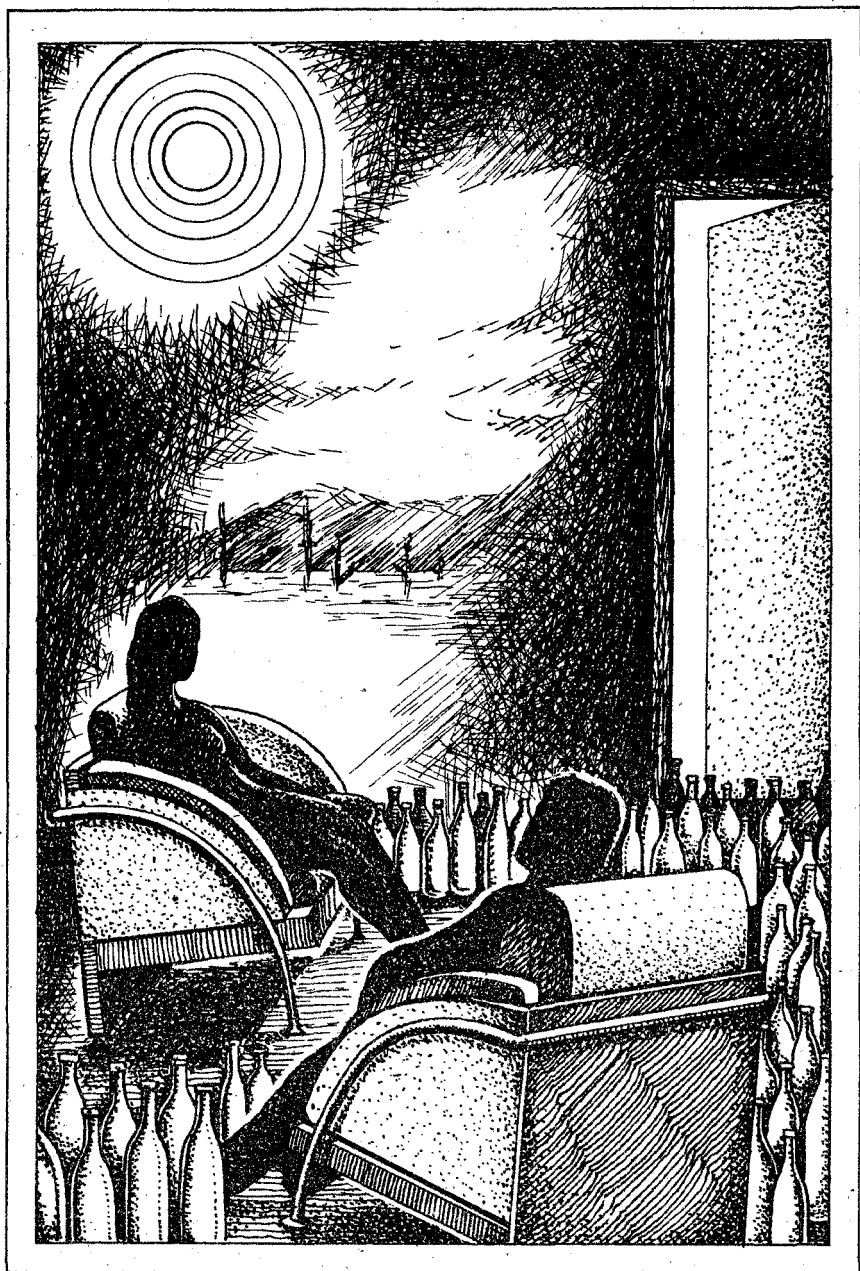
И вернулся в свою квартиру.

Август, сентябрь, октябрь, ноябрь. «Мышата», как мы теперь называли их между собой, тихо жили в своей темной норке. Однажды вместе с распиской моя жена отдала мексиканцу несколько старых журналов. Он принял их вежливо, с улыбкой и поклоном, но не сказал ни слова. Через час она увидела, как он засунул их в дворовый мусоросжигатель и поднес спичку.

На следующий день он внес плату вперед за три месяца, несомненно, только затем, чтобы видеть нас не чаще, чем раз в двенадцать недель. Когда мне случилось встретить его на улице, он быстро перешел на другую сторону, сделав вид, будто вдруг увидел там знакомого. Его жена пробежала мимо меня то рассеянно улыбаясь, то смущенно кивая. Мне ни разу не случилось оказаться к ней ближе, чем на двадцать ярдов. Когда у них в квартире сломался водопровод, они четыре дня не говорили нам об этом. Когда пришел водопроводчик, ему пришлось работать при свете карманного фонарика.

— Черт их побери,— сказал он мне потом.— Что за дыра — ни в одном патроне нет лампочки. Когда я спросил, где у них лампочки, они только улыбнулись.

Ночью я лежал, размышляя о «мышатах». Откуда они взялись? Ну да, из Мексики. А откуда из Мексики? С фермы, из маленькой деревушки на берегу реки? Конечно, не из города, даже не из поселка. Но ведь в любом месте есть звезды, есть смена дня и ночи, восход и заход луны и солнца там, где они провели лучшую часть своей жизни. А теперь они здесь, далеко-далеко от дома, в невозможном большом городе; он весь день потеет в аду кочегарки, она горбит спину и дергает нервы в швейной мастерской. Домой они идут через весь город пешком, избегая

садиться в гремящие трамваи и автобусы, которые на каждом перекрестке кричат, словно красные попугаи. Сквозь миллион криков добираются они до своей гостиной, до своей синей лампы, до своих удобных кресел, своей тишины. Я долго думал об этом. Потом мне почудилось, что стоит протянуть руку в темноту собственной спальни, и я нащупаю саманный кирпич, услышу сверчка и бег реки под луной и чью-то негромкую песню под тихий перебор гитары.

В один из декабрьских вечеров загорелся соседний дом. Пламя рвалось к небу, лавиной рушились кирпичи, искры летели на крышу, под которой жил наш маленький мышонок.

Я постучал в его дверь.

— Пожар! — закричал я. — Пожар!

Они неподвижно сидели под своей синей лампой.

Я забарабанил сильнее.

— Вы слышите? Пожар!

Приехали пожарные машины. На дом обрушились потоки воды. Веером взлетели кирпичи и в четырех местах пробили крышу нашего дома. Я поднялся наверх, погасил затеплившийся было огонь и спустился на землю с перепачканным лицом и исцарапанными руками. Дверь в комнаты мексиканца была открыта. Они с женой стояли в прихожей, оба — каменно неподвижные.

— Впустите меня! — крикнул я. — У вас в крыше дыра, к вам в спальню могут залететь искры.

И ринулся в дверь, оттолкнув их обоих.

— Нет! — буркнул маленький человек.

— Ах!.. — и маленькая женщина заметалась кругами, будто сломанная игрушка.

Я уже был внутри с карманным фонариком в руке. Человек вцепился в мой рукав. Я ощутил его дыхание.

Луч моего фонарика метнулся в комнаты, осветив сотню винных бутылок в холле, еще две сотни — на полках в кухне, еще шесть дюжин — по периметру гостиной, еще больше — на тумбочках в спальне и в туалете. Не знаю, что поразило меня больше — дыра в потолке спальни или бесконечные блики на великом множестве бутылок. Им не было счета. Казалось, здесь побывала гигантская камнедробилка, все разбила, раскидала, ввергла в первозданный хаос, да так и оставила.

Метнувшись в спальню, я почувствовал, что мексиканцы стоят в дверях позади меня. Я слышал их шумное дыхание, почти ощущал их взгляды. Я отвел луч фонарика от сверкающих бутылок и напоследок тщательно обследовал дыру в потолке.

Маленькая женщина тихо заплакала, но никто из них не шевельнулся.

На следующее утро они съехали.

Мы так и не узнали бы об этом, если бы не увидели в шесть утра, как они с легкими, почти пустыми чемоданчиками уходят по аллее, ведущей от нашего дома к улице. Я пытался их остановить. Уговаривал их. «Мы же старые знакомые»,— говорил я. «Ничего не изменилось»,— говорил я. «Вам не придется ничего делать»,— говорил я,— не придется чинить крышу». «Вы здесь ни при чем»,— настаивал я.— Я сам почию крышу, все останется по-прежнему, для вас ничего не изменится». Пока я говорил, они смотрели то на дом, то на дальний конец аллеи, только не на меня. Когда я умолк, они разом кивнули на выход из аллеи, словно говоря, что им пора, и пошли, а потом побежали прочь от меня, к улице, где перепутались грохочущие трассы трамваев, автобусов и автомобилей. Они бежали прямо, гордо подняв головы, и ни разу не обернулись.

Только случайно я снова увидел их. Рождественским вечером я заметил маленького человека — он тихо семенил вдоль по сумеречной улице впереди меня. Повинуясь какому-то капризу, я пошел за ним. Когда он оборачивался, я оборачивался тоже. Наконец, кварталов за пять от нашего, он тихо поскребся в дверь маленького белого домика. На улице совсем стемнело и, проходя мимо, я увидел, как их маленькая комната окуталась синим туманом. Мне даже показалось, конечно же, только показалось, что я различаю внутри два силуэта: он сидит в своем кресле на своем конце комнаты, она — на своем. Сидят, сидят в темноте, и у каждого рядом с креслом стоит початая бутылка, и нет ни звука, ни слова между ними. Только тишина.

Я не подошел к двери, не постучал, пошел себе дальше. Шел по улице и слушал попугаев за витринами кафе. Купил газеты, журнал, альманах. А потом — пошел домой, туда, где зажжены все лампы, а на столе ждет горячий ужин.

ВОРОНЯ СТАЯ

Он вышел из автобуса на площади Вашингтона и вернулся на полквартала, радуясь своему решению. Никого он больше не хотел видеть в этом Нью-Йорке, только Пола и Элен Пирсонов. Их он прибережет напоследок, как противоядие от Нью-Йорка, от множества встреч со множеством людей — сумасбродами, невротиками и просто несчастными. Пирсоны пожмут ему руку, успокоят, оградят от всего мира дружеской лаской и добрыми словами. Вечер будет шумным, долгим, очень счастливым, и он вернется в Огайо с наилучшими воспоминаниями о Нью-Йорке, потому что там, словно в оазисе посреди пустыни неуверенности и паники, живут два чудесных человека.

Элен Пирсон ждала его у лифта.

— Привет, привет! — воскликнула она. — Как я рада вас видеть, Уильямс. Проходите! Пол скоро придет, последнее время он часто задерживается на работе. Сегодня у нас цыплята, надеюсь, вы любите цыплят, я сама их приготовила. Вы любите цыплят, Уильямс? Надеюсь, любите. А как ваши дети, как жена? Садитесь, снимайте куртку, снимайте ваши очки, вам гораздо лучше без этих очков; какой был жаркий день, правда? Хотите выпить?

Он и опомниться не успел, как она, вцепившись в рукав и размахивая свободной рукой, затащила его в комнату. На него пахнуло спиртным.

«Боже мой, — удивился он, — да она навеселе!»

— Мартини, пожалуй, — ответил он. — Но только один. Вы же знаете, я мало пью.

— Ну, конечно, дорогой мой. Пол придет в шесть, сейчас полшестого. Как чудесно, что вы пришли, Уильямс, как чудесно, что вы нашли для нас время. Три года я вас не видела!

— Однако, как же так... — пробормотал он.

— Конечно, меньше, но мне так показалось, Уильямс, — сказала она, слегка смазывая слова и слишком четко жестикулируя.

Ему вдруг показалось, что он ошибся, попал не в тот дом,

или что его принимают за кого-то другого. Может, у нее просто был трудный день, ведь такое с каждым случается.

— Я тоже выпью с вами. Правда, я уже выпила один коктейль, но уже давно, — сказала Элен, и он ей поверил. Должно быть, со времени их последней встречи она начала выпивать, тишком, но методично. Каждый день и день за днем. Пока не... Такое уже случилось с его приятелями. Человек вроде бы трезв, а через минуту после рюмки все коктейли, что были выпиты и всосались в кровь за последние триста дней, бурно, словно старого друга, встречают очередной мартини. Минут десять назад Элен была вполне трезвой, а теперь и глаза затуманились, и слова выходили с трудом.

— Правда-правда, мне именно так показалось, Уильямс. — Она никогда не называла его просто по имени. — Уильямс, как чудесно, что вы надумали навестить нас с Полом. Боже мой, за последние годы вы так много сделали, так преуспели, так прославились. Даже не верится, что вы когда-то писали для Пола и его скучного телешоу.

— Оно вовсе не скучное, а Пол — превосходный режиссер, да и то, что я писал тогда для него, было не так уж плохо.

— Скучное, скучное, и все тут. Вы настоящий писатель, знаменитый, вся эта чепуха теперь не для вас. Скажите, каково чувствовать себя преуспевающим романистом, когда говорят о тебе, и денег куры не клюют? Погодите, вот сейчас придет Пол; он так ждал, когда же вы выберетесь к нам. — Слова Элен текли мимо него. — Вы, молодец, что заскочили к нам, честное слово, молодец.

— Я многим обязан Полу, — сказал Уильямс, оторвавшись от своих дум. — Я начинал в его шоу. Тогда, в пятьдесят первом, мне шел двадцать второй год, и он платил мне десять долларов за страницу.

— Значит, сейчас вам всего лишь тридцать один. Боже мой, вы же совсем молодой петушок! — воскликнула Элен. — А как вы думаете, сколько мне лет? Ну-ка, угадajte.

— Я, право, не знаю... — зардевшись, пробормотал он.

— Ну-ну, давайте, угадывайте.

«Миллион, — вдруг подумалось ему. — Миллион лет. Но с Полом все должно быть в порядке. Сейчас он придет, и окажется, что он все такой же. Но узнает ли он тебя, Элен?»

— Я плохой отгадчик, — ответил Уильямс.

«Твое тело, — подумал он, — сложено из старых кирпичей этого города, у тебя внутри невидимо смешиваются гудрон и асфальт, извесь и потеки селитры; твоё дыхание — ацетилен, глаза твои — истерический синий ток и губы — тоже неон, только огненно-красный; лицо твоё — оштукатуренный камень, и только

местами — на висках, шее, запястьях — сквозят слабые мазки зеленого и голубого, твои вены — словно маленькие скверики на асфальтовых площадях Нью-Йорка. Сейчас в тебе слишком много мрамора, слишком много гранита и почти не осталось неба и травы».

— Ну же, Уильямс!

— Тридцать шесть?

Она взвизгнула, и он испугался, что перехватил.

— Тридцать шесть! — кричала она, хлопая по коленям. — Тридцать шесть! Дорогой мой, но ведь вы, конечно, не всерьез! Боже мой, тридцать шесть! На тридцать шесть я выглядела десять лет назад...

— Раньше мы никогда не говорили о возрасте.

— Вы — милый мальчик, — сказала она. — Раньше это не имело значения. Но вы и представить себе не можете, как это становится важно, пока сами не испытаете. Боже мой, Уильямс, вы же молоды; знаете, как вы молоды?!

— Да, пожалуй, молод, — ответил он, разглядывая свои руки.

— Вы — чудесное дитя, — сказала Элен. — Надо будет рассказать это Полу. Тридцать шесть, боже, милостивый, вот это да! Но ведь я не выгляжу на сорок шесть, а?

«Раньше она не задавалась такими вопросами, — подумал он. — Не задавалась бы и теперь, если бы оставалась вечно юной».

— Завтра у Пола день рождения, он разменяет пятый десяток.

— Я знаю.

— Забудьте об этом, он ненавидит юбилеи и никому не говорит о своем дне рождения. Если вы поднесете ему подарок, его удар хватит. С прошлого года мы не отмечаем его день рождения. Тогда он, помнится, схватил торт и вместе с горящими свечами швырнул в мусоропровод.

Вдруг она замолчала, словно поняла, что сболтнула лишнее. С минуту они глядели в потолок, чувствуя какую-то неловкость.

— Пол сейчас придет, — сказала она наконец. — Хотите еще выпить? Расскажите же, наконец, каково быть знаменитым? Вы всегда были такой добросовестный, Уильямс. «Качество, — говорили мы с Полом, — высокое качество». Вы ведь не сможете писать плохо, даже если захотите. Мы оба очень вами гордимся и всем хвастаемся, что вы — наш друг.

— Забавно, — сказал Уильямс. — Странное дело. Десять лет назад я всем хвастался, что знаю вас с Полом. И я в самом деле был очень горд, когда он принял мою первую вещь...

Зажужжал звонок, и Элен бросилась открывать, оставив Уильямса наедине со стаканом. Он испугался, что его последние

слова прозвучали так, будто сейчас он вовсе не горд знакомством с Полом. Он отбросил эту мысль. Вот придет Пол, и все будет хорошо. С Полом всегда было хорошо.

Из прихожей донеслись голоса, и вскоре Элен вернулась с женщиной лет пятидесяти с небольшим. Казалось, морщины и проседь появились у нее разом, внезапно.

— Надеюсь, вы не станете возражать, Уильямс; я совсем забыла вас предупредить, но, надеюсь, вы не будете возражать; это миссис Мирс, она живет напротив. Я сказала ей, что вы будете у нас к обеду, что вы приехали в Нью-Йорк поговорить с издателями о вашей новой книге, а она очень хотела с вами встретиться; она читала все ваши книги, Уильямс, она их очень любит и давно мечтала встретиться с вами. Миссис Мирс, это мистер Уильямс.

Женщина кивнула.

— Я сама хочу стать писательницей, — сказала она, — сейчас я работаю над книгой.

Женщины сели. Уильямс почувствовал, что его улыбка живет сама по себе, как зубы из белого воска, которые мальчишки вставляют себе в рот на место выпавших молочных. Потом он перестал об этом думать.

— Вы уже пристроили что-нибудь? — спросил он у миссис Мирс.

— Еще нет, но надеюсь, — мягко ответила она. — В последнее время у меня все так перепуталось.

— Видите ли, — сказала Элен, наклонившись к нему, — две недели назад у миссис Мирс умер сын.

— Какая жалость, — смутившись, сказал Уильямс.

— Нет, ничего, все в порядке, там ему хорошо. Он был примерно ваших лет, бедный мальчик, ему было всего тридцать.

— А что с ним случилось? — спросил Уильямс машинально.

— Он страдал от полноты, бедный мальчик; в нем было двести восемьдесят фунтов, и друзья вечно подшучивали над ним. Он хотел стать художником. Однажды у него даже купили несколько картин. Но все вокруг потешались над ним, и вот полгода назад он сел на диету. Перед смертью он весил всего лишь девяносто три фунта.

— Боже мой! — вырвалось у Уильямса. — Это ужасно.

— Он передержал себя на диете и не слушал, что я ему говорю. Сидел у себя в комнате, голодал и так похудел, что на похоронах его никто не узнал. Я думаю, последние дни он был очень счастлив, счастливее, чем когда-либо. Можно сказать, это был его триумф. Бедный мальчик.

Уильямс допил свой мартини. Он физически почувствовал, как накатывает уныние. Словно погружаешься в черную воду,

в самую глубину. За последнюю неделю он переделал слишком много дел, слишком много увидел, слишком много говорил и встречался со слишком многими людьми. Нынче вечером он надеялся развеяться, но теперь...

— Вы молоды и красивы,— сказала миссис Мирс. Она с упреком обратилась к Элен.— Почему вы мне не сказали, что он такой красивый!

— Я думала, это все знают,— ответила Элен.

— Он гораздо интереснее, чем на фотографиях, гораздо приятнее. Представьте себе, когда Ричард сидел на диете, он выглядел совсем как вы. Да-да, совсем как вы.

Вчера, спасаясь от репортеров, Уильямс зашел в кино и попал на хронику. На экране он увидел мужчину: тот собирался прыгнуть с моста Джорджа Вашингтона. Полисмены уговаривали его сойти вниз. Потом — другой город, другой человек, уже в окне отеля, а внизу кричит толпа, торопит прыгать. Уильямс, не досмотрев, ушел из зала. Когда он вышел в жаркий солнечный день, все показалось слишком вещным и грубым; так бывает, когда быстро переходишь из сна в явь.

— Да, вы молоды и очень красивы,— повторила миссис Мирс.

— Я совсем позабыла,— вскинулась Элен.— Здесь же Том, наш сын.

Том, ну конечно же, Том. Уильямс однажды видел его. Это было пару лет назад — Том забегал домой с улицы. Они даже поговорили о чем-то. Живой, сообразительный паренек, хорошо воспитанный и довольно начитанный. Таким сыном можно гордиться.

— Сейчас ему семнадцать,— говорила Элен.— Он у себя в комнате; может, привести его? Я немного беспокоюсь за него. Он хороший мальчик, мы ничего для него не жалели. Но он связался с шайкой, которая грабила магазины, и месяца два назад попался. Боже мой, сколько было волнений, пока все не утихло, сколько шума. Ведь правда же, Уильямс, Том — хороший ребенок?

Она наполнила его стакан.

— Чудесный,— отхлебнув, ответил Уильямс.

— Вы ведь знаете, каково теперь с детьми. Эти огромные города совершенно не для них.

— Но я видел здесь игровые площадки.

— Там тоже ужасно. А что делать?.. О, у нас с Поллом найдется, чем удивить вас, Уильямс. Знаете что? Мы покупаем дом в деревне. После стольких лет, мы, наконец, уезжаем; Пол бросит свое телевидение, да-да, взаправду, бросит, разве это не чудесно? И он начнет писать, как вы, Уильямс, а жить мы будем

в Коннектикуте, в чудесном маленьком домишке; надо, чтобы Пол попробовал, надо дать ему возможность писать. Как вы думаете, Уильямс, он ведь сможет? Ведь он умеет писать чертовски мило, правда?

— Ну, конечно! — сказал Уильямс. — Несомненно.

— Вот бросит Пол свою работу, всю эту проклятую чепуху, и мы переберемся в деревню.

— И как скоро?

— Где-нибудь в августе. А может, отложим до сентября. Самое позднее — в начале января.

«Ну, конечно, — воодушевился Уильямс. — Им просто нужно уехать отсюда. Если бы они уехали, бросили этот город! Пол, должно быть, за эти годы не разучился писать. Если только они уедут! Если только она позволит ему».

Он смотрел на веселое лицо Элен. Оно выглядело веселым лишь потому, что она удерживала нужные мускулы в нужном положении, упорно и твердо не давала веселости сойти с лица, и оттого оно сияло, словно лампа, когда солнце уже отгорело.

— Звучит не слишком обнадеживающе.

— Но вы верите, что мы сможем, Уильямс, вы верите, что мы в самом деле уедем отсюда? Ведь Пол здорово пишет, да?

— Конечно. Вы должны попытаться.

— Если не получится, он всегда сможет вернуться на телевидение.

— Конечно.

— Так вот, на этот раз мы обязательно вырвемся. Уедем, возьмем с собой Тома; деревня пойдет ему на пользу, да и нам тоже — бросим пить, покончим с ночной жизнью и обоснуемся в деревне с пишущей машинкой и десятью пачками бумаги, и чтобы Пол исписал ее всю. Ведь он чертовски хорошо пишет, правда, Уильямс?

— Правда.

— Скажите, мистер Уильямс, как вы стали писателем? — спросила миссис Мирс.

— Я с детства любил писать. Когда мне исполнилось двенадцать, я начал писать каждый день и до сих пор не могу остановиться, — нервозно ответил он, пытаясь вспомнить, как это было на самом деле. — С тех пор я просто продолжаю — по тысяче слов каждый день.

— Пол начинал точно так же, — вставила Элен.

— У вас, наверное, куча денег, — сказала миссис Мирс.

И тут щелкнул замок. Уильямс невольно вскочил, радостный, освобожденный. Он улыбался двери, пока она открывалась. Улыбался Полу, когда тот появился на пороге и удивленно вытаращился. Он развел руки и бросился к Полу, выкрикивая его

имя, совершенно счастливый. Пол шагнул через прихожую, высокий, пополневший за эти годы, с блестящими, слегка навывкате, глазами, со слабым запахом виски изо рта. Он схватил Уильямса за руку, встряхнул ее и закричал:

— Уильямс, боже правый! Рад тебя видеть, парень! Наконец-то ты к нам выбрался; как я рад, черт побери! Как поживаешь? Ты ведь теперь знаменитость. Иисусе Христе, давай выпьем, давай напьемся! Элен, миссис Мирс, что вы стоите? Садитесь, ради бога.

— Мне пора идти, я и так уже задержалась,— сказала миссис Мирс, бочком отходя к двери.— Спасибо за беседу. До свидания, мистер Уильямс.

— Уильямс, черт возьми, как я рад тебя видеть! Элен уже сказала тебе, что мы решили уехать? Насчет деревни?

— Она говорила...

— Дружище, мы в самом деле уезжаем из этого проклятого города. Этим же летом. С каким удовольствием я брошу все это. На телевидении я читал по десять миллионов слов в год, и так десять лет. Я уеду, Уильямс, пришло время. Думал ли ты тогда, что я все это брошу? Ты видел Тома? Элен, Том у себя? Тащи его сюда, пусть поговорит с Уильямсом. Хочешь выпить? Ох, Уильямс, как мы рады тебя видеть. Теперь мы всем будем рассказывать, что ты был у нас. А кого ты здесь повидал?

— Рейпольдса, вчера вечером.

— Это издатель «Юнайтед Фичез»? Как он поживает? Как у него дела?

— Идут помаленьку.

— Ты помнишь, Элен, как он целый год просидел у себя дома. Чудесный парень, но что-то вышибло его из колеи: то ли армия, то ли что другое. Он не решался выйти из дома, боялся, что убьет первого встречного.

— Вчера он выходил со мной,— сказал Уильямс.— Проводил до автобуса.

— Ну, тогда с ним все в порядке, рад слышать. Ты не знаешь про Бэнкса? Погиб неделю назад в автокатастрофе на Род Айленд.

— Не может быть!

— Да, сэр, черт побери, один из чудеснейших в мире людей, лучший фотограф из всех, что работают на большие журналы. По-настоящему талантливый, совсем молодой, чертовски молодой; напился и погиб по дороге домой. А все эти автомобили, дьявол их возьми!

Уильямсу померещилось, будто под потолком мечется огромная стая ворон. Здесь больше не было Пола. Были совершенно чужие люди; они вселились сюда, когда Пирсоны, уехали. Никто

не знает куда девались Пирсоны. И бесполезно, наверное, спрашивать у этого человека, где сейчас Пол. Он не сможет ответить.

— Уильямс, ты ведь знаешь нашего сына? Элен, сходи к Тому, приведи его сюда!

Привели сына, он остановился на пороге гостиной. Уильямс встал со стаканом в руке, чувствуя, как опьянение захлестывает его.

— Это Том, Уильямс, это Том.

— Вы ведь помните Тома?

— Ты помнишь Уильямса, Том?

— Поздоровайся, Том.

Оба они говорили разом, не останавливаясь, торопясь, словно шумела река, словно шелестел камыш, и путались слова, и глаза горели голубым спиртовым пламенем.

— Том, поговори с мистером Уильямсом на гангстерском жаргоне,— сказала Элен.

Молчание.

— Том его живо усвоил, он у нас умница, у него хорошая память. Том, скажи мистеру Уильямсу пару слов по-гангстерски. Ну, давай же, Том,— говорила Элен.

Молчание. Том стоял, глядя себе под ноги.

— Ну, Том, давай,— настаивала Элен.

— Оставь его в покое, Элен.

— Но почему, Пол? Я просто подумала, что Уильямсу будет интересно послушать жаргон.

— Если Том не хочет, значит, не хочет! — сказал Пол.

Молчание.

— Пойдем на кухню, пока я не напился,— сказал Пол, обняв Уильямса за плечи и увлек с собой.

Их обоих покачивало. На кухне Пол схватил Уильямса за локоть и начал говорить ему прямо в лицо, весь красный, словно день напролет кричал, надсаживаясь.

— Слушай, Уильямс, ты веришь, что я смогу? У меня есть чудесная задумка для романа! — он шлепал Уильямса по руке, сначала мягко, но с каждым словом все сильнее и сильнее.— Как тебе это понравится?

Уильямс отступил было на шаг, но его рука словно в капкан попала. А Пол колотил и колотил по ней.

— Как чудесно будет снова начать писать! Писать, иметь свободное время, скинуть лишний вес.

— Только не как сын миссис Мирс.

— Он был болван!

Пол все крепче и крепче сжимал руку Уильямса. За все годы их дружбы они почти никогда не прикасались друг к другу, но сейчас Пол тряс, мям, тискал его. Тряс за плечи, хлопал по спине.

— В деревне, бог даст, у меня будет время отрешиться от этой суеты и подумать. Ты знаешь, как мы здесь проводим выходные? Приканчиваем на пару кварту-другую виски, вот и все. Кругом машины, толпы, а мы нагрузимся и тем счастливы — вот что такое уикэнд в городе. Но в деревне все будет по-другому. Я хочу, чтобы ты прочел мою рукопись, Уильямс.

— Ах, Пол, погоди.

— Постой, Элен. Ведь ты никогда не отказывался, Уильямс. «Не отказывался,— подумал он,— но на этот раз откажусь. Я боюсь. Когда я знал, что найду в рукописи прежнего Пола — живого, непоседливого, трезвого, сияющего, свободного, уверенного и скорого в своих решениях, с безукоризненным вкусом, прямого и сильного в споре, хорошего режиссера и надежного друга; того, кто много лет подряд был моим кумиром, когда я мог найти в рукописи такого Пола, я читал ее запоем. Но сейчас я не уверен в этом и не хочу, чтобы меж строк проглядывал этот новый, незнакомый Пол. Ах, Пол, Пол, неужели ты не знаешь, неужели не понимаешь, что никогда вы с Элен не уедете из города, никогда, никогда?»

— Дьявол! — воскликнул Пол. — Уильямс, как тебе понравился Нью-Йорк? Ты ведь недолюбливал его? Нервный город, как ты сказал однажды. А ведь он мало чем отличается от Сьюкс-Синти или Кеноши. Просто здесь встречаешь больше людей за меньшее время. Слушай, Уильямс, а каково вдруг почувствовать себя знаменитым?

Теперь говорили оба, и муж, и жена. Голоса сталкивались, слова падали, поднимались, смешивались, усыпляюще журчали, сплетались в бесконечное кружево.

— Уильямс,— говорила она.

— Уильямс,— говорил он.

— Ваше здоровье,— говорила она.

— Разрази меня гром, Уильямс, как я люблю тебя! Ох, как я тебя ненавижу, ублюдок ты этакий! — смеялся он, колотя Уильямса по плечу.

— А где Том?

— Горжусь тобой!

Стены вспыхнули. В воздухе забили черные крылья. Его избитая рука уже ничего не чувствовала.

— Трудно будет бросить работу, кое-что у меня неплохо получалось...

Пол измял весь перед у рубашки Уильямса. Тот почувствовал, как отлетают пуговицы. Со стороны могло показаться, что Пол со своей обычной напористостью собирает его избить. Его челюсть ходила вверх-вниз, от его дыхания очки Уильямса запотели.

— Горжусь тобой! Люблю тебя! — и он снова тряс его руку, бил по плечу, дергал рубашку, трепал по щеке. С Уильямса слетели очки и упали на пол, тихонько звенькнув.

— Господи, Уильямс, прости!

— Все в порядке, наплыв.

Уильямс поднял очки. По правому стеклу паутиной разбежались трещины. Он посмотрел сквозь него: Пол, ошеломленный, смущенный, пытался выбраться из паутины.

Уильямс ничего не сказал.

— Какой ты неловкий, Пол! — взвизгнула Элен.

Разом грянули телефон и дверной звонок, и Пол говорил, и Элен говорила, а Том куда-то ушел, и Уильямс совершенно отчетливо подумал: «Меня вовсе не тошнит, я не хочу блевать, честное слово, но сейчас я пойду в туалет. Там меня затошнит и вырвет». Не говоря ни слова, раздвигая горячий воздух, словно в толпе, сквозь слова, возгласы, звон и треск, смущение и паническое участие он пошел через комнату, спокойно закрыл за собой дверь туалета, опустил на колени, словно в храме и откинул крышку.

Его трижды вырвало. Из-под сжатых век катились слезы, и он не знал — отчего, не знал, дышит он или рыдает, он даже не знал, слезы ли это боли и сожаления или, может быть, вовсе не слезы. Коленопреклоненный, словно на молитве, он слушал, как по белому фаянсу вода бежит к морю.

За дверью — голоса.

— С вами все в порядке, Уильямс?.. С вами все в порядке... ты в норме?

Он пошарил в кармане, достал бумажник, открыл его, увидел билет на поезд, сложил его, засунул в грудной карман и прижал ладонью. Потом поднялся на ноги, тщательно вытер губы и долго стоял, рассматривая в зеркале странного человека с паутиной вместо глаза.

Сжимая в руке латунную ручку двери, пошатываясь, с закрытыми глазами, он вдруг почувствовал, что весит не более девяти фунтов.

ЛАЗАРЬ, ВОССТАНЬ!

Смех у Логана был неприятный.
— В камере новый труп, Брэндон.
Спустишь, опознай.

Глаза Логана, алчные и наглые, зелено-вато светились, выдавая низменность души...

Брэндон выругался вполголоса. Вполне хватало их двоих, чтобы до предела заполнить этот самый большой отсек корабля-морга. Кроме них здесь было множество ячеек-холодильников с замороженными телами, а из-под пола доносилось мерное гудение двигателей. И сам Логан напоминал небольшой механизм, говорящий без умолку.

— Оставь меня в покое.— Брэндон встал. Он был высокий и худой и походил на изъеденный ржавчиной метеорит.— Сидел бы ты тихо — вот и все.

Логан продолжал безмятежно сосать свою сигарету.

— Чего ты так испугался? Боишься, что это окажется твой сын?

Брэндон одним прыжком сбил Логана с ног, схватил за шиворот и припечатал к стене так, что тот задохнулся. Глаза его полезли из орбит. Он хотел что-то сказать, но смог издать только звук, похожий на хрипение свиньи, которой режут горло. Он судорожно хватал воздух своими короткими ручками.

Брэндон продолжал прижимать его, давя всем своим весом.

— Я ведь тебе уже говорил... Предоставь мне возможность самому решать, как искать тело моего бедного сына. Мне плевать на тебя и на твои слова!

Глаза Логана начали стекленеть. Брэндон шагнул назад, освобождая своего напарника. Логан, с открытым ртом, медленно сполз на металлический пол, ноздри его жадно вдыхали воздух. Брэндон спокойно разглядывал Логана, а тот начал мало-помалу наливаясь яростью.

— Трус! — выдохнул он наконец.— Трус и паникер! Ты никогда не был на войне. Никогда ничего не сделал для Земли в ее борьбе против Марса.

— Заткнись! — процедил Брэндон.

— Почему это?! — Логан понемногу разгибался, одновремен-

но пятась в сторону носовой части. В тишине слышался шум насосов под стеллажами с ячейками. — Разве так уж плохо услышать правду? Твой сын может гордиться тобой, правда? — Он откашлялся и плюнул. — Ему было так стыдно за тебя, что он поспешил записаться добровольцем. И так храбро сражался, что свалился с корабля. — Логан тщательно облизал губы. — Тогда, чтобы успокоить свою совесть, ты поступил на корабль-морг, надеясь найти его тело и попытаться оживить. Я ведь знаю тебя. Ты не захотел сражаться в рядах славных бойцов космоса — смелости не хватило. Тебе надо было выбрать вот такую работу, на борту корабля-морга...

Впалые щеки Брэндона запали еще больше, глаза у него были закрыты, он побледнел.

— Кому-то надо собирать тела после боя, — сказал он тоном человека, который пытается в чем-то убедить самого себя. — Не могут же они вечно носиться в космосе. Они имеют право на погребение...

Презрение так и сочилося из Логана.

— Кого ты хочешь обмануть? — Теперь он стоял совершенно прямо. — Другое дело я. Вот у меня есть право командовать этим кораблем. Я принимал участие в той войне.

— Ты лжешь, — возразил Брэндон. — Ты мотался по астероидам на грузовом корабле, искал радий. Ты и сюда устроился, чтобы продолжать это, а заодно собирать трупы.

Логан тихо рассмеялся, но в смехе его не было радости.

— Ну и что? Во всяком случае, меня не упрекнешь в трусости. Я уничтожу любого, кто встанет у меня на пути. — Он задумался на несколько секунд. — Если только он не откупится...

Брэндон отвернулся. Он чувствовал себя плохо. Он заставил себя войти в камеру, где лежало тело еще одного космического мертвеца, которого только что засосало приемной воронкой.

Тело покоилось посреди ледяной камеры, где до него лежали тысячи других. Казалось, что человек погрузился в глубокий сон, расслабился и больше не хотел просыпаться...

Брэндон с облегчением вздохнул. Он убедился, что это не его сын. Каждый раз, когда поступало новое тело, он боялся, что это будет Ричард, и в то же время тайно желал этого. Ричард, с его веселым смехом и коротко подстриженными густыми черными волосами. Ричард, который уплывал в неведомое, в вечность...

Брэндон напрягся. Он опустился на колени и стал осматривать и прослушивать это молодое тело в странной униформе. Через несколько секунд сердце у Брэндона забилося сильнее, и, когда он поднялся, он походил на человека, которого только что

изо всех сил ударили по лицу. Неверным шагом вернулся он в центральный зал.

— Логан! — позвал он. — Логан, иди сюда. Быстрее!

Логан неторопливо спустился к нему, и они вместе вернулись в камеру.

— Смотри-ка, — сказал Брэндон, вновь опускаясь на колени рядом с телом.

Логан посмотрел внимательнее и не поверил своим глазам.

— Где это, черт возьми, ты раздобыл его?

Лицо мертвеца, окаймленное черными, как вороново крыло, волосами, было белее снега. Глаза — как два сапфира в оправе из льда. Тонкие пальцы лежали на бедрах. Но самое главное, на нем была униформа серебристого цвета, серый кожаный пояс, а над безмолвным теперь сердцем прикреплен бронзовый треугольник с номером 51.

— Триста лет прошло, — прошептал Логан. Номер 51 о многом говорил ему. — Триста лет...

— Да. И спустя столько времени он в прекрасном состоянии. Смотри, как он спокоен. У большинства трупов лица не очень-то приятны. Что-то случилось с ним триста лет назад, и с тех пор он блуждает в одиночестве. Мне кажется...

Брэндон умолк.

— В чем дело? — резко спросил Логан.

— Этот человек покончил жизнь самоубийством, — задумчиво произнес Брэндон.

— С чего ты взял?

— Нет никаких признаков разгерметизации, дезинтеграции или лучевых ожогов. Он просто выпрыгнул в открытый космос. Почему же ученый 51-го отдела должен был так поступить?

— Ну, войны в те времена были ерундовские, — сказал Логан. — Но я в первый раз вижу кого-то из тех времен. Это совершенно невероятно. Ведь его должны были уничтожить метеориты.

Странная дрожь прошла по телу Брэндона.

— Помнится, еще подростком я читал в какой-то книге об одном ученом и их пятьдесят первом отделе. Начиная с 2100 года, они проводили какие-то секретные опыты на Плутоне. Я хорошо помню описание их униформы и этого бронзового знака. Я не могу ошибиться. Ходили слухи, что они испытывали какое-то новое оружие.

— Легенда, — сказал Логан.

— Кто знает? Может быть, и так. А может быть, и нет. Но до того как это оружие было закончено, Земля пала под натиском Марса. Когда марсиане появились на Плутоне, ученые уничтожили себя и разрушили базу. По слухам, если бы марсиане при-

летели хотя бы на месяц позже, оружие могло бы быть создано...

Брэндон умолк и снова взглянул на мертвого ученого; тот, казалось, мирно спал.

— И вот является он — один из них. Я спрашиваю себя, что же там могло произойти. Может быть, он пытался вернуться на Землю, но был вынужден выпрыгнуть в пустоту, чтобы не попасть в плен к марсианам. Логан, перед нами кусочек истории, выплывший из космоса. Вот он перед нами, холодный и окоченевший...

— Н-да, — сказал Логан с принужденным смехом. — Если бы только у нас сейчас было это оружие, мы могли бы по праву праздновать победу.

— Великий Боже! — Брэндон подскочил.

— Что с тобой? — спросил Логан.

— Может быть... но только может быть... у нас БУДЕТ это оружие, — сказал он.

Его руки дрожали.

Мощные насосы вибрировали под операционным столом, датчики бортового компьютера быстро и эффективно исследовали тело мертвого ученого. Брэндон двигался быстро, словно сам стал одним из механизмов. В яростном порыве он заставил Логана как можно быстрее перенести тело в подготовительный отсек, впрыснуть ему адреналин, согревающий раствор и подключить аппарат искусственного кровообращения.

— А теперь вали отсюда, Логан. От тебя больше вреда, чем пользы.

Логан на цыпочках поспешил к выходу.

— Ладно, ладно, не ворчи. Это ни к чему. Уже много лет я не перестаю повторять тебе...

Для Брэндона все вокруг перестало существовать. Ему казалось, что голос Логана доносится откуда-то издалека. Сейчас имели значение только вибрация насоса, температура стерилизатора в отсеке и состояние ячейки № 12, готовой принять тело в случае неудачи.

Впрыскивая стимуляторы, он начал тихонько напевать. Он не знал точно, откуда взяли эти слова, может быть, из детства, из отдаленных воспоминаний о воскресной школе...

— Лазарь, восстань! — повторял Брэндон, склонившись над телом. — Лазарь, восстань!

Логан фыркнул:

— Лазарь! Это надо же!

Брэндон все шептал, обращаясь к самому себе:

— Где-то в глубинах его мозга запрятаны сведения об оружии, которое позволит Земле разом покончить с войной. Они законсервированы там уже триста лет. Только бы нам удалось достать их...

— Да слыханное ли дело, чтобы человека оживляли через триста лет?! — сказал Логан.

— Но он прекрасно сохранился, только сильно заморожен. О, боже, это судьба! Я в этом уверен. Я отправился на поиски Ричарда, а нашел нечто другое, значительно более важное! Лазарь! Лазарь, восстань из могилы!

Механизмы продолжали свою работу, их вибрация отдавалась у него в голове. Брэндон напряженно прислушивался, следил за показаниями приборов, за малейшими признаками, которые могли бы означать, что тело возвращается к жизни.

— Кислород! — Брэндон надел маску на отрешенное лицо ученого. — Давление! — Металлические пластины охватили грудную клетку. — Пуск!

Брэндон нажал на педаль запуска реанимационного цикла, и аппарат заработал...

По радиации пришло сообщение:

«Корабль-морг. Боевое подразделение 766 вызывает корабль-морг. Курс над орбитой Плутона 234 СС, точка 0-2, выше 32, 1-7 зона. Конец боя. Уничтожено семь марсианских кораблей. Погиб один земной корабль, тела выброшены в космос. Соберите их. Они на орбите, удаляются к Солнцу со скоростью 23456 миль в час. Конец сообщения».

Логан отбросил сигарету.

— Это нам. Предстоит много работы. Пошли. Пусть этот тип как следует охладится. Ничего ему не сделается.

— Нет! — прорывал Брэндон. Его глаза метали молнии. — Он важнее всех этих трупов. Мы соберем их позже. А он сможет тотчас помочь нам!

Реаниматор отключился. Наступила тишина.

Брэндон, наклонился, и приложил ухо к груди ученого.

— Подожди-ка!

Да, это была удача. Невероятная удача. Едва заметная пульсация там, в глубине, медленная и ленивая. Сердце оживало...

— Сейчас! Сейчас! — воскликнул Брэндон.

Частая дрожь сотрясала все его тело. Он снова запустил аппарат, он говорил без умолку, он смеялся, он был похож на сумасшедшего.

— Он жив! Он жив! Лазарь восстал из могилы! Он возродился! Предупреди Землю!

К концу следующего часа пульс стабилизировался, температура после временного повышения понизилась, и Брэндон метался по отсеку, напряженно следя за малейшими изменениями во внутренних органах по экрану бортового компьютера.

Он ликовал. Как будто Ричард заново родился. Как будто это было искупление. Вы пускаетесь на поиски того, кто вернет вам достоинство и гордость, на поиски вашего сына, который уплывает в космос по своей безмолвной траектории, и вдруг судьба доверяет вам великого ученого, чтобы вы отогрели его и вернули к жизни. Брэндон был вне себя от радости. Как будто это Ричарда он вернул к жизни, своего Ричарда, даже более того. Ведь от этого зависело будущее всей Земли и всего человечества. В том, что касалось вооружений, власти и мира.

Логан прервал его мысли, дохнув в лицо сигаретным дымом.

— Знаешь что, Брэндон? Это просто необыкновенно здорово! Ты ведь кое-что совершил, старина! В самом деле!

— Я ведь тебе, кажется, сказал, чтобы ты предупредил Землю!

— Я не мог оторваться от этого зрелища. Прямо-таки курочка со своим цыпленком. А еще я размышлял. Н-да.— Логан стряхнул пепел с сигареты.— Как только тебе досталась эта чудесная добыча, я все думал и думал об этом.

— Поднимись в рубку и вызови Землю. Нам надо немедленно переправить ученого на Лунную базу. Потом поговорим.

В глазах Логана снова мелькнул знакомый зеленоватый огонек. Он ткнул пальцем в сторону Брэндона.

— А вот как мне представляется положение вещей. Будем ли мы вознаграждены за то, что нашли этого типа? Нет, черт возьми! Это наша работа — нас ведь назначили собирать трупы. И вот перед нами тип, у которого ключ к завершению всей этой проклятой войны.

— Вызывай Землю,— устало повторил Брэндон.

— Ну подожди же минутку, Брэндон. Дай мне закончить. Я вот о чем подумал: может, и марсиане захотели бы занять его. Может, и они не прочь бы оказаться рядом, когда он заговорит...

— Ты слышал, что я сказал? — спросил Брэндон, сжимая кулаки.

Логан сунул руку себе за спину.

— Я хочу всего лишь спокойно поговорить с тобой. Я не хочу неприятностей. Все, что мы получим за этого предка, ограничится поцелуем в щечку и медалью на грудь. К черту!

Брэндон уже собрался треснуть его по морде, как вдруг увидел направленный себе в грудь ствол дезинтегратора. Он инстинктивно отступил. У него вдруг заныли все мускулы, будто тело его разрывалось.

— А теперь вместе поднимаемся в рубку,— произнес Логан.— Мне надо передать кое-какое сообщенье. Ну, давай. Оп-ля!

Едва очутившись в рубке, Логан включил рацию и произнес в микрофон:

— Марсианский корабль. Марсианский корабль. Говорит корабль-морг с Земли. Отвечайте. Прием.

Через несколько секунд марсиане ответили.

— Я только что подобрал тело ученого из пятьдесят первого отдела,— продолжал Логан.— Его удалось оживить. Я хочу поговорить с командующим вашего флота. Я должен сказать ему нечто важное.— Логан улыбнулся.— Хэлло, командир!..

Через полчаса переговоры закончились, план был выработан. Логан отключился, очень довольный собой.

Когда они перешли в рубку, Логан изменил курс и заставил Брэндона одеть ученого. Он был горд удачной сделкой.

— Полтонны радия, Брэнди. Неплохо, правда? Хороший куш. Значительно больше того, что мне когда-либо платила Земля!

— Идиот,— сказал Брэндон, пожав плечами.— Марсиане просто убьют нас.

— Э-э-э...— Логан заставил Брэндона перенести тело на передвижной стол и установить его у люка спасательной ракеты.

— Я не такой уж идиот. Ты сейчас набьешь ракету взрывчаткой. Сначала мы заберем радий. Если марсиане обманули, мы взорвем ракету. Ведь прежде чем завладеть телом им придется подождать, пока мы заберем то, что нам причитается, и окажемся в пяти часах полета от них. Не так уж плохо, а?

— Это самоубийство. Передать такое оружие противнику,— пробормотал Брэндон с мрачным видом.

Логан покачал головой:

— Когда марсиане завладеют телом, а мы будем на пути к Земле, я нажму на кнопку, и все взлетит на воздух. Это называется двойной игрой.

— И тело будет уничтожено?

— Великий Боже, ну конечно. Ты думаешь, я хочу, чтобы такое оружие попало в руки врага? Еще чего!

— Война продлится еще годы...

— Земля в любом случае победит. Она справится с марсианами, медленно, но верно. А когда война закончится, у меня будет целый склад радия. Достаточно, чтобы открыть свое дело и обеспечить себе прекрасное будущее.

— И чтобы добиться этого, ты готов обречь на смерть миллионы людей?

— А что хорошего они сделали для меня? Подорвали мне здоровье во время последней войны, вот и все!

Подумав, Брэндон сказал:

— Слушай, Логан, мы можем все это сделать, но при этом спасти тело.

— Не будь идиотом!

— Мы можем положить в ракету другое тело. А Лазаря спасем и вместе с ним вернемся на Землю.

Его напарник отрицательно покачал головой.

— Марсиане направят на ракету луч анализатора, когда окажутся на расстоянии ста тысяч миль. Они смогут определить — живой это или мертвый. Ничего не поделаешь, Брэнди.

Разум вдруг покинул Брэндона, осталась только всепобеждающая ярость. Он прыгнул. Логан чуть отступил и нажал на пуск. Брэндон рухнул с парализованными ногами. Свет погас у него в глазах...

Его привела в чувство невесомость. Брэндон с трудом заставил себя открыть глаза. Он был привязан проволокой к столу в приемном отсеке.

— Логан! — рявкнул он на весь корабль. И снова, подождав немного. — Логан!

Он чувствовал, как проволока впивается ему в ладони, стягивает руки. Он попробовал пошевелиться. Связан он был основательно, за исключением правой руки. Он попытался расшатать проволоку с этой стороны. Прямо над ним из микрофона слышался низкий монотонный голос марсианина:

— Пятьсот тысяч миль. Корабль-морг, приготовьте свою спасательную ракету с телом ученого. За триста тысяч миль запустите ракету. Тогда мы выпустим ракету с радиом. У вас будет полчаса, чтобы принять ее. Там как раз требуемое количество...

Голос Логана отвечал:

— Ясно. Ученый чувствует себя хорошо. Вы заключили хорошую сделку.

Брэндон побледнел, от гнева у него перекосилось лицо. Он забился в своих путах, но в результате ему так сдавило грудную клетку, что он стал задыхаться. Он застонал. Ему пришлось успокоиться и снова улечься. Они уносили в космос его ребенка, его Лазаря, его второго сына, которого он отнял у космоса и воскресил. Брэндон горько зарыдал, и проволока опять впилась ему в тело. Пот и слезы стекали по его лицу...

Логан с кривой улыбкой на лице на цыпочках спустился в отсек.

— Очнулся, спящий красавец?

Брэндон ничего не ответил. Ему все-таки удалось освободить правую руку. Влажная и свободная, она тихо и скрытно шевелилась рядом с его телом, как маленький белый зверек, старающийся выбраться из ловушки.

— Ты не можешь продолжать все это, Логан.

— Почему это?

— Земной трибунал узнает обо всем.

— Ты ничего не скажешь!

Логан возился в отсеке. Никто кроме него не двигался в этом помещении с десятками ячеек, где вечным сном спали войны.

Брэндон задыхался. Он опять попытался приподняться и опять бессильно откинулся.

— Как же ты инсценируешь мою смерть?

— Инъекцией сульфакардиума. Сердечная недостаточность. Слишком сильное нервное напряжение для такого старика. Очень просто.

Логан со шприцем в руках подошел к нему.

Брэндон был совершенно беспомощен. А корабль продолжал свой путь. Тело оставалось там, наверху, в своей металлической колыбели, возвращенное им к жизни, но теперь уже проданное врагам.

Брэндон решил попытаться...

— Ты не можешь оказать мне последнюю милость?

— Какую?

— Усыпи меня. Я не хочу видеть, как ты будешь отправлять Лазаря. Не хочу...

— Хорошо.

Логан направлялся к нему с новым шприцем.

— И еще, Логан.

— Лежи, лежи спокойно!

Только одна свободная рука и только одна нога, способная хоть немного двигаться.

Логан оперся о стол.

— На! — воскликнул Брэндон.

Заранее рассчитанным движением ноги Брэндон дотянулся до кнопки регулятора высоты стола и нажал ее. Стол плавно пополз вверх. Свободной рукой Брэндон захватил голову Логана — тот захрипел — и прижал ее к столу, так что туловище его повисло в воздухе между плоскостью стола и полом. Шприц упал на пол и разбился. Достигнув верхнего предела, стол пошел вниз. Логан вскрикнул еще раз и затих — стол с силой прижал его к полу. Звук был таким ужасным, что Брэндона вырвало. Тело Логана обмякло и свалилось вниз. А стол продолжал подниматься и опускаться, подниматься и опускаться...

Каждое его движение вызывало у Брэнтона новый приступ тошноты. Отсек зашатался, закружился у него перед глазами. Казалось, даже трупы в ячейках пронизала дрожь...

Наконец ему удалось дотянуться ногой до пульта, нажать на кнопку; и стол замер. Кровь прилила к лицу Брэнтона, сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Большие часы на

стене показывали, что времени все меньше, все меньше, что расстояние сокращается, что марсиане все ближе...

Он упорно боролся со своими путами. Он страшно ругался. Ссадины и капли крови покрывали его запястья и щиколотки. По потолку, словно букашки, забегали красные огоньки, и голос компьютера бубнил: «Ракета приближается... Неизвестный корабль... Ракета рядом...»

Держись, Лазарь! Не давай им разбудить себя! Не сдавайся! Как бы хорошо было, если бы ты продолжал спать вечно...

Проволока вокруг левой руки подалась, но ему понадобилось еще пять минут, чтобы окончательно освободиться.

Стараясь не глядеть на тело Логана, Брэндон соскользнул со стола и с трудом потащил свое безмерно уставшее тело вверх по лестнице. Мозг у него работал быстро, но тело повиновалось с трудом. Люк, ведущий к спасательной ракете, был открыт, и рядом с ним, целый и невредимый, только без сознания, лежал Лазарь, даже не подозревающий, что его новый отец был рядом с ним.

Брэндон бросил взгляд на часы. Приближалось условленное время. Надо было доставить Лазаря в ракету, захлопнуть люк и отправить ученого в космос, на встречу с марсианами. Всего через пять минут.

Он застыл у двери, мокрый от пота. И вдруг решился и бросился в рубку. Включив радио, он передал в адрес зеленой Земли: «Говорит корабль-морг. Корабль-морг возвращается на базу. Важный груз. Важный груз. Обеспечьте встречу над Луной. Ко-нец».

Он перевел корабль в режим автономного полета. Он почувствовал, как у него под ногами завибрировали мощные двигатели. Теперь только их дрожь отдавалась у него в теле. Он чувствовал страшное, болезненное раздвоение. Желание вернуться на Землю было таким сильным, что валило с ног. Вернуться, забыть о войне и смерти...

Он мог, конечно, отдать Лазаря врагу и вернуться на Землю. Мог... Но как расстаться со вторым сыном, после того как потерял первого? Нет. Никогда. Может, уничтожить тело? Брэндон в раздумьи повертел дезинтегратор. Потом, закрыв глаза, отбросил его.

А если прямо сейчас попытаться вернуться на Землю? Тогда марсиане бросятся в погоню и возьмут его в плен. Корабль-морг не мог соперничать в скорости с боевыми линейными кораблями.

Брэндон колебался. Несколько секунд он смотрел на спящего ученого. Он потрогал его, поправил обмундирование... Потом, решившись, направился к ракете...

Марсиане перехватили ракету в точке 5199 СУ. Никаких следов корабля-морга. Он сошел со своей орбиты и направился прямо к Земле.

Тело Лазаря было тотчас перенесено в отделение реанимации марсианского корабля. Его уложили на стол и тотчас приняли все необходимые меры, чтобы пробудить.

Лазарь спокойно лежал с закрытыми глазами в своей серебристой униформе, стянутой серым кожаным ремнем. На груди вздымался и опускался бронзовый значок с цифрами «51».

Возбужденные марсиане столпились вокруг тела. Они его ощупывали, проверяли, просвечивали, ждали. Их маленькие красные глазки возбужденно мигали.

Теперь Лазарь дышал глубже, он возвращался к сознательной жизни, восставал из могилы. Через триста лет, сказочным образом ускользнув из когтей смерти.

Вооруженные охранники тоже окружали стол. Они уже приготовили орудия пыток, чтобы применить их, если Лазарь откажется говорить.

И тут глаза Лазаря раскрылись. Лазарь вышел из могилы.

Он увидел окруживших его чужаков с возбужденными лицами. Он увидел странные синие головы марсиан. Лазарь был жив, он дышал. И был готов заговорить.

И Лазарь поднял голову, с любопытством осмотрелся вокруг, облизнул губы и заговорил.

— Который час? — такими были его первые слова.

Эта фраза была предельно простой, и марсиане склонились к нему, пытаясь понять ее тайный смысл. Один из них все же ответил:

— Двадцать три часа сорок пять минут.

Лазарь кивнул, закрыл глаза и откинулся на подушку своего ложа.

— Хорошо. Теперь он в безопасности. Он жив и здоров.

Марсиане переглядывались, стараясь запомнить каждое слово, которое произнесет этот вернувшийся к жизни мертвец.

Лазарь продолжал лежать с закрытыми глазами. Он чуть дрожал, когда произнес словно нехотя:

— Меня зовут Брэндон.

И тут Лазарь рассмеялся...

ОРУДИЯ РАДОСТИ

Отец Брайен не торопился спускаться к завтраку: ему показалось, что он слышит смех отца Витторини там, внизу. Витторини, как всегда, ел в одиночестве. С кем бы это ему там смеяться или над кем?

«Над нами,— подумал отец Брайен,— вот над кем». Он опять прислушался.

По другую сторону коридора отец Келли тоже прятался в своей комнате, а может, молился.

Они никогда не оставляли Витторини в одиночестве до самого конца, они всегда успевали к столу как раз к тому моменту, когда он прожевывал последний кусочек тоста. Иначе бы они ходили с чувством вины потом весь день.

Смех, однако, снизу все-таки слышался. Откопал, наверное, что-нибудь в утреннем выпуске «Таймса». Или, еще хуже, опять всю ночь просидел с нечестивым духом, телевизором, который стоит в холле, как непрощенный гость, одна нога за здоровье, другая — за упокой. Мозги уже, наверное, обесцветились от электронного чудовища, теперь задумывает еще какую-нибудь выходку — колесики в голове слышно как крутятся. Он и постится нарочно, чтобы возбудить их любопытство, все итальянские его шуточки.

«Господи, пронеси». Отец Брайен вздохнул и потрогал конверт во внутреннем кармане, который заготовил еще с вечера — вдруг, наконец, решится вручить его пастору Шелдону. Интересно, Витторини рентгеновским своим взглядом и через одежду сумеет его разглядеть?

Отец Брайен прижал руку к тому месту, где был конверт, и разгладил тщательно, чтобы даже контура не было видно. Это было его прошение о переводе в другой приход.

«Ну, двинулись».

С тихой молитвой он стал спускаться.

— А вот и отец Брайен!

Витторини глядел на него поверх полной тарелки. Жестокий, он еще и есть не начинал, только сахаром посыпал свои кукурузные хлопья.

Отец Брайен как будто шагнул в пустую шахту лифта.

Инстинктивно он выставил вперед руку, как бы защищаясь — потрогал телевизор. Он был теплый. Отец Брайен не мог не связать:

— Опять спиритический сеанс допоздна?

— Да, бдел у экрана.

— «Бдение», — фыркнул отец Брайен, — самое то слово. У постели больного, например, или умирающего. Бывало, я с планшеткой¹ весьма искусно обращался — так в этом хоть какой-то смысл был.

Он перевел взгляд от электрического дебила на Витторини.

— А как место-то называется, где этот баньши² заклиняет, «Канаверал»?

— Запуск был в три часа по полуночи.

— Ну, а вы — свежий, как огурчик. — Отец Брайен двинулся вперед, качая головой. — Не все правда, что красиво.

Витторини старательно размешивал хлопья в молоке.

— А у вас, отец Брайен, вид, как будто вы совершили большое турне по аду этой ночью.

К счастью, в этот момент вошел отец Келли. Он застыл, увидев, как мало еще Витторини уделил внимания своему завтраку. Он что-то пробормотал, уселся и бросил взгляд на отца Брайена — на том лица не было.

— На самом деле, Уильям, вид у вас какой-то... Бессонница?

— Немного.

Отец Келли рассмотрел их обоих, склонив голову набок.

— Что у вас тут происходит? Что-нибудь случилось, пока меня вчера не было?

— У нас была небольшая дискуссия, — сказал отец Брайен, поигрывая ложкой в тарелке.

— Небольшая дискуссия! — сказал отец Витторини, он мог бы засмеяться, но сдержался и просто сказал:

— Ирландского священника сильно беспокоит римский папа.

— Ну зачем так, — сказал Келли.

— Пусть продолжает, — сказал отец Брайен.

— Спасибо за разрешение, — сказал Витторини, вежливо и с дружеским кивком. — Папа — постоянный источник благородного негодования для части, если не всего, ирландского духовенства. Почему бы папе не носить имя Нолан? Почему не зеленая шапочка вместо красной? Почему бы, если на то пошло, не передвинуть собор св. Петра в Корк или Дублин — скорей бы уж двадцать пятый век!

¹ Принадлежность спиритических сеансов

² Дух, вопли которого предвещают смерть.

— Я надеюсь, такого никто не говорил,— сказал отец Келли.

— Я легко раздражаюсь,— сказал отец Брайен,— а в гневе я могу такое подразумевать.

— В гневе? Зачем? И подразумевать — по какой причине?

— Вы слышали, что он только что сказал о двадцать пятом веке? — спросил отец Брайен. — Это когда Флэш Гордон и Бак Роджерс будут влетать в баптистерий через фрамугу, так что вашему покорному слуге придется искать пятый угол.

Отец Келли вздохнул.

— О Господи, опять та самая шутка?

Отец Брайен почувствовал, как кровь прилила к щекам, но поборол себя и вернул ее более спокойным частям своего тела.

— Шутка? Уже давно не шутка. Тут уже целый месяц сплошной мыс Канаверал — и траектории, и космонавты. Можно подумывать, что тут вечное четвертое июля¹, одни ракеты, и он не спит ночи напролет. То есть, я говорю, это что за жизнь, с полуночи и дальше, пиршество в холле с электрической Медузой², которая замораживает ваш интеллект, как только вы на нее посмотрите. Я спать не могу: кажется, в любую минуту дом взлетит на воздух.

— Да, да,— сказал отец Келли,— но причем тут папа?

— Папа, только не нынешний, а тот, что был перед ним,— сказал Брайен устало. — Покажите ему заметку, отец Витторини. Витторини колебался.

— Покажите,— твердо повторил Брайен.

Отец Витторини достал маленькую газетную вырезку и положил на стол.

Отец Брайен смог прочесть, хотя и вверх ногами, дурную новость: «ПАПА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ШТУРМ КОСМОСА».

Отец Келли робко протянул палец, придвинул заметку и вполголоса прочел, подчеркивая каждое слово ногтем:

«КАСТЕЛЬ ГАНДОЛЬФО, ИТАЛИЯ, 20 сентября.— Папа Пий XII благословил сегодня усилия человечества по освоению космоса.

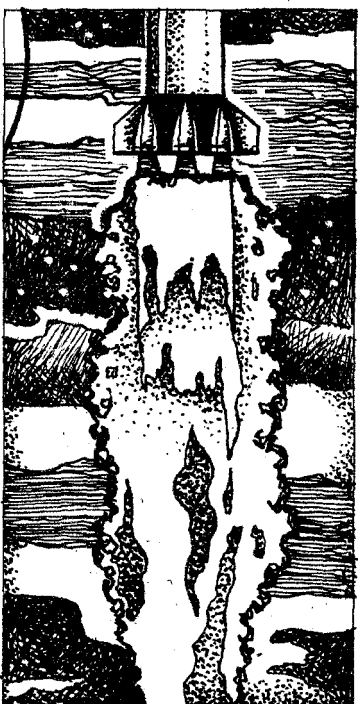
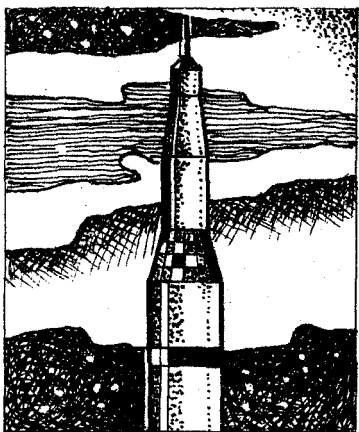
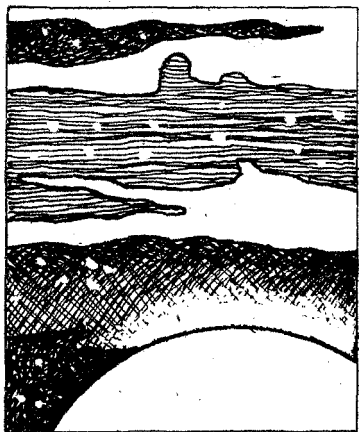
Глава римско-католической церкви сказал делегатам международного конгресса по астронавтике: «У бога нет намерения ограничивать попытки человечества покорить космическое пространство».

400 делегатов из двадцати двух стран были приняты папой в его летней резиденции.

«Этот конгресс явился вехой нашей эпохи. Эпохи иссле-

¹ День независимости США.

² Одна из трех горгон. Превращали людей своим взглядом в камень. (греч. миф.)

дования космического пространства,— сказал папа.— Это касается всего человечества. Человеку придется сделать еще одно усилие, чтобы обрести новую ориентацию по отношению к богу и созданной им Вселенной».

Голос отца Келли прервался.

— Когда это было опубликовано?

— В тысяча девятьсот пятьдесят шестом.

— Так давно? — Отец Келли положил вырезку на стол.—

А я почему-то не читал.

— Кажется,— сказал отец Брайен,— мы с вами, отец, вообще мало читаем.

— Любой мог пропустить,— сказал Келли,— статейка-то крохотная.

— С большой, однако, идеей,— добавил отец Витторини со свойственным ему юмором.

— Дело в том...

— Дело в том,— сказал Витторини,— что когда я впервые упомянул об этом, возникли явные сомнения в отношении моей правдивости. Теперь видно, что я придерживался только истины.

— Конечно,— быстро произнес отец Брайен,— но как выразился наш поэт Вильям Блейк: «Правда, сказанная с дурными намерениями, стоит любой лжи».

— Да.— Витторини расслабился и выглядел прямо-таки дружелюбно.— А разве не Блейк написал:

Тот, кто поражен сомнением,
Обручился с пораженьем.
Если солнце струсит вдруг,
Мрак охватит все вокруг.

— Как раз для космической эры.

Отец Брайен посмотрел на нахала.

— Я бы попросил не цитировать нам нашего Блейка.

— Вашего Блейка? — произнес худой бледный человек с блестящими черными волосами.— А я всегда думал, что он англичанин. Странно.

— Поэзия Блейка,— сказал отец Брайен,— всегда была большим утешением для моей матери. Она говорила, что у него с материнской стороны была примесь ирландской крови.

— И я с удовольствием с этим соглашусь,— сказал отец Витторини.— Но вернемся к нашей заметке. Теперь, когда мы ее обнаружили, пора, кажется, заняться и поисками папской энциклики.

Осторожность отца Брайена, которая была вторым набором нервов у него под кожей, вздрогнула.

— Какой энциклики?

- Ну, той, о полетах в космос.
- Так ведь у него не было такой?
- Была.
- О полетах в космос, специальная энциклика?
- Специальная.

Ирландцы отпрынули, как будто перед ними что-то взорвалось.

Отец Витторини обирающими мелкими движениями чистился после взрыва, снял ниточку с рукава, крошечку со скатерти.

— Разве недостаточно было, — сказал отец Брайен, — того, что он пожимал руки целому стаду астронавтов, говорил им «как здорово» и тому подобное, что ему надо было еще идти и писать об этом?

— Недостаточно, — сказал отец Витторини. — Он хотел, как я слышал, прокомментировать проблему жизни в других мирах и ее влияние на христианское мышление.

Каждое из этих тщательно выговоренных слов заставляло обоих его собеседников все глубже вжиматься в кресла.

— Вы слышали, а не сами читали? — спросил отец Брайен.

— Нет, но я намеревался...

— Что бы ни намеревались. Мне неприятно это говорить, отец Витторини, но иногда вы изъясняетесь не как слуга нашей матери-церкви.

— Я изъясняюсь, — ответил Витторини, — как итальянский священник, который пытается сохранить поверхностное натяжение на церковном болоте, где его превосходит численностью целое стадо служителей нашей матери-церкви — по имени ШОНЕССИ, НАЛТИ, ФЛЭННЕРИ, и все они мечутся в панике, как олени или бизоны, каждый раз, когда я осмелюсь хотя бы прошептать слова «папская булла».

— У меня уже нет никаких сомнений в том, — тут отец Брайен скосил глаза в направлении Ватикана, — что это вы, если только вы могли быть там, втавили святого отца в эту космическую свистопляску.

— Я?

— Вы! Уж наверное не мы притаскиваем сюда целыми вагонами журналы с ракетами на красивых обложках или с зелеными монстрами о шести глазах, преследующими полуголых женщин на далеком астероиде. Это вы начали в паре с этой бестией-телевизором вести обратный счет: «Десять, девять, восемь...» — и до одного, да еще притопываете, так что у нас чуть пломбы из зубов не выскакивают и головная боль. На дистанции между одним итальянцем здесь и другим в Кастель Гандольфо вы сумели подавить все ирландское духовенство!

— Спокойствие! — сказал, наконец, отец Келли.

— Именно спокойствие, и я его достигну так или иначе,— сказал отец Брайен, доставая из кармана конверт.

— Уберите,— сказал отец Келли, чувствуя, что должно быть в конверте.

— Пожалуйста, передайте это от меня пастору Шелдону.

Отец Брайен тяжело поднялся, вглядываясь, где тут дверь или какой-нибудь выход, и исчез.

— Ну вот, посмотрите, что вы наделали! — сказал отец Келли.

Отец Витторини, потрясенный, перестал жевать.

— Но отец, я все время думал, что это дружеская перепалка, и мы оба играем, только он сильно, а я не очень.

— Но игра слишком затянулась, и это проклятое веселье оборачивается чем-то серьезным,— сказал Келли.— Вы не знаете Вильяма так, как я. Вы его на самом деле ранили.

— Я постараюсь сделать все, что от меня зависит...

— Постарайтесь не провертеть дыру в штанах! Теперь уж не мешайте, это задача для меня.— Отец Келли сгреб конверт со стола и посмотрел на свет.— Рентгеновское просвечивание страдающей души, Господи помилуй.

Он поспешил вверх.

— Отец Брайен? — позвал он. Замедлил шаги:

— Отец? — постучал в дверь.— Вильям?

В столовой, опять в одиночестве, отец Витторини силился доесть свои хлопья. Они казались совершенно безвкусными и застревали в глотке.

Только после второго завтрака отцу Келли удалось прижать отца Брайена к стене в маленьком сумрачном садике за домом и вручить ему конверт обратно.

— Вилли, порви, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты сдавался в середине игры. Как давно у вас это длится?

Отец Брайен вздохнул и взял конверт, но не порвал его.

— Вкралось как-то незаметно. Это я первый начал толковать ирландских писателей, а он начал напевать итальянские оперы. Потом я начал рассказывать о книге Келлза¹, а он прогулял меня по эпохе Возрождения. Слава Богу, он не разыскал энциклику об этих проклятых космических путешествиях раньше, а то бы я перевелся в монастырь, где блюдут обет молчания. Но даже там, я боюсь, он не унялся бы и сопровождал запуски на Канаверале азбукой глухонемых. Какой адвокат дьявола² получился бы из него!

¹ Древнее собрание ирландских саг.

² Священник, выступающий оппонентом на канонизации святых.

— Отец!

— Я принесу покаяние за это позже. Да он просто выдра, тюлень, резвящийся с догмами церкви, как с раскрашенным мячиком. Интересно, конечно, смотреть, как тюлени скачут, но не смешивайте их, скажу я, с истинными приверженцами церкви, такими, как вы и я! Это может быть гордыня, но вам не кажется, что это напоминает вариации на правильную тему, только на флейте-пикколо посреди нас, арфистов?

— Что за загадки, Вилли? Мы, священники, должны быть примером для других.

— А кто-нибудь говорил об этом отцу Витторини? Давайте посмотрим правде в лицо: среди священнослужителей итальянцы самые разболтанные. Нельзя даже положиться на то, что они остались бы трезвыми во время Тайной Вечери.

— Будто бы мы, ирландцы, остались бы...— пробормотал отец Келли.

— Мы бы, по крайней мере, подождали, пока Святой обряд не кончится!

— Ну хватит, мы священники или парикмахеры? Все будем волос расщеплять — или отбреем Витторини его же собственной бритвой?

Вильям, у тебя есть какой-нибудь план?

— Разве что баптиста пригласить в посредники.

— Да ну тебя с твоим баптизмом! Ты энциклику разыскал?

— Энциклику?

— Ты что, дожидаясь, когда рак на горе свистнет? Нужно обязательно прочесть этот космический эдикт! Проработать, запомнить, а затем атаковать нашего ракетчика на его собственной территории! Теперь в библиотеку — как там кричат мальчишки? Пять, четыре, три, два, один — поехали!

— Или непечатный эквивалент.

— Можно и непечатный. А теперь — за мной!

Они столкнулись с пастором Шелдоном, когда тот выходил из библиотеки.

— Бесполезно, — сказал пастор, улыбаясь, когда разглядел румянец на их лицах, — вы ее там не найдете.

— Не найдем что? — отец Брайен увидел, что пастор смотрит на письмо, которое он все еще держал в руках, и быстро спрятал его. — Что не найдем?

— Ракетный корабль велик для наших маленьких апартаментов, — сказал пастор в слабой попытке казаться загадочным.

— Уж не склонил ли Вас итальянец на свою сторону? — воскликнул с тревогой отец Келли.

— Нет, просто уже земля слухом полнится. Я пришел, чтобы самому кое в чем удостовериться.

— Итак,— с облегчением выдохнул Брайен,— вы на нашей стороне?

Взгляд пастора Шелдона погрузнел.

— А тут есть какие-нибудь стороны, отче?

Они вместе вошли в маленькую библиотеку. Отец Брайен и отец Келли сели очень неловко, каждый на краешке своего стула. Отец Шелдон остался стоять, не отводя взгляда от их смущенных лиц.

— Ну, почему вы боитесь отца Витторини?

— Боимся? — отец Брайен как будто удивился этому слову и с нажимом выговорил: — Скорее, негодуем.

— Одно ведет к другому,— признал Келли и продолжил: — Видите ли, пастор, это один городок в Тоскане кидает камушки в Мейнут, который, как вы знаете, находится в нескольких милях от Дублина.

— Я ирландец,— сказал пастор со смирением.

— Вот именно поэтому мы и не можем понять вашей глубокой невозмутимости при подобном безобразии,— сказал пастор.

— Я ирландец из Калифорнии,— сказал пастор.

Он подождал, пока до них это дойдет. После некоторой паузы отец Брайен жалобно выдал из себя:

— А мы и забыли.

Он взглянул на пастора и увидел, что тот совсем недавно загорел, это был цвет лица человека, ходившего, как подсолнух, повернувшись к солнцу, даже здесь, в Чикаго, старавшегося получить сколько можно света и тепла, чтобы поддержать свое существо. Он увидел человека с фигурой игрока в бадминтон и теннис. Если взглянуть на его руки во время проповеди, можно представить, как он плывет под теплым небом Калифорнии.

Отец Келли засмеялся.

— Ирония судьбы! Как все просто оказалось. Отец Брайен, вот вам и баптист!

— Баптист? — спросил пастор Шелдон.

— Без обид, пастор, но мы искали посредника, а тут как раз вы, ирландец из Калифорнии, который совсем недавно познакомился с метелями Иллинойса... Мы родились и выросли на холмах Корка и Килкока. Из нас это не выбьешь и двадцатью годами Голливуда. А говорят, я слышал, что Калифорния похожа на... — Келли помедлил,— на Италию?

— Вон куда вы клоните,— пробормотал отец Брайен.

Пастор Шелдон кивнул, выражение его лица было одновременно приветливым и печальным.

— У меня кровь, как у вас, но я вырос в климате, похожем на римский. Так что, отец Брайен, я совершенно искренне спрашивал, какие тут могут быть стороны.

— Ирландец, да не совсем ирландец,— загрустил отец Брайен.— Хотя и не итальянец. Природа просто забавляется нашей плотью.

— Только если мы ей позволяем, Вильям и Патрик,— произнес Келли.

Священники чуть вздрогнули при звуке своих имен.

— Вы до сих пор не ответили: чего вы испугались?

Отец Брайен наблюдал, как его руки слабо цепляются одна за другую, как смущенные борцы в начале схватки.

— Видите ли, как только оказывается, что на земле все устроилось, по крайней мере, выглядит на первый взгляд, как победа — является вдруг Витторини...

— Простите меня, отец,— сказал пастор,— является вдруг реальность. Является пространство, время, энтропия, прогресс — является миллион вещей, всегда. Не отец Витторини изобрел космические полеты.

— Да, но он умудряется на них греть руки. Послушать его, так «все начинается с мистики и кончается политикой». Ну, да ладно. Я спрячу дубинку, если он уберет свои ракеты.

— Нет, лучше оставим все, как есть,— возразил пастор.— Лучше не прятать неистовство и особые способы передвижения в пространстве, лучше с ними поработать. Почему бы нам не забраться в ракету, отец, и не поучиться у нее?

— Чему поучиться? Тому, что большинство вещей, которым мы научились на Земле, ни на что не годятся на Марсе, Венере или куда там еще засунул бы нас Витторини? Отправить Адама и Еву в какой-нибудь новый Эдем, на Юпитер, при помощи нашей собственной ракеты? Или, хуже того, обнаружить, что нет ни Эдема, ни Адама, ни Евы, ни проклятого Яблока, ни Змея, ни Грехопадения, ни Первородного Греха, ни Благовещения, ни Рождения, ни Сына — можете сами продолжить список, ничего вообще на этих окаянных мирах! Этому, что ли, мы должны научиться, пастор?

— Если понадобится, то и этому,— сказал пастор Шелдон.— Это Божий космос и Божьи миры в нем. Мы не должны пытаться тащить за собой наши соборы, когда все, что нужно, это уложить с вечера чемодан. Церковь может быть упакована в коробку не больше, чем нужна для атрибутов, необходимых для обедни, так что все можно унести в руках. Позвольте это отцу Витторини,— люди из южных пределов уже очень давно научились строить из воска, который легко тает и принимает форму в гармонии с движением и тем, что нужно человеку. Вильям, Вильям, если

вы будете настаивать на том, чтобы строить из льда, он расколется, когда пройдет звуковой барьер, или растает в ракетном пламени и не оставит вам ничего.

— Такому,— сказал отец Брайен,— трудно научиться в пятьдесят лет, пастор.

— Однако учитесь, у вас должно получиться,— сказал пастор, прикасаясь к его плечу.— Вот вам задание: помириться с итальянским священником. Найдите сегодня способ для встречи умов, попотейте, отец.

Ну, а для начала, так как библиотека у нас небольшая, покопайтесь где-нибудь еще, разыщите эту космическую энциклику, чтобы хоть знать, из-за чего шумим.

И через мгновение он исчез.

Отец Брайен слышал умирающий звук быстрых ног — как будто белый мяч уже летел высоко в опьяняющем воздухе, и пастор торопился принять участие в волейбольном матче.

— Ирландец, да не ирландец. Хотя и не итальянец. А мы-то кто, Патрик?

— Я уже начинаю сомневаться,— был ответ.

И они двинулись в город, в библиотеку побольше, где можно было бы найти великие мысли папы по поводу открытого космоса.

Поздно вечером, когда ужин давно уже прошел, фактически, когда уже пора было ложиться, отец Келли двигался по дому, стучал в двери и что-то шептал.

В десять часов отец Витторини спустился вниз — и у него дух захватило от удивления.

Отец Брайен, стоя у неиспользуемого камина, грел руки над газовой горелкой, стоящей на решетке, и даже не повернулся на звук шагов.

На специально освобожденном месте стоял телевизор, перед ним четыре кресла и два маленьких столика с двумя бутылками и четырьмя стаканами. Все это приготовил отец Брайен, не позволив отцу Келли помогать совсем. Теперь он обернулся, потому что подходили Келли и пастор Шелдон.

Пастор помедлил в дверях и обозрел помещение.

— Чудесно,— он помолчал и добавил: — я думаю. Дайте-ка взглянуть...— Прочел этикетку на бутылке.— Отец Витторини сидет здесь.

— У «Ирландского мха»? — спросил Витторини.

— Как и я,— сказал отец Брайен.

Витторини с заметным удовольствием сел.

— А остальные усядутся возле «Слезы Христовой», как я понимаю? — сказал пастор.

— Это итальянское вино, пастор.

— Я, кажется, о нем слышал,— сказал пастор и сел.

— Вот,— отец Брайен поспешно протянул руку и, не глядя на Витторини, налил ему полный стакан «Мха»,— переливание ирландской крови.

— Позвольте мне,— Витторини кивком поблагодарил и поднялся, в свою очередь, чтобы наполнить стаканы остальных.— Слезы Христа и солнце Италии,— сказал он.— Ну, а теперь, перед тем, как выпьем, я кое-что скажу.

Другие ждали, глядя на него.

— Папской энциклики о космических полетах,— сказал он наконец,— не существует.

— Мы обнаружили это,— сказал Келли,— несколько часов назад.

— Отцы, простите меня,— сказал Витторини.— Я, как рыбак на берегу, который, завидя рыбу, берет побольше наживки. Я все это время подозревал, что энциклики не было. Но каждый раз, когда я заводил разговор об этом в городе, столь многие священники из Дублина отрицали ее существование, что я пришел к мысли: должна существовать! Они не проверили, потому что боялись: а вдруг найдут. А я не проверял из-за своей гордости: а вдруг не найду. Так что римская гордость или дублинская гордость не многим отличаются. Скоро мне предстоит перевод, я буду неделю хранить молчание, пастор, и принесу покаяние.

— Хорошо, отец, хорошо,— пастор Шелдон поднялся.— У меня маленькое объявление. В следующем месяце прибывает новый священник. Я долго об этом думал. Он итальянец, родился и вырос в Монреале.

Витторини прикрыл один глаз и попытался представить себе новичка.

— Если церковь должна быть всем для всех,— сказал Шелдон,— то меня интересует мысль о горячей крови, возвращенной в холодном климате, как у нашего нового итальянца; так же завораживает и обратное: холодная кровь, возвращенная в Калифорнии. Нам нужен тут еще один итальянец, чтобы утрясти некоторые вещи. Ну, кто-нибудь предложит тост?

— Можно, я, пастор? — Отец Витторини опять поднялся, мягко улыбаясь. Глаза его светились, он посмотрел на пастора, на всех троих. Поднял стакан:

— Разве Блейк не сказал как-то об «орудиях радости»? То есть, разве Бог не создал природу, а потом не растревожил ее вызывающей плотью, игрушечными мужчинами и женщинами, какими мы все и являемся? И так счастливо призванные, с самым лучшим, что у нас есть, с добрыми чувствами и тонким умом,

в мирный день в благодатном краю — разве мы не Господни орудия радости?

— Если Блейк сказал так на самом деле, — сказал отец Брайен, — то беру все обратно. Он никогда не жил в Дублине!

Все засмеялись.

Витторини пил «Ирландский мох» и кротно молчал.

Остальные пили итальянское вино и понемногу смягчились. Потом умиротворенный отец Брайен предложил:

— Витторини, не включить ли нам этого нечестивца?

— Канал девятый?

— Конечно, девятый!

Пока Витторини крутил ручки, отец Брайен размышлял над своим стаканом.

— А что, Блейк на самом деле так говорил?

— Фактически, отец, — сказал Витторини, склоняясь к призракам, которые появлялись и исчезали на экране, сменяя друг друга, — он мог так сказать, если бы жил в наши дни. Я написал это сам, сегодня.

Все поглядели на итальянца с некоторым благоговением. Телевизор погудел и дал ясную картину: вдалеке стояла ракета, ее готовили к запуску.

— Орудия радости, — сказал отец Брайен, — не одно ли из них вы сейчас настраиваете? И не другое ли там стоит, готовое взлететь?

— Может быть, — мурлыкал Витторини. — И если эта штука взлетит, с человеком внутри, и живой и невредимый он облетит вокруг света, и мы вместе с ним, хотя и сидим здесь, — вот и будет радость.

Ракету готовили к запуску, и отец Брайен на некоторое время прикрыл глаза. «Прости меня, Господи, — думал, — прости старику его гордыню, и прости Витторини его ехидство, и помоги мне понять, что я тут сегодня увижу, и не спать, если потребуется, не теряя юмора, и пусть с этой шутовщиной все будет в порядке. — взлетит и опустится с человеком там, внутри, Господи, думай о нем и будь с ним. И помоги мне, Господи, в разгар лета, когда неотвратимый, как судьба, Витторини вечером четвертого июля соберет ребят со всего квартала на ректорском газоне запускать праздничные ракеты. Все они будут смотреть на небо, как в утро Искушения, и помоги мне Господи, быть, как эти дети, перед великой ночью времени и пустоты, где ты пребываешь. И помоги мне, Господи, подойти и зажечь ближайшую ракету в честь Дня Независимости, и стоять рядом с отцом-итальянцем, с таким же восторженным лицом, как у ребенка — перед лицом сверкающей славы, и даруй нам наслаждение».

Он открыл глаза.

Голоса издалека, с Канаверала, кричали в ветре времени. На экране проступали странные призрачные силы. Он допивал остатки вина, когда кто-то тихонько тронул его за локоть.

— Отец,— сказал Витторини рядом с ним,— пристегните ремни.

— Сейчас,— сказал отец Брайен,— сейчас пристегну. Большое спасибо.

Он откинулся в кресле. Закрыв глаза. Дождался грома. Дождался пламени. Дождался вибрации и голоса, который учил глупой, странной, дикой и чудесной вещи — обратному счету, назад... до нуля.

ПОДМЕНА

Квосьми часам она уже разложила длинные тонкие сигареты, расставила хрустальные бокалы для вина и изящное серебряное ведерко с кубиками колотого льда, среди которых, покрываясь бисеринками изморози, медленно охлаждалась зеленая бутылка. Она встала, окидывая взглядом комнату, в которой все было олицетворением опрятности и аккуратности, с удобно расставленными чистыми пепельницами. Она взбила подушку на тахте и отступила назад, еще раз окидывая все оценивающим взглядом. Потом заторопилась в ванную комнату и вернулась оттуда с бутылочкой стрихнина, которую положила под журнал на краю стола. Молоток и ледоруб были припрятаны еще раньше.

Она была готова.

Будто ожидая этого, зазвонил телефон. Когда она ответила, с другого конца провода донесся голос:

— Я иду.

Он стоял сейчас на безучастно проплывающем по железной глотке здания эскалаторе, теребя пальцами аккуратно подстриженные усы, в хорошо подогнанном белом летнем костюме с черным галстуком. Его можно было бы назвать приятным блондином с немного поседевшими волосами. Этакий привлекательный мужчина пятидесяти лет, делающий визит даме тридцати лет, еще не потерявший свежесть, компанейский, не прочь пригубить вина и не чуждый всего остального.

— Лгунишка,— прошептала она почти одновременно с его стуком в дверь.

— Добрый вечер, Марта,— поприветствовал он.

— Так и будешь стоять на пороге? — она мягко поцеловала его.

— Разве так целуются?— Его глаза потемнели.— Вот как надо.— И он надолго припал своими губами к ее.

Закрыв глаза, она подумала: неужели все изменилось с прошлой недели, прошлого месяца, прошлого года? Но что ее заставляет подозревать? Какая-то мелочь. Это даже невозможно было выразить, настолько все тонко. Он изменился неувловимо и окон-

чительно. Настолько заметным сейчас стало его превращение, что уже в течение двух месяцев по ночам невеселые мысли напрочь отгоняли сон. Ночным бдениям в четырех стенах она стала предпочитать полеты на вертолете к океану и обратно, чтобы забыться, развлекаясь проецируемыми прямо на облака фильмами, которые уносили ее назад, в 1975 год, воскрешая в ней воспоминания, плавно сменяющие друг друга в морском тумане, с голосами, похожими на голоса богов при звуках прибоя.

— Неважный ответ,— произнес он после поцелуя, чуть отошел и окинул ее критическим взглядом.— Что-нибудь не так, Марта?

— Нет, ничего,— ответила она и подумала про себя, что все не так.— Ты не такой. Где ты был сегодня вечером, Леонард? С кем ты танцевал вдали отсюда или пил в комнате на другом конце города? С кем ты был изысканно обходителен? Раз большую часть времени ты провел не в этой комнате, то я собираюсь бросить тебе в лицо доказательства всех твоих посторонних связей.

— Что это? — спросил он, оглядываясь вокруг.— Молоток? Ты что, собиралась повесить картину, Марта?

— Нет, я собиралась ударить тебя им,— сказала она со смехом.

— Да, конечно,— подхватил он, улыбаясь.— Тогда, может, вот это изменит твоё намерение?

Он открыл обитый бархатом футляр, в котором переливалось жемчужное ожерелье.

— О, Леонард! — Она надела его дрожащими пальцами и, возбужденная неожиданным подарком, повернулась к нему.— Ты так добр ко мне.

— Пустяки, дорогая.

В эти минуты почти забылись все подозрения. Он ведь был с ней, разве не так? У него несколько не прошел интерес к ней, не так ли? Конечно нет. Он был таким же добрым, великодушным и обходительным с ней. Никогда она не видела его приходящим без какого-либо подарка на запястье или на палец. Тогда почему ей неуютно в его присутствии?

Все началось с той фотографии в газете два месяца назад. Фотография его с Алисой Саммерс в Клубе в ночь на семнадцатое апреля. Снимок попал ей на глаза лишь месяц спустя, и тогда она заинтересовалась:

— Леонард, ты ничего не говорил мне о том, что приглашал Алису Саммерс в Клуб в ночь на семнадцатое апреля.

— Неужели, Марта? По-моему, говорил.

— Но ведь это было в ту ночь, когда мы оставались вместе, здесь.

— Не понимаю, как так могло произойти. Мы поужинали, потом слушали симфонии и пили вино до самого утра в Клубе.

— Я уверена, что ты был со мной, Леонард.

— Ты перебрала лишнего, дорогая. Кстати, может, ты ведешь дневник?

— Я не девочка.

— Ну, а что же ты тогда? Ни дневника, ни записей. Я был здесь в предыдущую или в следующую ночь, вот и все. Ну ладно, хватит об этом. Марта, давай выпьем.

Но ее не успокоили его объяснения. Она не могла бы заснуть от мысли и уверенности, что он был у нее ночью семнадцатого апреля. Конечно, это был нонсенс. Его не могло быть сразу в двух местах.

Оба они стояли, глядя на молоток, лежащий на полу. Она подняла его и положила на стол.

— Поцелуй меня,— неожиданно вырвалось у нее. Ей вдруг захотелось именно сейчас больше, чем когда-либо, быть уверенной в нем. Он обнял ее и сказал:

— Сначала бокал вина.

— Нет,— настаивала она и поцеловала его.

Да, оно было. Это различие. Невозможно было рассказать про это кому-нибудь или даже описать. Все равно, что стараться описать незрячему красоту радуги. Но в поцелуе произошел неуловимый химический процесс. Это уже не поцелуй мистера Леонарда Хилла. Он напоминал поцелуй Леонарда Хилла, но достаточно отличался, чтобы у нее включился и заработал какой-то подсознательный механизм сомнения. Что обнаружил бы анализ во влаге его губ? Нехватку каких-то бактерий? И, что касается самих губ, стали они мягче или тверже?

Что-то неуловимое.

— Хорошо, теперь вино,— сказала она и открыла бутылку. Налила полные стаканы.— Ой, ты не сходишь на кухню за салфетками?

Пока его шаги раздавались в другой комнате, она налила в его бокал стрихнин. Он вернулся с салфетками, положил их под бокалы и поднял свой.

— За нас.

О, господи, мелькнуло у нее в голове, а что, если я ошибаюсь? Вдруг это действительно он? Может, я шизофреничка, действительно чокнутая и не подозреваю об этом?

— За нас,— подняла она другой бокал.

Он выпил вино одним глотком, как всегда.

— Господи,— поморщился,— какой ужас. Где ты его откопала?

— В Модести.

— Больше не бери там. Впрочем, не отказался бы еще.

— Хорошо, у меня есть еще в холодильнике.

Когда она принесла новую бутылку, он сидел там же, посвеживший и оживленный.

— Ты замечательно выглядишь, — отметила она.

— Прекрасно себя чувствую. А ты красивая. Думаю, сегодня я люблю тебя больше, чем когда-либо.

Она ждала, когда он завалится на бок и вытаращит потускневшие, мертвые и изумленные глаза.

— Ну что ж, продолжим, — донесся до нее его голос. Он открыл бутылку. Когда она опустела, прошел уже час. Он рассказывал какие-то забавные коротенькие истории, держа ее руки в своих и осыпая их поцелуями. Наконец заглянул ей в глаза и спросил:

— Ты сегодня какая-то тихая, Марта. Чтонибудь произошло?

— Нет, — раздался ее ответ.

На прошлой неделе была передача новостей, которая окончательно беспокоила ее и заставила решиться выяснить все, передача, которая точно объясняла ее одиночество с ним. О куклах. Патентованные куклы. Не то, чтобы они действительно существовали, но ходили слухи, полиция расследовала их.

Куклы в рост человека, механические, не на нитках, секретные, сделанные под настоящих людей. На черном рынке их можно купить за десять тысяч. Можно заказать свою точную копию. Если осточертели знакомые лица, можно послать куклу вместо себя, которая будет пить вино, сидеть на обедах, здороваться, обмениваться сплетнями с миссис Райнхарт по левую руку, с мистером Симмонсом по правую, миссис Гленнер, сидящей напротив.

Подумать только, сколько idiotских разговоров о политике можно пропустить мимо ушей, сколько ненужных тошнотных шоу можно никогда не смотреть. А сколько зануд встретится на пути, с которыми можно не тратить нервов. И, в конце концов, подумать только о драгоценных любимых, которых на время можно и забыть, ни на минуту не отлучаясь от них.

Когда ее мысли дошли до последнего пункта, с ней почти приключилась истерика. Конечно, доказательств существования таких кукол не было. Всего лишь скрытые слухи, вполне достаточные, чтобы впасть в истерику впечатлительному человеку.

— Опять ты витаешь в облаках, — нарушил он ход ее мыслей. — О чем это ты размышляешь?

Ее взгляд задержался на нем. Было до ужаса глупо, в любой момент его тело могло упасть в конвульсиях и навсегда замереть. А потом она пожалеет о своей ревности.

Не думая, она ляпнула:

— Твой рот. У него какой-то забавный привкус.

— Помилуй, господи. Нужно следить за собой, да?

— В последнее время у твоих губ какой-то странный привкус. В первый раз он казался смущенным.

— Неужели? Я обязательно проконсультируюсь со своим врачом.

— Не обращай внимания.

Она почувствовала, как ее сердце быстро забилося и ей стало зябко. Его рот. В конце концов, какими искусными ни были бы химики, им не удалось бы проанализировать и воспроизвести точно такой же привкус. Вряд ли. Вкус индивидуален. Но вкус — лишь одна сторона вопроса, была также и другая. Ей не терпелось проверить зародившееся подозрение. Она подошла к кушетке и вытащила из-под нее пистолет.

— Что это, — спросил он, глядя на ее руки, — пистолет? Как трагично.

— Я раскусила тебя.

— А что, собственно, было раскусывать? — захотелось узнать ему, спокойному, с крепко сжатым ртом и моргающими глазами.

— Ты лгал мне. Тебя не было здесь недель восемь, если не больше.

— Неужели? Где же я, по-твоему, был?

— С Алисой Саммерс, конечно! Голову даю на отсечение, что ты и сейчас с ней.

— Как это? — спросил он.

— Я не знаю Алису Саммерс, никогда не встречала ее, но думаю позвонить ей прямо сейчас.

— Сделай милость, — ответил он, глядя ей в глаза.

— И позвоню.

Она двинулась к телефону. Рука ее тряслась, так что еле удалось набрать номер. Ожидая, пока на том конце провода снимут трубку, они смотрели друг на друга, он с видом психиатра, наблюдавшего за необычным феноменом.

— Моя дорогая Марта, — нарушил он молчание, — тебе необходимо...

— Сидеть!

— Моя дорогая Марта, — не унимался он, — чего ты начинала?

— Все о марионетках.

— Об этих куклах? О господи, Марта, мне за тебя стыдно. Это все глупости. Я заглядывал туда.

— Что?!

— Ну, разумеется! — крикнул он облегченно. — У меня так много общественных обязанностей, и потом, как ты знаешь, моя первая жена приехала из Индии и требовала, чтобы я уделял

ей время, и я подумал, как прекрасно было бы иметь свой дубликат, лишь бы не тратить на нее время и сбить ее с моего следа, ведь здорово, правда? Но все это лишь мечты. Одна из праздных фантазий, уверяю тебя. А сейчас положи трубку и давай выпьем вина.

Она стояла, глядя на него. Уже почти положила трубку, поверив ему, пока до ее сознания не дошло слово «вино». Тут она встряхнулась и сказала:

— Подожди. Но ты не можешь со мной разговаривать! Я положила тебе в вино яд, достаточно, чтобы отравить шестерых. У тебя же ни малейшего признака. Это что-то доказывает, не так ли?

— Да ничего это не доказывает. Доказывает лишь, что аптекари ошиблись, дав тебе не ту бутылку, только очень похожую. Мне жаль тебя разочаровывать, но я чувствую себя прекрасно. Отключи телефон и будь умницей.

Она все еще сжимала в руке трубку. Из нее донесся голос:

— Ваш номер Эй-Би-один-два-два-четыре-девять.

— Я хочу удостовериться, — сказала она ему.

— Ну, хорошо, — пожал он плечами, — если мне здесь не верят, боюсь, больше не приду сюда. Единственное, что тебе нужно, моя милая леди, это хороший психиатр. В худшем случае, ты уже на грани!

— Я хочу удостовериться, — повторила она. — Это оператор? Дайте, пожалуйста, Эй-Би-один-два-два-четыре-девять.

— Марта, перестань, — сделал он последнюю попытку, вытянув руку, но продолжая сидеть.

На другом конце раздавались долгие гудки. Наконец ответил голос. С минуту Марта прислушивалась к нему и бросила трубку.

Леонард заглянул ей в лицо и сказал:

— Ну вот. Удовлетворена?

— Да, — сквозь стиснутые зубы ответила она и подняла пистолет.

— Нет! — вскричал он. Потом вскочил на ноги.

— На том конце был твой голос, — сообщила она. — Ты был с ней!

— Ты сумасшедшая, — снова раздался его крик. — Господи, это ошибка, это кто-то другой, ты переутомилась, и тебе показалось!

Пистолет выстрелил дважды, трижды.

Он упал на пол.

Она подошла и склонилась над ним. Ей стало страшно, и, помимо воли, ее тело стали сотрясать рыдания. Тот факт, что Лео-

нард упал к ее ногам, удивил ее. Ей представлялось, что кукла не упадет, а лишь рассмеется над ней, невредимая и бессмертная.

— Я ошиблась. Я сумасшедшая. Это Леонард Хилл, убитый моей рукой.

Он лежал с закрытыми глазами, губы его еле заметно шевелились:

— Марта, почему тебе не было так хорошо одной, о, Марта!

— Я позову врача,— проговорила она.

— Нет, нет, нет,— его вдруг прорвало смехом.— Тебе нужно кое-что узнать. Что же ты наделала? Впрочем, это я идиот, мог бы и раньше подумать.

Пистолет выпал из разжатых пальцев.

— Я...— давил его смех,— меня не было здесь, с тобой, целый... целый год!

— Что!

— Год, двенадцать месяцев! Да, Марта, двенадцать месяцев!

— Ты лжешь!

— А, теперь ты мне не веришь, да? Что же так изменило тебя за десять секунд? Думаешь, я Леонард Хилл? Забудь!

— Так это был ты? Который сейчас у Алисы Саммерс?

— Я? Нет! С Алисой я познакомился год назад, когда первый раз ушел от тебя.

— Ушел от меня?

— Да, ушел, ушел, ушел! — кричал он и захлебывался смехом, лежа на полу.— Я измученный человек, Марта. У меня слабое сердце. Все эти гонки с препятствиями обошлись мне слишком дорого. Я подумал, что нужно сменить обстановку. Поэтому ушел к Алисе, которая скоро надоела мне. А потом к Хелен Кингсли, помнишь ее, не так ли? И она меня утомила. И я сбежал к Энн Монтгомери. И она не последняя. О, Марта, моих дубликатов по крайней мере еще шесть штук, механических лицемеров, проводящих ночи в постелях шести женщин в разных частях города и делающих их счастливыми. А знаешь, что я делаю сейчас, настоящий Леонард Хилл? Сейчас я лежу дома на кровати, читая маленький сборничек эссе Монтеню, попивая шоколад с молоком. В десять я тушу свет, через час уже буду спать сном невинного младенца до самого утра и встану утром свежим и свободным.

— Прекрати! — взвизгнула она.

— Мне нужно досказать тебе. Ты перебила мне пулями несколько проводов. Я не могу встать. Если придут доктора, они так или иначе все поймут. Я не совершенен. Достаточно хорошо, но не совершенен. О, Марта, мне не пришлось ранить твое сердце. Поверь мне, я только хотел твоего счастья. Поэтому старался быть таким осторожным со своими отлучками. Я выкинул пятнад-

цать тысяч за эту модель, совершенную во всех отношениях, в каждой детали. А их много. Слюна, к примеру. Прискорбная ошибка. Она тебя и навела на догадку. Но ты должна знать, что я любил тебя.

Ей подумалось, что сейчас не выдержат ноги, она упадет или сойдет с ума. Его надо остановить.

— И когда я увидел, что другие тоже полюбили меня,— продолжался его шепот, глаза были открытыми,— пришлось завести дубликаты и для них. Бедные создания, они тоже меня любили. Мы ведь не скажем им, Марта, ладно? Обещай мне, что ничего не расскажешь. Я от всего устал, мне нужен только покой, книжка, немного молока и подольше спать. Ты не позвонишь им и сохранишь все в тайне?

— Весь этот год, целый год я была одна, каждую ночь одна,— пробормотала она, внутренне холодея.— Разговаривала с механическим уродом. Любила мираж! Все время в одиночестве, когда могла быть с кем-то живым!

— Я еще могу любить тебя, Марта.

— О, господи! — зашлась она в крике, хватаясь за молоток.

— Нет, Марта!

Она разможила ему голову, била по груди, по отслаивающимся рукам, по дергающимся ногам. Ее молоток продолжал опускаться на голову, пока сквозь лопнувшую кожу не заблестела сталь и неожиданно не взметнулся вверх фонтан из скрученных проводов и медных шестеренок, разлетевшихся по всей комнате.

— Я люблю тебя,— шевельнулись губы.

Она ударила по ним молотком, и оттуда выкатился язык. На паркет выкатились стеклянные глаза. Как безумная, она тупо колотила по тому, что раньше было Леонардом Хиллом, до тех пор, пока оно не рассыпалось по паркету, как железные остатки игрушечной электрички. Долбя по ним, она хохотала.

На кухне отыскилось несколько картонных коробок. Она распахала в них все эти шестеренки, провода, раскуроченные железные блоки и заклеила сверху. Спустя десять минут снизу был вызван посыльный мальчишка.

— Отнеси эти коробки мистеру Леонарду Хиллу, дом семнадцать по Элм-Драйв,— сказала она, подтолкнув его к выходу.— Прямо сейчас, ночью. Разбуди мистера и обрадуй его сюрпризом от Марты.

— Коробки с сюрпризом от Марты,— повторил рассыльный.

Как только дверь захлопнулась, она села на тахту с пистолетом в руках, вертя его и к чему-то прислушиваясь.

Последнее, что она слышала в жизни, был звук перетаскиваемых вниз коробок, побрякивающего железа, трения шестеренки о шестеренку, провода о провод, медленно затихающий.

КАК МОРЯК ВОЗВРАЩАЕТСЯ С МОРЯ

— Доброе утро, капитан.
Доброе утро, Хэнкс.

— Кофе готов, сэр, садитесь.

— Благодарю, Хэнкс.

Старый человек сел к кухонному столу.

Он посмотрел на свои сложенные руки: они были напряжены, как трепещущая в ледяной воде форель, и даже воздух вокруг них дрожал. Когда ему было десять лет, он видел таких форелей в горных потоках. Его восхищало тогда это трепетание — потому что, пока он смотрел, они как бы выцветали.

— Капитан, — встревоженно спросил Хэнкс, — вы здоровы?

Капитан резко поднял голову, и в глазах его блеснуло прежнее пламя.

— Я думаю! И что значит «вы здоровы»?

Повар поставил на стол кофе, от которого разносился теплый аромат женщины, настолько отдаленный в минувшее, что капитан почувствовал только смутный запах мускуса и толченых благовоний. Внезапно он чихнул, и Хэнкс подошел к нему с носовым платком.

— Спасибо, Хэнкс. — Он высморкался, а потом осторожно отпил ароматную жидкость.

— Хэнкс?

— Да, сэр, да, капитан?

— Барометр падает.

Хэнкс обернулся и посмотрел на стену.

— Нет, сэр, он показывает хорошую и тихую погоду; это и показывает — хорошую и тихую!

— Буря надвигается. Нас ждет трудное плавание, и пройдет много времени, прежде чем снова наступит затишье.

— Не говорите так! — сказал Хэнкс, повернувшись к нему.

— Надо говорить, как чувствуешь. Затишье когда-нибудь кончится. И начнется буря. Я давно готов к ней.

Давно, да. Сколько лет? Песок вытек из песочных часов и больше ничего не измерит. И снег засыпал его, как бы наслоившись белым поверх белого, погребя все под глубокими холодными пластами воспоминаний.

Он встал, покачнувшись, подошел к дверям корабельной кухни, распахнул их и вылез наружу...

...на открытую галерею верхнего этажа дома, построенную, как нос корабля; на галерею, сделанную из просмоленных досок старых кораблей. Посмотрел вниз, не на воду, а на выгоревшую летом землю на переднем дворе. Подошел к перилам и взгляделся в слабо закругленную линию холмов, тянущихся везде, куда бы не повернулся человек, куда бы не бросил взгляд.

«Что мне здесь делать,— подумал он в сильном возбуждении,— в этом странном доме-корабле, стоящем без паруса посреди пустынных прерий, где единственный звук — это свист крыльев птицы, летящей в одном направлении осенью и в противоположном — весной!»

Успокоившись, он взял бинокль, что висел на перилах — осмотреть пустынную местность.

Кэт, Катрин, Кати, где ты сейчас?

Ночью, забравшись глубоко в постель, уже засыпая, он вспомнил прошедший день и свои блуждания по закоулкам памяти. Он был один, уже двадцать лет один, если не считать Хэнкса — первого, кого он видел при восходе солнца, и последнего — при закате.

А Кэт?

Перед тысячью бурь и тысячью штилей прошла буря и наступил штиль, которые оставили глубочайший след в его жизни.

— Это он, Кэт! — услышал он разносящийся ранним утром над палубой свой голос. — Это тот корабль, на котором мы поплывем, когда пожелаем!

И они снова отправились в путешествие. Кэт, как какое-то чудо... скольких... чуть больше двадцати пяти лет, а он уже давно за сорок, но не старше ребенка. Он взял ее за руку, и они пошли вверх по мосту. Тогда Кэт с легким колебанием обернулась лицом к холмам Сан-Франциско и сказала вполголоса, ни к кому не обращаясь:

— Никогда больше я не ступлю на сушу.

— Прошу тебя, не говори так!

— О, да,— настаивала она тихо. — Это будет очень долгое путешествие.

И на миг он почувствовал только сильный скрип корабля, как будто судьба вернулась во сне.

— Почему ты сказала это? — спросил он. — Это нелепо.

Кэт прошла вперед и ступила на корабль.

Отплыли они той же ночью от Южного острова: молодой муж, похожий медлительностью на черепаху, и молодая жена, подвижная, как саламандра, что танцует в огненной печи камбуза в августовские жаркие вечера.

Потом, в середине плавания, над кораблем опустился штиль, подобно огромному теплому дуновению, что испускает парус в печальном, но спокойном вздохе.

А может быть, это был вздох его или Кэт, которая поднялась на палубу, чтобы послушать.

Но ни одна мышь не пискнула среди канатов, ни единого звука не издавали паруса, и ни разу по палубе не шлепнула босая нога. Видно, корабль был околдован. Наверное, поднимающаяся Луна изрекла свою серебряную мысль — «покой».

Моряки, окаменевшие на своих местах от заклинания, не обернулись, когда капитан и его жена отошли от релинга, потому что настоящее превратилось в вечность.

Тогда, как бы прочитав будущее в зеркале, пленившем корабль, она жарко воскликнула:

— Никогда не было более красивой ночи, не было двух более счастливых душ на лучшем, чем этот, корабле. О, мы можем оставаться тут тысячу лет, настолько это прекрасно. Это наш собственный мир, в котором мы сами создаем правила и живем, повинаясь им. Обещай, что никогда не позволишь себе умереть.

— Никогда, — ответил он. — Но почему ты говоришь это?

— И меня заставь поверить в это.

Тогда он вспомнил и рассказал ей легенду, в которой говорилось об одной умной и красивой женщине, которую стали ревновать боги. И однажды они сделали так, что она оказалась в море, на корабле, и никогда не могла уже достигнуть суши, потому что земля обременит ее своей тяжестью, она ослабнет от чрезмерных познаний, бессмысленных путешествий и бурных волнений, и это погубит ее. А если она останется в море, то будет жить вечно, молодая и красивая. Эта женщина плавала много лет и множество раз проплывала мимо острова, на котором жил, старея, ее любимый. Много раз она звала его, хотела сойти на берег. Но он боялся гибели любимой и всегда отказывал в ее просьбе. И тогда она решила сама сойти на сушу и прийти к нему. Они провели вместе одну ночь, ночь красоты и дурмана, а на восходе солнца он увидел рядом с собой старуху, сморщенную, как увядший лист.

— Я где-нибудь слышал эту легенду? — спросил он. — Или кто-нибудь потом будет рассказывать ее, а мы сами будем ее частью? И потому ли они покинули сушу, чтобы не истощили их грохот, суeta и миллионы людей и вещей?

Но Кэт только улыбнулась ему. Она откинула голову назад и

свободно засмеялась, так что все мужчины обернулись и тоже улыбнулись.

— Том, Том, вспомни, что я сказала, когда мы отправлялись в плавание? Что никогда больше не ступлю на сушу. И конечно, я поняла, зачем ты меня увез. Хорошо, я останусь на корабле, куда бы мы не отправились. Пусть все это никогда не меняется, и ты всегда останешься таким, правда?

— И мне всегда будет сорок восемь!

И он тоже засмеялся, довольный, что освободился от мрака в себе, схватил ее за плечи и поцеловал в шею, напоминающую зиму в разгаре августа. В ту ночь среди пламенеющей тишины, которая, казалось, будет продолжаться вечно, она была, как свежий снег в его постели...

— Хэнкс, ты помнишь штиль в августе девяносто седьмого? — старик посмотрел из-под руки. — Сколько времени он продолжался?

— Девять-десять дней, сэр.

— Нет, Хэнкс, я клянусь, что прожил девять полных лет в дни того штиля.

Девять дней, девять лет. И среди тех дней и лет он подумал: «О, Кэт, я доволен, что привел тебя на корабль, что не позволил чужим насмешкам разубедить себя. Я становился моложе, когда касался тебя. «Любовь есть везде, — говорят они, — она ожидает нас в портах, под деревьями, подобно теплым кокосовым орехам, которые можешь гладить, ласкать и пить». Но, бог мне свидетель, они не правы. Бедные пьяные души, пусть борются с гориллами Борнео, едят дыни на Суматре, если смогут совершать это с прыгающими обезьянами по темным комнатам. На пути домой эти капитаны спят одни. Одни! Такое грешное сожительство через десятки тысяч миль! Нет, Кэт, вопреки всему мы здесь!»

А небывалый, мерно вздыхающий штиль продолжался в середине океана, мир, по другую сторону которого ничего не существовало, время потопило континенты-броненосцы.

Но на девятый день моряки сами спустили лодки на воду и, сидя в них, ожидали приказа, ведь они не знали, куда плыть, они могли только грести, работая вместо ветра. И капитан хотел бы присоединиться к ним.

К концу десятого дня на горизонте медленно появился какой-то остров.

Он сказал жене:

— Кэт, мы поплывем пополнить запасы. Ты поплывешь с нами? Она внимательно посмотрела на остров, как будто уже видела

его когда-то, задолго до рождения, и медленно покачала головой — нет.

— Плывите! Я не ступлю на сушу, пока мы не вернемся домой!

Когда он посмотрел вверх, на Кэт, то понял, что она инстинктивно боится легенды, которую он так легкомысленно выдумал и рассказал. Кэт была, как золотоволосая женщина из легенды, и она усматривала какое-то скрытое зло в пустынных раскаленных песках и коралловых рифах, которые могли бы ей повредить, и даже ее погубить.

— Бог тебя благослови, Кэт! Три часа!

И он отправился к острову вместе с матросами.

В конце дня они вернулись с пятью бочонками пресной сладкой воды, а лодки благоухали от теплых плодов и цветов.

На корабле его ожидала Кэт, которая не хотела сходить на берег, раз объявив, что не ступит на сушу.

Когда она расчесывала свои волосы той ночью и смотрела в неподвижную воду, сказала:

— Почти свершилось. До утра все переменится. Обними меня, Том. После этих теплых дней наступят сильные холода.

Он проснулся среди ночи. Кэт дышала среди мрака и бормотала во сне. Рука ее лежала на нем — горячая. Она звала его во сне. Он нащупал ее пульс и там прежде всего почувствовал надвигающуюся бурю.

Пока он так сидел около нее, корабль подняла большая медленная волна, и штиль кончился.

Бессильные паруса полоскались в ночном небе. Каждый канат звучал, как будто огромная рука прошла по кораблю, как по струнам молчащей арфы, и исторгала новые тона путешествия.

Штиль кончился, началась буря, за ней пришла другая.

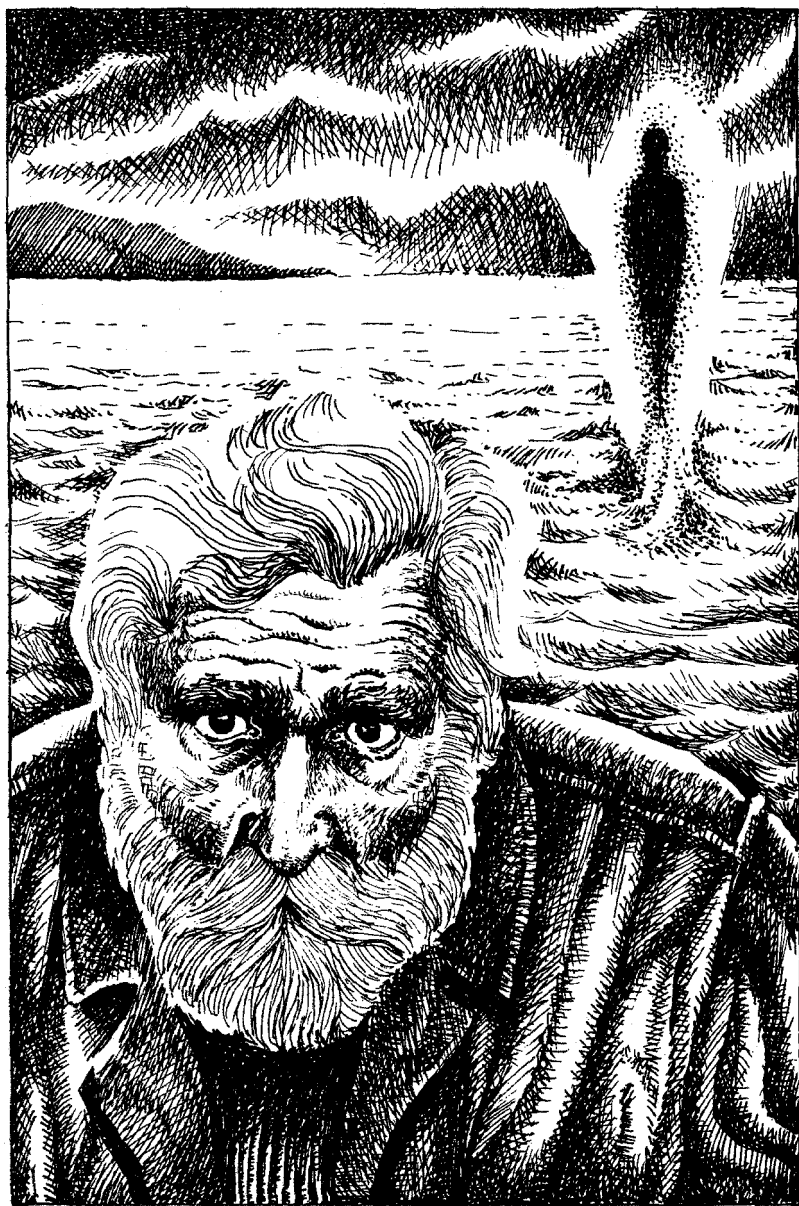
Из двух бурь одна кончилась внезапно. Молния охватила Кэт, превратив ее в белый пепел. В тело ее проникло великое молчание и застыло там.

Принесли парусину, чтобы подготовить ее для погребения в море. Движения поблескивающих среди подводного света кораллов были похожи на колыхания тропических рыб — острые, тонкие, они с безмерным терпением грызли полотно, окружали его мраком, запечатывали в него тишину.

Утром сильнейшая буря сменилась повсюду белым затишьем, и оно опустилось и упало в море, которое разорвало его в один миг. Так и жизнь его ушла после гибели Кэт, не оставив никакого следа.

— Кэт, Кэт, о, Кэт!

Он не мог бы оставить ее там, погибающую между Японским

морем и Золотыми воротами. Ночью он, плача и не помня себя от горя, вывел корабль из бури. Стиснув штурвал, он поворачивал корабль около раны в море, которая невозможно быстро затягивалась. Потом и в нем наступил штиль, который продолжался до конца его жизни. Никогда уже не возвысил он голос и никому не пригрозил кулаком. С тихим голосом и открытой ладонью отошел он на корабле от символического гроба, обложенного землей, и навсегда опустил его в море. Потом он оставил свой корабль в одном из доков и ушел на тысячу двести миль в глубь суши. Как слепой, не сознавая, что делает, он купил землю; как слепой, машинально, строил вместе с Хэнксом, и долгое время не понимал, что купил и что построил. Знал только, что он уже очень стар, что перешагнул краткий час своей молодости с Кэт. А сейчас он был настоящим старцем и чувствовал, что никогда больше не испытает ничего подобного.

Так, посреди континента, на тысячу миль восточнее моря, на тысячу миль западнее ненавистного моря, он проклинал жизнь и море, которое познал, и вспоминал себя — не такого, как сейчас, а того, в минувшем.

Так он ходил по земле, бросал семена, готовился к своей первой жатве и стал считаться фермером.

Но однажды ночью в первое лето, которое он жил так далеко от моря, как только может жить избегающий его человек, он был разбужен невозможным, но таким знакомым шумом! Дрожа в постели от возбуждения, он прошептал: «Нет, нет, невозможно... это... конечно, я сошел с ума! Но... я же слышу!»

Распахнув двери дома, он посмотрел на пшеничные поля. Потом бессознательно поднялся на галерею, и был околдован тем, что увидел. Ухватившись за перила и мигая слезящимися глазами, он вглядывался в даль.

Там, в потоках лунного света, на плавно возвышающихся холмах пшеница волновалась, как волны под приливным ветром. Огромный Тихий океан пшеницы терялся в дали, а дом казался сейчас кораблем, стоящим посреди него в затишьи.

Он оставался наверху полночи, изумленный своим открытием, затерянный в глубинах этого моря на суше. В следующие годы канат за канатом, доска за доской он переделывал свой дом, доводя его до размеров, вида и очертаний корабля, на котором плавал под самыми свирепыми ветрами и в самых глубоких водах.

— Хэнкс, сколько лет мы не видели воды?

— Двадцать лет, капитан.

— Нет, со вчерашнего утра.

Когда он вернулся в кухню, сердце его сильно билось. Баро-

метр на стене затуманился, блеснул лучик света и заиграл на старых морщинистых веках.

— Не хочется кофе, Хэнкс. Только... стакан чистой воды. Хэнкс вышел и вернулся.

— Хэнкс? Обещай, что похоронишь меня рядом с ней.

— Но, капитан, она...— Хэнкс умолк. Кивнул.— Рядом с ней.

Да, сэр.

— Хорошо. А сейчас дай мне стакан.

Вода была вкусна. Она шла из подземных морей и имела вкус сна.

— Один стакан. Она была права, Хэнкс, знаешь ли. Никогда не ступить на сушу. Она была права. Но я ей все-таки донес стакан воды с суши, и суша эта была в воде, что прикоснулась к ее устам. Один стакан. О, если только можешь!..

Он перехватил стакан в занемевших руках. Из ниоткуда налетел тайфун и всколыхнул воду в стакане.

Он поднял стакан и испил тайфуна.

— Хэнкс! — воскликнул кто-то.

Но это был не капитан. Его тайфун затих, и он затих вместе с ним. Пустой стакан упал на пол.

Было тихое утро. Воздух дрожал и дул слабый ветерок. Половину ночи Хэнкс копал, а половину утра — засыпал. Теперь работа была завершена. Городской священник помогал ему, а сейчас, когда Хэнкс укладывал последние куски дерна, отошел. Кусок за куском Хэнкс их укладывал, трембозал, прижимал. А над ними — он позаботился об этом — будет расти золотая, пышно колосющаяся пшеница, высотой с десятилетнего ребенка.

Хэнкс наклонился и уложил последний кусок дерна.

— И никаких знаков на могиле? — спросил священник.

— Нет, сэр, он не хотел их.

Священник пытался протестовать, когда Хэнкс взял его руку и повел вверх по склону холма. Потом Хэнкс обернулся и указал назад.

Они стояли долго. В конце концов священник кивнул, усмехнулся спокойно и сказал:

— Вижу. Понимаю.

Потому что там был океан пшеницы с бегущими без конца огромными волнами, перекачиваемыми ветром, гонимыми на восток, все на восток, и ничто не указывало на место последнего успокоения старого капитана.

— Он погребен в море, — сказал священник.

— Да, — ответил Хэнкс. — Как я и обещал. Так и случилось.

Потом они повернулись и пошли по холмистому берегу, не говоря ни слова, пока не вошли в поскрипывающий дом.

СЕМЕЙНЫЙ АЛТАРЬ

Под лучами солнца изголовье становилось фонтаном, брызжащим ясными бликами. На нем были вырезаны львы, горгулии и бородастые козероги. Даже в полночь оно внушало благоговение. Антонио сел на кровать, расшнуровал ботинки, большой загрубевшей рукой тронул поблескивающую арфу на изголовьи. Потом опрокинулся в эту удивительную машину для сновидений. Он лежал, тяжело дышал, и глаза его закрывались.

— Каждую ночь мы спим, словно внутри каллиопы¹, — донесся до него голос жены.

Ее недовольный тон удивил Антонио. Он долго лежал неподвижно прежде чем решился дотронуться до холодного металла, украшающего изголовье, перебрать грубыми пальцами струны той лиры, что спела им за эти годы много песен, неистовых и прекрасных.

— Это не каллиопа, — наконец ответил он.

— Но вопит точно так же, — сказала Мария. — Миллиард человек на этой Земле спят сейчас в своих кроватях. Чем мы хуже, во имя всех святых?

— Вот же кровать, — мягко сказал Антонио.

Он тронул бронзовый рельеф арфы над головой, извлек несколько звуков. Для его слуха это была «Санта Лючия».

— Она вся горбатая, словно под нами верблюд.

— Послушай, Мама, — сказал Антонио. Он называл ее так из-за того, что она до безумия хотела иметь детей. — Ты никогда так не говорила, пока миссис Бранкоцци не купила пять месяцев назад свою новую кровать.

— Кровать миссис Бранкоцци... — мечтательно сказала Мария. — Она как снег. Такая просторная, белая и гладкая.

— К черту снег, а вместе с ним все просторное, белое и гладкое! Вот пружины — пощупай-ка их! — крикнул он сердито. — Они знают меня. Они помнят, что в час ночи я лежу так, а в два

¹ Каллиопа — старинный американский клавишный инструмент, род фисгармонии.

часа — этак! В три часа — так, а в четыре — по-другому. За эти годы мы приработались, изучили друг у друга все выпуклости и впадины.

— Иногда мне снится, — со вздохом сказала Мария, — будто мы лежим в миксере для тянучки, что стоит в кондитерской у Бартоле.

— Эта кровать, — провозгласил он во тьму, — служила нашей семье еще до Гарибальди. Из этого источника вышел целый взвод честных офицеров, два галантерейщика, парикмахер, четыре певца — они пели в «Риголетто» и «Трубадурах» — и еще два гения столь универсальных, что всю жизнь не могли избрать себе занятие.

Нельзя забывать и прелестных женщин, что были украшением любого бала. Рог изобилия — вот что такое эта кровать! Истинная машина плодородия!

— Мы два года женаты, — сказала она на удивление ровно, — а где наши певцы, наши гении, наши королевы балов?

— Потерпи, Мама.

— Не смей меня так называть! Эта кровать добра к тебе, но не ко мне. У меня нет даже девочки.

Он сел.

— Опять ты наслушалась этих баб. Вот у миссис Бранкоцци разве есть дети? Много ли она имела от своей новой кровати за пять месяцев?

— Нет. Но скоро... Миссис Бранкоцци говорила... а ее кровать такая чудесная.

Он откинулся на подушку и натянул одеяло на голову. Кровать взвизгнула, словно все фурии разом пронеслись по небу и исчезли вдали у горизонта.

Луна двигалась, и на полу шевелилась тень оконного переплета. Антонио проснулся. Марии рядом не было.

Он встал и заглянул через полуоткрытую дверь в душевую. Его жена стояла у зеркала, разглядывая свое утомленное лицо.

— Мне нездоровится, — сказала она.

Он погладил ее.

— Мы погорячились. Прости меня. Мы это обдумаем, я имею в виду кровать. Посмотрим, хватит ли у нас денег. Если завтра тебе не станет лучше, покажись доктору, ладно? А теперь пойдем ляжем.

На другой день Антонио подошел к витрине, в которой стояли чудесные новые кровати; покрывала на них были соблазнительно откиннуты.

— Я дикарь, — шепнул он сам себе.

Он посмотрел на часы. В это время Мария собиралась быть у доктора. Утром она была бледна, словно холодное молоко, и он уговорил ее пойти к врачу. Дойдя до витрины кондитерской, он посмотрел на мискер — тот что-то мял, сбивал и тянул. «Каково-то там тянучкам,— подумал Антонио.— Может, они кричат, но на такой высокой ноте, что мы их не слышим». Он улыбнулся, и вдруг среди кондитерской массы ему почудилась Мария. Нахмурившись, он повернул назад, к мебельному магазину. Нет. Да. Нет. Да! Он прижался лицом к холодному стеклу. «Кровать,— подумал он,— ты, там, новая кровать, знаешь ли ты меня? Будешь ли ты добра ко мне по ночам?»

Он достал бумажник, медленно пересчитал деньги, вздохнул. Долго разглядывал эту мраморную скалу — неведомого недруга — новую кровать. Потом, поникнув плечами, покрепче стиснул деньги и вошел в магазин.

— Мария!

Он пробежал лестницу, разом перескакивая через две ступеньки. Было девять часов вечера. Сегодня ему удалось отпроситься с половины сверхурочных часов. Улыбаясь, он ворвался в квартиру.

Никого.

— Эх! — сказал он разочарованно и положил квитанцию на комод, чтобы Мария сразу, как только войдет, увидела ее. В те редкие вечера, когда он работал допоздна, она навещала кого-нибудь из соседок снизу.

«Пойду найду ее,— подумал он. Потом остановился.— Нет. Я подожду ее и скажу об этом с глазу на глаз».

Он сел на старую кровать.

— Старая кровать,— сказал он,— прощай. Прости меня.

Он взволнованно тронул бронзовых львов. Встал, походил из угла в угол. «Входи, Мария!» Он представил, как она обратится.

Он ожидал, что услышит ее быстрый бег по ступенькам, но с лестницы донеслись неспешные, размеренные шаги. «Нет, это не моя Мария,— подумал он,— она ходит не так».

Дверная ручка повернулась.

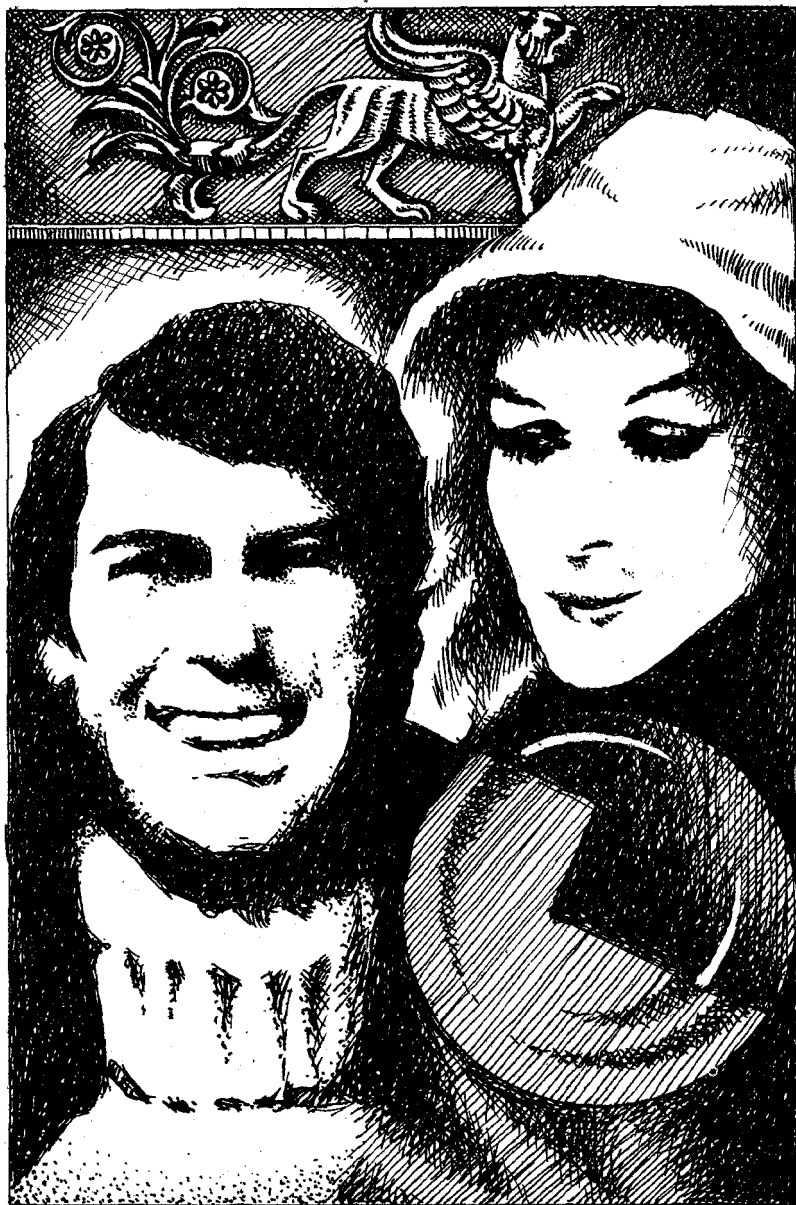
— Мария.

— Ты уже дома! — она счастливо улыбнулась ему.

Может быть, она уже догадалась? Может быть, это у него на лице написано?

— Я была внизу, у соседок! — воскликнула она.— Надо было всем рассказать!

— Всем рассказать?

— Доктор! Я ходила к доктору!

— Доктор? — спросил он недоуменно. — Ну и?

— И, Папа, и...

— Ты сказала... Папа?

— Папа, Папа, Папа, Папа!

— Ох, — сказал он нежно, — то-то ты так осторожно шла по лестнице.

Он обнял ее, но не слишком сильно, расцеловал в обе щеки, закрыл глаза и завопил. Потом будил соседей и все им рассказывал, снова будил и снова рассказывал. И было немного вина и осторожный вальс, и объятия, и трепет, и поцелуи в брови, веки, нос, губы, виски, уши, волосы, подбородок — а потом наступила полночь.

— Это чудо, — шептал он.

Они были одни в своей квартире, еще не остывшей от недавнего нашествия, смеха и разговоров. И теперь они снова были одни.

Выключая свет, он увидел на комоде квитанцию. Ошеломленный, он попытался придумать, как бы поднести ей этот сюрприз.

Мария сидела в темноте на кровати, зачарованная чудом. Она странно двигала руками, то разводя их в стороны, то снова медленно смыкая ладони, словно марионетка, словно плыла в теплой полночной воде. И вот, наконец, очень осторожно, она легла.

— Мария, я должен кое-что сказать тебе.

— Да? — слабо донеслось от нее.

— Теперь, когда это случилось с тобой, — он сжал ее ладонь, — тебе понадобятся удобства, отдых, новая красивая кровать.

Она не вскрикнула счастливо, не повернулась к нему, не обняла. Она молчала, думала о чем-то и молчала.

Волей-неволей ему пришлось продолжать:

— Наша кровать — ни что иное, как каллиопа.

— Это наша кровать, — сказала она.

— Под нами спит верблюд.

— Нет, — тихо сказала она. — С нее в мир сойдут офицеры — их хватит на три армии, — две балерины, знаменитый адвокат, высоченный полисмен, семь глубоких басов, альтов и сопрано.

Он покосился на квитанцию — она все же лежала на комоде, потрогал под собой изношенную обивку. Пружины легко приняли все его члены, каждый усталый мускул, каждую ноющую кость.

Он вздохнул.

— Я никогда с тобой не спорю, малышка.

— Мама, — поправила она.

— Мама, — сказал он.

Потом они закрыли глаза, натянули одеяла до самых подбородков и долго лежали в темноте под огромным фонтаном, под взглядами конклава свирепых бронзовых львов, янтарных козєрогов и смеющихся горгулий. Он прислушался. И услышал ее. Сначала она звучала далеко-далеко, неуверенно, но он вслушивался, и она становилась все яснее и яснее.

Мария тихо завела руку за голову и ее пальцы начали свой танец на поблескивающих струнах арфы, на органе старой кровати. Это была... да, конечно же — «Санта Лючия!»

Губы его напевали, мелодия слилась с горячим дыханием.
«Са-ан-та-а Лю-чи-я! Санта Лючия!»

Это было прекрасно и небывало.

КАК УМЕРЛА РЯБУШИНСКАЯ

В холодном цементном подвале лежал мертвец — тоже холодный камень, воздух напивал капли невидимого дождя. И люди собрались возле тела, словно вокруг утопленника, найденного поутру на пустынном морском берегу. Здесь, в подвале, было средоточие земного тяготения: чудовищная сила заставила лица поникнуть, губы — изломиться, оттянула вниз щеки. Руки безвольно висели, подошвы налились свинцом.

Раздался голос, но никто к нему не прислушался.

Голос позвал снова, прошло время, и лишь тогда люди повернулись и глянули вверх, словно в самом деле стояли на пустом ноябрьском берегу, а в сером рассвете высоко над их головами кричали чайки. Унылый крик; с ним птицы, почуяв неумолимую зиму, отлетают на юг. И слышался шум океана, далекий, словно шепот песка и ветра в морской раковине.

Люди посмотрели на стол; там лежал золоченый ящик двадцати с небольшим дюймов длины, и на нем было написано «РЯБУШИНСКАЯ». Они устали на маленький гробик; поняв, наконец, что голос идет из-под крышки; лишь мертвый лежал на полу и не слышал приглушенных криков.

— Выпустите, выпустите же меня, ну, пожалуйста, ради бога, выпустите меня отсюда.

Наконец мистер Фабиан, чрево вещатель, наклонился к ящику и шепнул:

— Нет, Риа, здесь серьезное дело. Потом. А пока — успокойся, ты же у меня умница.

Он закрыл глаза и попытался улыбнуться.

— Пожалуйста, не смейся, — донесся из-под блестящей крышки спокойный голос. — После того, что случилось, ты мог бы быть и полюбезнее.

Детектив, лейтенант Кроувич, тронул Фабиана за локоть.

— Если не возражаете, оставим фокусы на потом. Сначала нужно закончить с этим.

Он посмотрел на женщину, что сидела на раскладном стуле.

— Вы — миссис Фабиан.

Потом взглянул на молодого человека, сидевшего рядом с женщиной.

— А вы — мистер Дуглас, импрессарио и пресс-агент мистера Фабиана?

Тот подтвердил. Кроувич поглядел покойнику в лицо.

— Итак, мистер Фабиан, миссис Фабиан, мистер Дуглас — вы все утверждаете, что не знаете этого человека, убитого здесь прошлой ночью, и что никогда прежде не слыхали фамилию Окхэм. Однако, Окхэм в разговоре с начальником станции заявил, что хорошо знает Фабиана и намерен обсудить с ним какой-то жизненно важный вопрос.

Из ящичка снова донесся голос.

— Черт побери, Фабиан! — взорвался Кроувич.

Под крышкой засмеялись, словно зазвенел вдали колокольчик.

— Не обращайтесь на нее внимания, лейтенант, — сказал Фабиан.

— На нее? Или на вас, черт возьми? Что там такое? Отвечайте вместе.

— Мы больше никогда не будем вместе, — донесся тихий голос. — После этой ночи — никогда.

Кроувич протянул руку.

— Дайте-ка мне ключ, Фабиан.

И вот в тишине скрипнул ключ, взвизгнули маленькие петли, крышка откинулась и легла на стол.

— Благодарю вас, — сказала Рябушинская.

Кроувич взглянул на нее и застыл, не в силах поверить своим глазам.

Лицо ее было белым, оно было вырезано из мрамора или какого-то небывалого белого дерева. А может — из снега. И шея — словно карамель, словно чашка тонкого, почти прозрачного фарфора — тоже была белой. И на руках — из слоновой кости, наверное, — пальчики тонкие, и каждый оканчивался ноготком, а на подушечках был узор из тончайших линий и спиралек.

Вся она была — белый камень, и камень этот просвечивал, и свет подчеркивал темные, как спелая шелковица, глаза и голубые тени вокруг них. Лейтенанту вспомнились молоко в стакане и взбитый крем в хрустальной чаше. Темные брови изгибались узкими дугами, щеки — чуть впалые; виднелись даже сосуды: розовые — на висках, голубой — на переносице, между сияющими глазами.

Губы ее были приоткрыты, будто она собиралась облизнуть их, ноздри и уши — вылеплены совершеннейшим мастером. Черные волосы были разделены пробором и зачесаны за уши — настоящие волосы, он видел каждую прядь. И платье было чер-

ным, как волосы, оно открывало плечи, изваянные из дерева белого, словно камень, долгие годы палимый солнцем. Она была прекрасна. Кроувич чувствовал, как шевелятся его губы, но так и не смог произнести ни единого слова.

Фабиан достал Рябушинскую из ящика.

— Моя прекрасная леди,— сказал он.— Вырезана из редчайшего заморского дерева. Она выступала в Париже, Риме и Стамбуле. Весь мир любит ее, и все думают, будто она — настоящий человек, что-то вроде невероятного маленького лилипута. Они не могут поверить, что она — всего лишь кусочек дерева, одного из тех, которые растут вдали от городов и идиотов.

Элис, жена Фабиана, неотрывно следила за губами мужа. За все время, что он говорил, держа в руках куклу, она ни разу не мигнула. А он не замечал никого, кроме куклы, словно и подвал и люди вокруг вдруг растворились в тумане.

Наконец фигурка дернулась в его руках.

— Пожалуйста, хватит обо мне. Ты же знаешь, Элис этого не любит.

— Элис никогда этого не любила.

— Ш-ш-ш!! Не надо! — крикнула Рябушинская.— Не здесь и не сейчас.

Потом она быстро повернулась к Кроувичу, и он увидел, как двигаются ее тонкие губы:

— Как все это случилось? Я имею в виду, с мистером Окхэмом?

— Лучше бы тебе поспать сейчас, Риа,— сказал Фабиан.

— Но я не хочу,— ответила она.— Я имею право слушать и говорить, я такая же деталь этого убийства, как Элис или... или мистер Дуглас!

Пресс-агент уронил сигарету.

— Не путайте меня в это, вы...— и он так глянул на куклу, словно она вдруг стала шести футов ростом и ожила.

— Я хочу, чтобы здесь прозвучала правда.— Рябушинская повертела головкой, осматривая подвал.— Если я буду заперта в своем гробу, ничего хорошего не выйдет, а Джон окончательно заврется, если я не стану следить за ним. Правда, Джон?

— Да,— ответил он, закрыв глаза,— похоже, так оно и есть.

— Джон любит меня больше всех женщин на свете; я тоже люблю его и наставляю на путь истинный.

Кроувич треснул кулаком по столу.

— Черт побери, черт вас побери, Фабиан! Если вы думаете, будто можете...

— Я ничего не могу поделать,— пожал плечами Фабиан.

— Но ведь она...

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать,— тихо ответил Фаби-

ан.— Что она у меня в гортани, да? А вот и нет. Не в гортани. Где-то еще. Я не знаю — где. Здесь или вот здесь,— и он тронул сначала грудь, потом голову.

— Она ловко прячется. Временами я ничего не могу поделать. Иногда она говорит сама по себе, и я тут совершенно не при чем. Часто она говорит мне, что я должен делать, и я слушаюсь ее. Она следит за мной, выговаривает мне; она честна, когда я нечестен, добра, когда я зол, а это бывает со всеми нами, грешными. Она живет своей, отдельной жизнью. В моем мозгу она построила стену и живет за нею, игнорирует меня, если я пытаюсь обернуть ее слова чепухой, и помогает, если я все правильно делаю и говорю.— Фабиан вздохнул.— Как хотите, а Риа должна остаться с нами. Было бы нехорошо отправлять ее в ящик, очень нехорошо.

Помолчав с минуту, лейтенант Кроувич принял решение.

— Ладно. Пусть остается. Попытаюсь, с божьей помощью, закончить раньше, чем устану от ваших трюков.

Кроувич развернул сигару, зажег ее, затянулся.

— Итак, мистер Дуглас, вы не узнаете убитого?

— Есть в нем что-то смутно знакомое. Может, он из актеров. Кроувич чертыхнулся.

— А если без вранья? Взгляните на его башмаки, взгляните на одежду. Он явно нуждался в деньгах и явился сюда просить, вымогать или украсть что-то. Кстати, позвольте вас спросить, Дуглас, миссис Фабиан — ваша любовница?

— Кто дал вам право!..— крикнула миссис Фабиан.

Кроувич не дал ей продолжить:

— Вы сидите рядом, бок о бок. Я еще не совсем ослеп. Когда пресс-агент сидит там, где должен сидеть муж, утешая жену, что, по-вашему, это означает? Я видел, как вы смотрели на ящик, как у вас перехватило дыхание, когда она появилась на свет. И как вы сжали кулаки, когда заговорила она. Черт побери, вас же насквозь видно.

— Если вы хоть на минуту подумали, что я ревную к куску дерева...

— А разве нет?

— Конечно же, нет!

— Ты вовсе не обязана что-либо рассказывать, Элис,— заметил Фабиан.

— Пусть говорит!

Теперь все смотрели на маленькую фигурку. Та безмолвствовала. Даже Фабиан глядел на нее так, будто она его укусила.

Наконец Элис Фабиан заговорила.

— Я вышла замуж за Джона семь лет назад. Он говорил, что

любит меня, а я любила и его, и Рябушинскую. Сначала, во всяком случае. Но потом я стала замечать, что большую часть времени и внимания он отдает кукле, а я, обреченная ждать его ночи напролет, становлюсь лишь тенью.

На ее гардероб он тратил по пятьдесят тысяч долларов в год, потом купил за сто тысяч кукольный домик — вся мебель в нем была из золота, серебра и платины. Каждую ночь, укладывая ее в маленькую постель, он разговаривал с нею. Поначалу я принимала все это за тонкую шутку и даже умилялась. Но наконец до меня дошло, что я нужна ему лишь как ассистент в этой игре и почти возненавидела — не куклу, конечно, она-то ничего не знала, а Джона — ведь это была его игра. В конце концов, это он управлял куклой, это его ум и природное дарование воплощались в деревянном тельце.

А потом — какая глупость! — я и в самом деле начала ревновать его. Чем еще я могла отплатить ему? А он с еще большим рвением совершенствовал искусство. Это было и глупо и странно. Тогда мне стало ясно — что-то подстегивает его, вроде как у пьяниц — сидит внутри ненасытный зверь и понуждает напиваться.

Так я и металась между гневом и жалостью, между ревностью и сочувствием. Временами моя злость совсем угасала, и уж конечно я никогда не питала ненависти к той Риане, что жила у него в сознании — ведь это была его лучшая часть, добрая, честная и даже очаровательная. Она была тем, чем он сам никогда не пытался стать.

Элис Фабиан умолкла, и в подвале снова наступила тишина.

— Теперь расскажите о мистере Дугласе, — слышался шепот.

Миссис Фабиан даже не взглянула на куклу.

— Прошло несколько лет, и я, не дождавшись от Джона ни любви, ни понимания, естественно, обратилась к... мистеру Дугласу, — с усилием закончила она.

Кроуич кивнул.

— Все становится на свои места. Мистер Окхэм был очень беден, находился в отчаянном положении и пришел сюда, потому что знал о ваших отношениях с мистером Дугласом. Возможно, он угрожал рассказать об этом мистеру Фабиану, если вы не откупитесь от него. Вот вам веская причина от него избавиться.

— Глупее не придумаешь, — утомленно проговорила Элис Фабиан. — Я его не убивала.

— Мистер Дуглас мог сделать это втайне от вас.

— А зачем убивать? — спросил Дуглас. — Джон и так все знал.

— Конечно, знал, — смеясь, подтвердил Джон Фабиан.

Посмеявшись, он надел белоснежную куклу на руку: ее рот открылся и закрылся снова. Он пытался заставить ее рассмеяться

вслед за собой, но с ее губ не слетело ни звука, только неслышимый шепот. Фабиан уставился на маленькое лицо; пот выступил на его висках.

На другой день лейтенант Кроувич пробрался через темные закоулки кулис, поднялся, стараясь не поломать ноги, по железной лестнице, где каждую ступеньку надо было искать ощупью, и вышел к актерским уборным. Он постучал в одну из тонких дверей.

— Войдите,— словно издалека донесся голос Фабиана.

Кроувич вошел, притворил дверь и остановился, глядя на приникшего к зеркалу человека.

— Я хочу вам показать кое-что,— сказал детектив.

Со спокойным лицом он открыл папку из манильской соломки, достал глянцевую фотографию и положил на гримерный столик.

Джон Фабиан поднял брови, глянул искоса на Кроувича и откинулся на спинку стула. Взявшись за переносицу, он стал осторожно, как при головной боли, массировать ее. Кроувич взял фотографию, перевернул и начал читать сведения, отпечатанные на обороте.

— Имя — мисс Ильяна Рямонова. Вес — сто фунтов. Глаза синие. Волосы черные. Лицо овальной формы. Родилась в Нью-Йорке в 1914 году. Исчезла в 1934 году. Подвержена приступам амнезии. По происхождению — русская. И так далее, и так далее.

Губы Фабиана дернулись.

Кроувич вернул фотографию на столик и задумчиво покачал головой.

— Конечно, с моей стороны, было глупо разыскивать в наших досье фотографию куклы. БОЖЕ МОЙ, то-то потешились надо мной в управлении. Но как бы то ни было, вот она — Рябушинская. Не папье-маше, не дерево, не кукла, а женщина, которая жила среди нас, а потом исчезла. — Он посмотрел Фабиану прямо в глаза. — Что вы на это скажете?

Фабиан слабо улыбнулся.

— Почти ничего. Когда-то, давным-давно, мне попался на глаза женский портрет. Лицо мне понравилось, и взял его для своей куклы.

— «Почти ничего»... — Кроувич глубоко вздохнул, достал большой платок и вытер лицо. — Фабиан, все нынешнее утро я рылся в подшивках «Биллборда». В одном из номеров за тридцать четвертый год я обнаружил любопытную статью о выступлениях второразрядной группы. «Фабиан и Душка Уильям». Последний был куклой, изображавшей маленького мальчика. Там

писали и об ассистентке, Иляне Рямоновой. В журнале не было ее фотографии, но я получил, наконец, имя... имя реальной особы. Излишне говорить, что такое сходство между куклой и живой женщиной не может быть случайным. Уверен, что теперь вы расскажете вашу историю по-другому, Фабиан.

— Да, одно время она была моей ассистенткой. Я просто использовал ее как модель.

— С вами, пожалуй, вспотеешь, — сказал детектив. — Вы что — болваном меня считаете? Думаете, что я не узнаю любовь, даже если ее поставят прямо передо мною? Я же видел, как вы обращаетесь с куклой, как вы разговариваете с нею и что заставляете отвечать вам. Вы влюблены в эту куклу потому, что очень, **ОЧЕНЬ** любили ее оригинал, реальную женщину. Я достаточно опытен, чтобы почувствовать это. Черт побери, Фабиан, хватит запыраться.

Фабиан поднял свои тонкие бледные руки, повертел ими, осмотрел их и позволил им упасть вдоль тела.

— Хорошо... В 1934 году я выступал с Душкой Уильямом — куклой, изображавшей мальчишку с носом-картошкой. Я сам сделал его. Я гастролировал в Лос-Анджелесе, и однажды вечером ко мне пришла эта девушка. Она годами следила за моими выступлениями. У нее не было работы, и она надеялась поступить ко мне в ассистентки...

Он вспомнил, как был поражен ее свежестью и пылкой готовностью работать с ним и для него и как в полутемной аллее позади театра неслышно сыпал прохладный дождик, и его капли вспыхивали, словно блески на ее теплых волосах, на фарфоровых руках и, словно ожерелье, на воротнике пальто.

Он различал в полутьме движение ее губ, слушал ее голос, странно отделенный от уличного шума. Он помнил все, что она говорила, и хотя он не ответил ни «да» ни «нет», она вдруг оказалась рядом с ним на сцене, облитая светом прожекторов. А два месяца спустя он — вполне довольный привычным своим неверием и цинизмом — бросился вслед за нею туда, где нет ни дна, ни берегов, ни света.

А потом были ссоры — и снова ссоры, после которых уже не было ни прежних чувств, ни прежнего огня. Он шумел, срывался на истерики — а она все больше отдалялась от него. Один раз, в припадке ревности, он сжег все ее платья. Она приняла это совершенно спокойно. Но однажды вечером он выплеснул на нее все, что накопилось за неделю, обвинил ее в чудовищных грехах, схватил, ударил по лицу, еще и еще раз, вышвырнул за дверь... И она исчезла.

На следующий день его словно громом поразило — он понял, что она и в самом деле ушла навсегда, что ее уже не найти. Мир стал плоским, по ночам его будили отголоски прежнего грома,

по утрам, на рассвете — тоже, тогда он поднимался, и его оглушали шипение кофеварки, вспышка спички, потрескивание сигареты, а когда он подходил к зеркалу, пытаясь побриться, там отражалось нечто искаженное и отвратительное.

Он бросил выступать, завел альбом и клеивал туда все, что ее касалось — и афиши, и записи того, что он слышал о ней, и свои газетные объявления, в которых он умолял ее вернуться. Он даже нанял частного детектива. Люди говорили. Полиция до изнеможения допрашивала его. Слов было много.

Но она пропала, как воздушный змей в ясном небе. Ее след затерялся в больших городах, и полиция оставила поиски. Но не Фабиан. Умерла ли она, просто ли убежала, но ведь где-то она была, а значит, ее можно было найти и вернуть.

Однажды вечером он сидел у себя дома, смотрел в темноту и разговаривал с Душкой Уильямом.

— Уильям, все кончено. Я больше не могу!

— Ты трус! Трус! — донеслось из темноты. — Ты можешь вернуть, если захочешь!

Душка Уильям трещал и бил в ладоши.

— Сможешь, сможешь. Думай! — настаивал он. — Думай лучше. Ты сможешь. Отложи меня, запири меня. Начни все с самого начала.

— Все с самого начала?

— Да, — шепнул Душка Уильям. — Да. Купи дерево. Купи чудесное заморское дерево. Купи твердое дерево. Купи прекрасное молодое дерево. И вырезай. Вырезай медленно, вырезай тщательно. Строгай его... Осторожно... Сделай маленькие ноздри. Тонкие черные брови ее сделай высокими, изогнутыми, словно арки, а щеки пусть будут чуть впалыми. Вырезай, вырезай...

— Нет! Это безумие. Я никогда не сумею!

— Сумеешь. Ты сумеешь, сумеешь, сумеешь...

Голос умолкал, как журчание реки, уходящей в подземное русло. Эта река накрыла их и поглотила. Его голова упала на грудь Душки, Уильям вздохнул. И вскоре оба они лежали, не двигаясь, словно камни под водою.

Следующим утром Джон Фабиан купил брусок самого лучшего твердого дерева, какое только смог найти, принес его домой, положил на стол и больше в этот день не притронулся к нему. Он часами сидел, глядя на брусок. Невозможно было предположить, что вот из этой холодной деревяшки его руки и память смогут воссоздать нечто теплое, гибкое и знакомое. Нельзя создать даже слабое подобие дождя, или лета, или капля от первого снега на оконном стекле декабрьской полночью. Нельзя, невозможно поймать снежинку без того, чтобы она тотчас же не растаяла в грубых пальцах.

В ту ночь Душка Уильям снова вздыхал и шептал:

— Ты сможешь. Да, да, ты сможешь!

И он решился. Целый месяц он вырезал руки, и они вышли прекрасными, как морская раковина на солнце. Еще месяц — и из дерева, словно окаменелость из земли, был освобожден слабый очерк ее тела, трепетный и невероятно тонкий, как сосуды в белой плоти яблока.

Все это время Душка Уильям лежал и покрывался пылью в своем ящике, все более напоминающем настоящий гроб. Душка Уильям брюзжал, саркастически скрипел, иногда критиковал, иногда намекал, иногда помогал, но все это время — умирал, затаился, уже не зная ласковых прикосновений, словно облочка куклолки, покинутая бабочкой и несомая порывами ветра.

А недели шли и Фабиан строгал, резал, полировал дерево. Душка Уильям лежал, окутанный тишиной, и однажды, когда Фабиан взял старую куклу в руки, Уильям недоуменно посмотрел на него и издал смертный хрип.

Так погиб Душка Уильям.

Пока он работал, его гортань огрубела, отвыкла повиноваться — звуки получались тихие, словно далекое эхо или шелест ветера в густой кроне. Но стоило ему надеть на руку новую куклу, как в пальцы вернулась память, перетекла в дерево — и тонкие ручки согнулись, тельце вдруг стало гибким и послушным, глаза открылись и взглянули на него.

Маленький ротик приоткрылся на долю дюйма, она была готова заговорить, и он знал все, что она ему скажет — и первое, и второе, и третье слово — то, что он хотел от нее услышать. Шепотом, шепотом, шепотом.

Она послушно — так послушно! — повернула свою головку и заговорила. Он наклонился к ее губам и уловил теплое дыхание — ДА, ДА, дыхание! Он прислушался, закрыв глаза, и ощутил мягкие... нежные биения ее сердца.

С минуту Кроувич сидел молча.

— Ясно. Ну, а ваша жена? — спросил он наконец.

— Элис? Конечно же, она была следующей моей ассистенткой. Работала она плохо и, помоги ей боже, любила меня. Сам не пойму, зачем я женился на ней. С моей стороны это было нечестно.

— А что вы скажете об убитом — об Окхэме?

— Я ни разу не видел его, пока вы не привели нас в подвал и не показали тело.

— Фабиан... — сказал детектив.

— Это правда!

— Фабиан!

— Правда, правда, черт побери! Клянусь, это чистая правда!

«Правда». — С таким шепотом море набегаёт на серый утренний берег и откатывается, оставляя на песке великолепное пенное кружево. Небо — пустынно и холодно. На берегу нет ни души. Солнце ещё не встало. И снова шепот: «Правда».

Фабиан выпрямился в кресле, вцепившись в колени тонкими пальцами. Лицо его застыло. Кроувич, как и вчера, поймал себя на желании глянуть в потолок, словно в ноябрьское небо, где кругами летает одинокая птица, серая в холодном сером небе.

— Правда... — И снова, затихая, — правда...

Кроувич встал и бесшумно прошёл в угол, где стоял открытый золочёный ящик, а в нём лежало то, что шептало и разговаривало, иногда могло смеяться, а иногда — петь. Он взял ящик, поставил его перед Фабианом и подождал, когда тот вложит пальцы в тонкие гладкие пустоты, когда дрогнут маленькие губы и откроются глаза. Ему не пришлось долго ждать.

— Месяц назад пришло письмо...

— Нет...

— Месяц назад пришло письмо.

— Нет, НЕТ!

— Там было написано: «Рябушинская, родилась в 1914 году, умерла в 1934-м. Снова родилась в 1935-м». Мистер Окхэм был фокусником. Было время, он выступал в одной программе с Джоном и Душкой Уильямом. Он вспомнил, что сначала была живая женщина, а потом — появилась кукла.

— Нет, это неправда!

— Правда, — отвечал голос.

Снег падает тихо, но ещё тише было сейчас в комнате. Губы Фабиана дрожали, он уставился в глухую стену, словно отыскивая в ней дверь, через которую можно убежать.

— Ради бога...

— Окхэм угрожал рассказать о нас всему свету.

Кроувич видел, как двигались губы куклы, как она трепетала, как пульсировали зрачки Фабиана, как судорога сводила его шею, пытаясь задушить этот шепот.

— Я... Я была здесь, когда явился мистер Окхэм. Лежала в своем ящике и слушала. Я все слышала и я все знаю. — Голос потух, потом снова окреп и продолжал: — Мистер Окхэм грозил сломать меня, сжечь дотла, если Джон не заплатит ему тысячу долларов. А потом послышался удар. Крик. Чья-то голова, должно быть, мистера Окхэма, ударилась об пол. Я слышала, как Джон кричал, ругался, рыдал. Я слышала тяжелое дыхание и хрип.

— Ничего ты не слышала! Ты мертвая, слепая! Ты деревяшка! — закричал Фабиан.

— Но я же слышу, — сказала она и замолкла, словно кто-то зажал ей рот.

Фабиан вскочил на ноги и теперь стоял с куклой на руке. Ее губы разомкнулись, дважды, трижды и наконец произнесли:

— Потом хрип оборвался. Я слышала, как Джон волок мистера Окхэма вниз по ступеням в подвал, где много лет назад были гримерные. Вниз, вниз, вниз, я слышала, как он уходит все дальше и дальше — вниз...

Кроувич отшатнулся, словно он смотрел кино и персонажи вдруг стали расти и сходить с экрана. Станные, чудовищные, они тянулись выше башен, грозили раздавить его. Пронзительный крик заставил его обернуться.

Он увидел оскал Фабиана, его гримасы, шепот, судорогу. Он увидел, как тот стиснул веки.

Теперь голос звучал тонко, на высокой, почти неслышной ноте.

— Я не могу так жить. Не могу... Больше у нас ничего не будет. Все и каждый будут знать. Прошлой ночью, когда ты убил его, я спала, дремала. Но я уже знала, уже понимала. Мы оба знали, оба понимали, что это наш последний день, последний час. Я могла жить рядом с твоими пороками, рядом с твоей ложью, но я не могу жить бок о бок с убийством. Отсюда нет выхода. Как я могу жить рядом с этим?..

Фабиан поднес ее к свету, что пробивался сквозь маленькое окошко. Его рука дрожала и эта дрожь передавалась кукле. Ее рот открывался и закрывался, открывался и закрывался, открывался и закрывался, снова и снова, и снова. Молчание.

Фабиан недоверчиво потрогал свои губы. Глаза его остекленели. Он видел, как человек, который потерялся на чужой улице, и теперь пытается вспомнить номер нужного дома, найти окно со знакомой занавеской. Он качался, глядел на стены, на Кроувича, на куклу, на свободную руку, сгибал пальцы, трогал горло, открывал рот. Он прислушался.

Далеко-далеко, за многие мили, из моря поднялась волна и упала, пенясь. Кукла двигалась беззвучно, безвольно, словно тень.

— Она умерла. Совсем умерла. Я не могу ее найти. Я пытаюсь изо всех сил, пытаюсь, но она ушла слишком далеко. Вы мне поможете? Вы поможете мне найти ее? Поможете? Ради бога, помогите мне найти ее.

Рябушинская соскользнула с его ослабевшей руки, перевернулась и беззвучно раскинулась на холодном полу; глаза — закрыты, губы — сжаты.

Фабиан даже не взглянул на нее, когда Кроувич уводил его.

Alfred E. Van VOGT

Альфред Э. Ван ВОГТ

ДАЛЕКИЙ ЦЕНТАВР

Я вздрогнул во сне, проснулся и подумал:
«Как это вынес Ренфью?»

Вероятно, я сильно дергался, потому что острая боль пронзила меня, и тьма сомкнулась надо мной. Не знаю, долго ли я лежал в болезненном беспамятстве, но когда пришел в себя, почувствовал тягу двигателей, разгонявших космический корабль.

На этот раз сознание возвращалось медленно, и я лежал неподвижно, чувствуя бремя долгих лет сна. Нужно было точно придерживаться порядка, установленного Пейхэмом.

Я не хотел вновь потерять сознание.

Я лежал, размышляя о том, что глупо с моей стороны беспокоиться о Джиме Ренфью, который должен лежать в гибернации еще пятьдесят лет.

Потом я начал разглядывать освещенный циферблат часов на потолке. Когда я проснулся, они показывали 23-12, а сейчас было 23-22. Значит, прошло уже десять минут — по мнению Пелхэма, этого достаточно для адаптации.

Я медленно протянул руку к краю постели и щелкнул тумблером. Послышался тихий шум, и массажный автомат медленно пополз по моему нагому телу. Сначала он тер мои руки, потом ноги и под конец занялся туловищем. Я чувствовал, как течет тонкая струйка масла, впитываясь в мою сухую кожу.

Много раз я вскрикивал от боли, но уже через час смог сесть и зажечь свет.

Небольшая, скромно меблированная знакомая каюта не могла надолго задержать мое внимание. Я встал.

Вероятно, движение было слишком резким, потому что я пошатнулся, ухватился за металлическую опору постели, и меня вырвало бесцветным желудочным соком.

Потом тошнота прошла, но чтобы подойти к двери, открыть ее и пройти узким коридорчиком до рубки, потребовалась вся моя сила воли. Хотя это и не входило в мои обязанности, но я не удержался от соблазна — склонился над пультом управления и взглянул на хронометр.

Он показывал 53 года 7 месяцев 2 недели 0 дней и 27 минут.

Пятьдесят три года! Все, кого я знал на Земле: молодые мужчины, с которыми мы вместе учились, девушка, поцеловавшая меня на приеме, устроенном в нашу честь в ночь отъезда — все они уже мертвы или заканчивают свою жизнь, подумал я почти равнодушно.

Образ той девушки остался в моей памяти. Она была красива, полна жизни и совершенно незнакома. Она смеялась, целуя меня.

Должно быть, теперь она старуха или вообще умерла.

Слезы подступили к глазам, я вытер их и принялся разогревать банку жидкого концентрата, который должен был стать моим первым завтраком. Постепенно я обрел душевное равновесие.

«Пятьдесят три года и семь с половиной месяцев, — думал я. — Почти четыре года сверх установленного времени. Придется кое-что подсчитать, прежде чем принять очередную порцию эликсира долголетия. Двадцать гранул по расчетам должны были законсервировать мое тело и сохранить ему жизнь в течение пятидесяти лет. Вероятно, средство оказалось сильнее, чем установил Пелхэм во время кратковременных тестов».

Так я думал, напряженно щуря глаза. Вдруг до меня дошел юмор ситуации; и я рассмеялся. Смех расколол тишину, словно серия выстрелов: я даже испугался, но вместе с тем и расслабился — надо же, сижу и скорблю!

А ведь четыре года — это капля в море, если сравнивать с продолжительностью нашего путешествия!

Однако, я все еще жив и молод. Время и пространство были побеждены. Вселенная принадлежала человеку.

Неторопливо, маленькими глотками, я ел свой «суп», одолел целую миску, используя каждую секунду из отведенных мне тридцати минут. Потом, подкрепившись, тем же путем вернулся в рубку.

На этот раз я задержался, глядя на экраны. Уже через минуту я нашел Сол — звезда ярко пылала почти в центре экрана кормового обзора.

Чтобы обнаружить Альфу Центавра, потребовалось больше времени, но наконец я нашел и ее — сверкающую точку в усеянной огнями темноте.

Я не стал терять времени на определение расстояния. За пятьдесят четыре года мы преодолели одну десятую часть из 4,3 световых лет пути до ближайшей к нам звездной системы.

Удовлетворенный, я вернулся к жилым кабинам. «Теперь нужно навестить всех по очереди, — подумал я. — Сначала Пелхэм».

Когда я открыл герметичную дверь каюты Пелхэма, в нос мне

ударила невыносимая вонь разложения. С трудом переводя дыхание, я захлопнул дверь и стоял в узком коридоре весь дрожа.

Прошла минута, другая; оставалось только смириться с действительностью: Пелхэм был мертв.

Не помню точно, что я тогда делал, помню лишь, что метнулся сначала в каюту Ренфью, потом к Блейку... Чистый свежий воздух в их каютах и вид их неподвижных тел вернули мне душевное равновесие.

Меня охватила глубокая печаль. Бедный благородный Пелхэм, изобретатель эликсира долголетия, который сделал возможным этот прыжок в межзвездное пространство, лежал сейчас мертвым — жертва своего собственного изобретения.

Ведь это он говорил: «Риск, что кто-то из нас умрет, не очень велик. Но имеется, как я его называю, фактор смерти, составляющий около десяти процентов, это побочный продукт первой дозы. Если наш организм переживает первый шок, он выдержит и следующие дозы».

Видимо, фактор смерти составлял больше четырех процентов; потому-то эликсир продержал меня в гибернации четыре лишних года.

Удрученный, я пошел на склад и взял там брезент и скафандр. Но даже скафандр не облегчил чудовищного занятия! Эликсир до некоторой степени консервирует тело, но когда я его поднял, от него отваливались куски.

Наконец я отнес брезент к воздушному шлюзу и вытолкнул в космическое пространство.

Времени у меня оставалось немного. Периоды бодрствования должны были быть короткими: ведь при этом потреблялись — как мы это называли — «текущие» запасы кислорода; главный резерв должен был оставаться нетронутым. Все эти годы химические регенераторы в каютах постепенно освежали «текущий» воздух, подготавливая его к очередному пробуждению.

Как-то так получилось, что мы не приняли в расчет возможность смерти кого-либо из членов экипажа, и сейчас, уже выбравшись из скафандра, я отчетливо чувствовал разницу в составе воздуха.

Сначала я подошел к передатчику. Считалось, что половина светового года явится пределом досягаемости радиоволн, а мы как раз приближались к этой черте.

Торопливо, но довольно подробно я написал рапорт, записал его на диктофон и включил передачу.

Пройдет немногим более пяти месяцев, и сообщение достигнет Земли.

Свой рапорт я подшил в бортовой журнал, добавив внизу приписку для Ренфью. Это был короткий некролог Пелхэму.

Я писал его от чистого сердца, однако была еще одна причина. Ренфью и Пелхэм были друзьями. Ренфью — инженерный гений, конструктор нашего корабля, Пелхэм — великий химик и врач, его эликсир позволил человечеству выйти в космос.

Я считал, что Ренфью понадобится моральная поддержка, когда он очнется в тишине мчащегося корабля. Я любил их обоих, так что этот маленький некролог казался мне совершенно необходимым.

Дописав, я торопливо осмотрел двигатели, записал показания приборов и отсчитал пятьдесят пять гранул эликсира. Это была доза на очередные сто пятьдесят лет, рассчитанная со всей возможной доступной точностью.

Прежде чем погрузиться в сон, я еще долго думал о Ренфью, о том, как он будет потрясен, когда узнает о Пелхэме...

Я шевельнулся, обеспокоенный этой мыслью.

Я все еще думал об этом, когда навалилась темнота.

Почти сразу же я открыл глаза и понял, что действие эликсира кончилось.

Чувство онемения во всем теле вернуло меня к действительности. Я неподвижно лежал, разглядывая часы над головой. На этот раз я легче перенес процедуры, правда, и теперь не удержался и взглянул на хронометр, когда проходил мимо него на кухню.

Он показывал 201 год 1 месяц 3 недели 5 дней 7 часов и 8 минут.

Маленькими глотками я выпил миску суперсупа, а потом нетерпеливо обратился к бортовому журналу.

Невозможно описать охватившее меня волнение, когда я увидел знакомый почерк Блейка, а потом и Ренфью.

Пока я читал рапорт Ренфью, мои эмоции улеглись. Это был обычный сухой рапорт и ничего больше: гравиметрические данные, точный расчет пройденного пути, детальное описание работы двигателей и, наконец, оценка изменений скорости, основанная на семи постоянных.

Это была высоко профессиональная работа, первоклассный научный анализ. Но ничего кроме этого — ни одного упоминания о Пелхэме, никакой реакции на то, что я написал.

Если бы этот рапорт мог служить критерием — Ренфью вполне мог быть роботом.

Об этом я кое-что знаю.

Примерно так же считал и Блейк, я понял это из его записки.

«Билл,

ВЫРВИ ЭТОТ ЛИСТ, КОГДА ПРОЧТЕШЬ!

Итак, произошло наихудшее. Что за ирония судьбы! Для меня

невыносима даже мысль о том, что Пелхэм мертв. Что это был за человек, какой чудесный друг! Но ведь мы хорошо знали, что здорово рискуем, а он понимал это лучше, чем любой из нас. Теперь нам осталось только сказать: «Спи спокойно, дорогой друг, мы никогда тебя не забудем».

Что касается Ренфью — его состояние внушает мне тревогу. Мы беспокоились, как он перенесет первое пробуждение, а к этому добавился шок от смерти Пелхэма. Думаю, наше беспокойство было обосновано.

На земле Ренфью со своей внешностью, деньгами, интеллигентностью был избранником судьбы, мы оба это знаем. Его главным недостатком было то, что он не заботился о будущем. Блистательный ученый, окруженный толпой поклонниц и льстецов — у него оставалось время только на «сегодня».

Неприкрытая действительность всегда поражала его словно гром с ясного неба. Он покинул трех своих бывших жен (в сущности, не таких уж и бывших, если тебя это интересует), не понимая, что это навсегда.

Одного прощального банкета хватило бы, чтобы замутить человеку голову, отобрать у него ощущение действительности. Проснуться спустя сто лет и понять, что тех, кого ты любил, уже нет, что они умерли и их съели черви — брр!

(Я сознательно окрасил все в такие мрачные тона, ведь человеку свойственно анализировать даже самые страшные аспекты действительности, независимо от того, насколько сильна внутренняя цензура).

Я лично рассчитывал на Пелхэма, как на своего рода моральную опору для Ренфью. Мы оба знаем, что Пелхэм знал о своем влиянии на него. Теперь придется искать что-то новое. Попробуй что-нибудь придумать, Билл, пока будешь заниматься делом. Ведь нам придется жить с этим человеком, когда мы все проснемся через пятьсот лет. Вырви этот лист! Остальное — обычная рутина.

Нэд»

Я бросил лист в мусоросжигатель, еще раз взглянул на обоих спящих — до чего же смертельно неподвижных! — и вернулся в рубку.

На экране Солнце было очень яркой звездочкой, драгоценным камнем на темном вельвете неба, роскошным сверкающим бриллиантом.

Альфа Центавра светила ярче: лучистое сияние на фоне черноты. По-прежнему нельзя было различить Альфу и Проксиму по отдельности, но их общее свечение производило грандиозное впечатление.

Я был взволнован, только сейчас поняв значение этого события: впервые человек совершает полет на далекий Центавр, впервые осмеливается коснуться звезд.

Даже мысль о том, что на Земле после нашего отлета сменились уже семь, а может, и восемь поколений, что девушка, подарившая мне грезу о своих сладких алых губах, вспоминается своими потомками как пра-пра-пра-прабабка, если о ней вообще помнят — даже эта мысль не затмила моего восторга.

Минувшее время было огромно, невообразимо, а потому не могло вызывать эмоций.

Я выполнил все текущие операции, принял новую дозу эликсира, лег в постель и заснул, так ничего и не придумав относительно Ренфью.

Когда я снова проснулся, завывала сирена тревоги.

Я продолжал лежать, поскольку не мог сделать ничего другого. Шевельнувшись, я просто потерял бы сознание. Я хорошо знал: какой бы страшной ни была грозившая кораблю опасность, скорейший путь к ее ликвидации лежит через выполнение процедур во всех деталях и с точностью до секунды.

Все-таки мне это удалось. Сирена пронзительно выла, но я не шевелился, пока не пришло время встать. Когда я проходил через рубку, шум стоял невыносимый, но я выдержал это и потом сидел еще полчаса и цедил суп.

Я был почти уверен, что если этот содом продлится чуть дольше, Блейк и Ренфью проснутся.

В конце концов я решил, что пора познакомиться с опасностью, и, глубоко вздохнув, занял место за пультом управления. Утихомирив сверлящую мозг сирену, я включил экраны.

Кормовой экран вспыхнул огнем. Это был мощный столб белого пламени, удлинённый, заполняющий почти четверть неба. Мне в голову пришла чудовищная мысль: может, мы находимся в нескольких миллионах километров от какого-то огромного солнца, недавно вспыхнувшего в этой области пространства.

Я самозабвенно манипулировал дальномерами, потом некоторое время тупо вглядывался в ответ, с металлическим щелчком появившийся на экране.

Семь километров. ВСЕГО семь километров! Странная штука человеческий разум — минуту назад, считая, что это некая аномальная звезда, я не видел ничего, кроме раскаленной массы. Теперь же вдруг заметил отчетливые контуры и легко узнаваемый силуэт.

Ошеломленный, вскочил я на ноги, ведь это был...

Это был космический корабль! Огромный, длиной километра в полтора. Точнее — тут я вновь рухнул на кресло, потрясенный катастрофой, свидетелем которой невольно оказался — это были

пылающие останки космического корабля. Никто не мог уцелеть в этом аду, разве что экипаж успел катапультироваться на спасательных шлюпках.

Словно безумный обыскивал я небо в поисках блеска металла, который указал бы на присутствие уцелевших.

Но не было ничего, кроме темноты и звезд, и пылающих останков.

Через некоторое время я заметил, что корабль удаляется. Если его двигатели до сих пор уравнивали скорость с нашей, то теперь и они поддались ярости огня, пожиравшего корабль.

Я начал фотографировать, кстати, с полным правом пользуясь резервом кислорода. Когда расстояние между нами стало увеличиваться, эта миниатюрная Новая, бывшая до сих пор космическим крейсером, стала постепенно менять цвет, теряя свою ослепительную белизну. Последний взгляд явил мне удлинненное зарево, похожее на туманность вишневого цвета, видимую с ребра — этаким отблеск света в темноте над далеким горизонтом.

Я сделал все, что было возможно, вновь включил аварийные системы и вернулся в постель.

Ожидая, пока начнет действовать эликсир, я думал, что звездная система Альфы Центавра должна иметь населенные планеты. Если я не ошибаюсь в своих расчетах, мы находимся всего в 1,6 светового года от главной группы солнц Альфы, чуть ближе к красной Проксиме.

Это может значить, что во вселенной есть по крайней мере еще одна высокоразвитая цивилизация. Удивительный, непредставимый мир открывался перед нами. Я снова ощутил дрожь восторга.

Буквально в последнюю минуту, когда сон уже одолевал меня, я вспомнил, что совсем позабыл о наших проблемах с Ренфью.

Однако беспокойства не было. Ренфью, оказавшись лицом к лицу с чужой цивилизацией, наверняка обретет жизненную энергию.

Наши неприятности кончились.

Видимо, мое возбуждение продержалось все сто пятьдесят лет, потому что, едва проснувшись, я подумал:

«Мы на месте! Наконец-то кончилась эта долгая ночь и наше фантастическое путешествие. Теперь мы будем вместе, будем видеть друг друга и узнаем здешнюю цивилизацию, увидим солнце далекого Центавра».

Странное дело: пока я лежал, переполненный радостью, меня удивило, что прошедшее время казалось мне таким долгим.

Фактически... я просыпался всего три раза, и лишь один раз — на целый день.

Я видел, в буквальном знании этого слова, Блейка, Ренфью и Пелхэма! — всего полтора дня назад. Период моего бодрствования длился всего тридцать шесть часов с того момента, когда мягкие губы коснулись моих и прильнули к ним в сладчайшем за всю мою жизнь поцелуе.

Откуда же взялось ощущение, что прошли целые столетия, секунда за секундой? Откуда это невероятное, ничем не оправданное сознание путешествия сквозь бесконечную непроницаемую ночь?

Неужели человеческий разум так легко обмануть?

Наконец мне показалось, что я нашел ответ: мой организм жил все эти пятьсот лет, все мои клетки и органы функционировали, поэтому не исключено, что некоторые участки мозга сохраняли сознание все это время.

Конечно, играл роль и психологический фактор: ведь теперь я знал, что прошло пятьсот лет и...

Я вздрогнул, заметив, что с пробуждения прошло уже десять минут, и осторожно включил аппарат для массажа.

Мягкие руки автомата массировали меня, когда дверь открылась, щелкнул выключатель, и я увидел Блейка.

Слишком резкий поворот головы в его сторону привел к тому, что перед глазами у меня затанцевали огоньки. Закрыв глаза, я слушал его шаги, пока он шел ко мне.

Через минуту я уже мог взглянуть снова; на этот раз я видел его четко. Он нес миску с супом и остановился, угрюмо глядя на меня. Почему угрюмо?

Наконец его длинное худое лицо расплылось в бледной улыбке.

— Привет, Билл, — сказал он. — Тс-с-с! Не пытайся говорить. Я буду кормить тебя супом, а ты лежи спокойно: Чем скорее встанешь на ноги, тем лучше. Я на ногах уже две недели.

Он сел на край постели и зачерпнул ложку супа. В воцарившейся тишине был слышен только шум массажера. Силы постепенно возвращались ко мне, и я все отчетливее видел подавленность Блейка.

— Что с Ренфью? — сумел наконец выдать я. — Он проснулся?

Блейк поколебался, потом кивнул. Лицо его помрачнело, и он нахмурился.

— Он безумен, Билл, — просто сказал он. — Теперь это законченный псих! Мне пришлось его связать. Сейчас он в своей каюте, уже несколько успокоился, а до тех пор бормотал что-то, как маньяк.

— Сдурел ты, что ли? — прошептал я. — Ренфью никогда не был настолько впечатлителен. Угрюмый и унылый — это я могу понять, но одно сознание того, что прошло столько лет и никого из друзей уже нет в живых, не могло повергнуть его в безумие.

Блейк покачал головой.

— Дело не только в этом, Билл.

Он помолчал, потом продолжал:

— Билл, приготовься к шоку, какого еще никогда не переживал.

Я вопросительно уставился на него, чувствуя пустоту в голове.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, что ты это вынесешь, — говорил он со странной гримасой на лице. — В общем, не пугайся. Мы с тобой были парой подопытных мышей. Для таких толстокожих типов, как мы, должно быть все равно — приземлимся мы в миллионном году нашей эры или до нее. Мы бы осмотрелись по сторонам и сказали бы: «Как поживаешь, старый дурень?» или же: «Кто был тот птеродактиль, которого я видел с тобой вчера вечером?» или что-нибудь вроде этого.

— Говори сразу, в чем дело? — прошептал я.

Блейк встал.

— Билл, когда я прочел твои сообщения о том, что случилось, и посмотрел фотографии горящего корабля, мне кое-что пришло в голову. Две недели назад солнца Альфы были очень близко друг к другу, всего в шести месяцах от нас при нашей средней скорости восемьсот километров в секунду. «Посмотрим, — подумал я, — удастся ли поймать какую-нибудь их станцию».

— Так вот, — он заставил себя улыбнуться, — в течение нескольких минут я поймал сотни передач. Они шли на всех семи каналах, отчетливо, как колокольный звон на Рождество.

Он помолчал, глядя на меня со слабой улыбкой на губах.

— Билл, — простонал он, — мы величайшие кретины под солнцем! Когда я сказал обо всем Ренфью, он опал, как проколотый шарик.

Он снова замолчал. Мои напряженные нервы не выдержали этого молчания.

— Ради бога, дружище... — начал я и замолчал. Я лежал неподвижно, и меня вдруг осенило. Кровь застыла у меня в жилах, но наконец я сумел сказать: — Значит, ты говоришь, что...

Блейк кивнул.

— Да, именно так. Они обнаружили нас своими локирующими лучами и энергетическими экранами. Нам навстречу уже отправлен корабль.

— Надеюсь, — мрачно закончил он, — они смогут что-нибудь сделать для Джима.

Часом позже, сидя за пультом управления, я заметил вспышку, и через минуту могучий космический корабль в километре позади нас уравнивал с нами свою скорость.

Мы с Блэйком переглянулись.

— Я не ослышался? — спросил я дрожащим голосом. — Этот корабль стартовал из ангара десять минут назад?

Блэйк кивнул.

— Дорогу от Земли до Центавра он проходит за три часа.

Этого я еще не слышал и почувствовал, что в голове у меня все идет кругом.

— Что?! — воскликнул я. — А у нас это заняло пятьсот... — Я помолчал. — Три часа... Как мы могли забыть о техническом прогрессе.

Молча смотрели мы, как в монолитной стене напротив нас появляется отверстие. В эту пещеру я и направил наш корабль.

На кормовом экране было видно, как закрывается люк. Перед нами вспыхнул свет и сошелся лучом на какой-то двери. Когда я опустил корабль на металлический пол, на экране связи появилось чье-то лицо.

— Касселлахат! — прошептал мне на ухо Блейк. — Тот, что поддерживал со мною контакт.

Касселлахат — у него было умное красивое лицо — улыбнулся нам и сказал:

— Вы можете покинуть свой корабль и войти через эту дверь.

Когда мы осторожно выходили наружу, в просторный приемный зал, мне показалось, что нас окружает пустое пространство. «Это похоже на ангар межпланетного корабля», — подумал я. — Только какого-то чужого...»

«Нервы!» — тут же одернул я себя, но по лицу Блейка понял, что тот испытывает похожие чувства. Через дверь мы вошли в коридор, который привел нас в огромное роскошное помещение.

Это могла быть тронная зала или апартаменты кинозвезды. Все стены покрывали великолепные драпировки — то есть, сначала мне показалось, что это драпировки, но потом я понял, что это не так. Это было... я никак не мог понять...

Я уже видывал дорогую мебель в доме Ренфью, но эти диваны, стулья и столы фосфоресцировали, словно были сделаны из подобранных по оттенкам разноцветных огней. Нет, не так. Они не фосфоресцировали, а...

И снова я не пришел ни к какому определенному выводу.

Времени на детальный осмотр уже не было. Мужчина, одетый так же как и мы, встал нам навстречу. Я узнал Касселлахата. Он шел нам навстречу, улыбаясь, потом вдруг замедлил шаги,

потянул носом. Мгновением позже он торопливо пожал нам руки, резко отступил к креслу и сел.

Это было на удивление невежливо, но я обрадовался, когда он отошел, поскольку, как ни коротко было наше рукопожатие, успел почувствовать слабый запах духов. Это был незнакомый, но явно неприятный запах. Да и вообще — мужчина, злоупотребляющий духами!

Я вздрогнул. Неужели за эти столетия род людской стал таким изнеженным?

Жестом он пригласил нас сесть. «Неужели это и есть приветствие?» — подумал я, усаживаясь.

— Должен предупредить вас насчет вашего друга, — начал Касселлахат. — Это явный шизофреник, и наши психологи могут поправить его здоровье лишь ненадолго. Полный курс лечения потребует большого времени и вашего сотрудничества. Вы должны соглашаться на все его проекты, конечно, если они не будут представлять опасности.

— А теперь, — он одарил нас улыбкой, — позвольте приветствовать вас на четырех планетах Центавра. Это великий день в моей жизни. С раннего детства меня готовили для этой цели — быть вашим учителем и гидом. И, разумеется, я восхищен, что наступила минута, когда мои знания в области вашего языка и американских обычаев среднего периода могут найти практическое применение.

Он выглядел далеко не восхищенным: смешно морщил нос, и выражение лица у него было какое-то болезненное. Но его слова шокировали меня.

— Что вы имеете в виду, — спросил я, — говоря об «изучении американского языка?» Неужели общенародный язык уже вышел из употребления?

— Нет, разумеется, нет, — улыбнулся он, — но он так изменился, что, честно говоря, вы не поняли бы даже такого простого слова, как «ихм».

— Ихм? — повторил Блейк.

— Что означает «да».

— Вот оно что...

Мы посидели молча. Блейк грыз нижнюю губу. Наконец он сказал:

— А каковы здешние планеты? По радио вы что-то говорили о популяционных центрах, которые вновь превращаются в городские метрополии.

— Я буду счастлив показать вам столько наших метрополий, сколько вы захотите осмотреть, — сказал Касселлахат. — Вы — наши гости, и несколько миллионов кредитов положены на счет каждого из вас. Они к вашим услугам.

— О, Боже! — вырвалось у Блейка.

— Однако должен дать вам один совет, — продолжал Касселлахат. — Мы не можем допустить, чтобы наши граждане почувствовали себя обманутыми, поэтому вам нельзя будет ходить по городу или смешиваться с толпой. Они смогут увидеть вас только в хронике или в закрытой машине, а услышать — только по радио. Если у вас есть какие-то matrimониальные планы, можете раз и навсегда распрощаться с ними.

— Не понимаю, — сказал удивленный Блейк; я тоже ничего не понимал.

— Речь идет о том, — решившись, закончил Касселлахат, — чтобы никто не почувствовал вашего неприятного запаха. Это могло бы ухудшить и ваше материальное положение.

— А сейчас, — он встал, — я на время покину вас. Надеюсь, вы не обидитесь, если впредь я буду в вашем присутствии надевать маску. Всего наилучшего, господа, и...

Он замолчал, глядя на что-то позади нас.

— Ага, ваш друг тоже здесь, — сказал он.

Я резко повернулся. Блейк вытаращил глаза.

— Эй, друзья! — весело сказал от дверей Ренфью. — Какими же болванами мы были! — добавил он с гримасой.

Не зная, что ответить, я подбежал к нему, схватил за руку и мы обнялись. Блейк последовал моему примеру.

Когда мы, наконец, выпустили Ренфью из своих объятий и оглянулись, Касселлахата уже не было. Он исчез как раз вовремя, потому что я уже хотел дать ему в морду за его последнее замечание.

— Итак, внимание! — сказал Ренфью. — Мы начинаем.

Он посмотрел на нас с Блейком, оскалил зубы, радостно потер руки и добавил:

— Целую неделю я оглядывал тут все и обдумывал вопросы для этой старой квочки, а здесь...

Он подошел к Касселлахату.

— Что обуславливает постоянство скорости света? — начал он.

Касселлахат даже не моргнул.

— Скорость равна корню кубическому из tq , — ответил он. — q — означает глубину континуума пространства-времени, t — всеобщую толерантность или гравитацию, как сказали бы вы, всей материи этого континуума.

— Каким образом возникли эти планеты?

— Каждое солнце, чтобы удержаться в своем пространстве, выбрасывает материю, как корабль в море бросает якорь. Это

весьма поверхностное описание. Я мог бы дать вам математическое выражение, но его пришлось бы записывать. В конце концов, я не ученый. Просто эти факты известны мне с детства.

— Минуточку,— прервал его Ренфью.— Солнце выбрасывает эту материю безо всякого принуждения... лишь для того, чтобы остаться в равновесии?

Касселлахат посмотрел на него.

— Разумеется, нет. Принуждение очень сильно, уверяю вас. Без такого равновесия солнце выпало бы из своего пространства. Только несколько звезд-отшельниц могут поддерживать равновесие без планет.

— Несколько чего? — спросил Ренфью. Он был потрясен настолько, что забыл о вопросах, которыми собирался засыпать Касселлахата.

Мысли мои прервал голос Касселлахата:

— Солнце-отшельник,— услышал я,— это очень старая холодная звезда класса М. Самые горячие из них, как известно, имеют температуру поверхности около девяноста градусов Цельсия, самые холодные — минус десять. Это отшельник, в буквальном смысле слова, одичавший с возрастом. Главная черта такой звезды в том, что она не допускает существования рядом с собой материи, планет или даже газов.

Ренфью молчал, задумавшись, и я воспользовался случаем, чтобы продолжить дискуссию.

— Меня интересует,— сказал я,— всеобщее знание всех этих деталей, даже если человек не является ученым. Например, когда мы покидали Землю, каждый ребенок знал принципы действия атомного двигателя буквально с пеленок. Восьми- и десятилетние мальчики ездили на специально сконструированных машинах-игрушках, разбирали их на части и собирали снова. Эти принципы были у них в крови, а каждое новое достижение в этой области было для них настоящим лакомством... Так вот, я хотел бы узнать, что сейчас соответствует тогдашнему положению?

— Аделедиктандер,— ответил Касселлахат.— Я уже пытался объяснить это мистеру Ренфью, но его мозг, похоже, не принимает некоторые простейшие вопросы.

Вырванный из задумчивости Ренфью скривился:

— Он хочет убедить меня в том, что электроны могут мыслить, а я этого не могу принять.

Касселлахат покачал головой.

— Не мыслить: думать они не умеют. Но зато у них есть психика.

— Электронная психика! — воскликнул я.

— Просто аделедиктандерная,— ответил Касселлахат.— Каждый ребенок...

— Знаю,— простонал Ренфью.— Каждый шестилетка скажет мне это.— Он повернулся к нам.— Потому я и подготовил вопросы, подумав, что если мы получим образование на уровне среднеразвитых, то сможем понять этот аделедиктандерный паштет, хотя бы как местные дети.

Он повернулся к Касселлахату.

— Следующий вопрос. Что...

Касселлахат посмотрел на часы.

— Мне кажется, мистер Ренфью,— прервал он его,— если мы собираемся на планету Пелхэм, то сейчас самое время. Вы можете задавать мне вопросы по дороге.

— В чем дело? — вмешался я.

— Он свозит меня в крупные конструкторские лаборатории в Европейских горах на Пелхэме,— объяснил Ренфью.— Хотите поехать со мной?

— Нет,— ответил я.

Блейк пожал плечами.

— Я не хочу лишний раз надевать этот комбинезон, который хоть и не пропускает нашего запаха, но и не защищает нас от их вони. Мы с Биллом,— закончил он,— останемся здесь и поиграем в покер на те пять миллионов кредитов, которые лежат у нас в государственном банке.

Касселлахат повернулся в дверях. Лицо его под маской, которую он теперь носил, постоянно выражало явное неодобрение.

— Вы очень легкомысленно относитесь к дару нашего правительства.

— Ихм! — подтвердил Блейк.

— Значит, мы воняем! — сказал Блейк.

Прошло уже девять дней с тех пор, как Касселлахат забрал Ренфью на Пелхэм. Контакт с ним был возможен лишь с помощью радиотелефона: третьего дня Ренфью позвонил и сказал, чтобы мы ни о чем не беспокоились.

Блейк стоял у окна нашего помещения на вершине небоскреба в городе Нью-Америка, а я лежал навзничь на диване, с головой, полной мыслей о безумии Ренфью и воспоминаниями пятисотлетней давности.

Наконец я прервал свои раздумья.

— Перестань,— сказал я.— Мы оказались перед лицом изменений в метаболизме человеческого организма; вероятно, это вызвано новыми пищевыми продуктами с далеких звезд. Видимо, они пахнут лучше нас, если для Касселлахата быть рядом с нами — настоящая каторга, тогда как нам его соседство просто неприятно. Нас всего трое, а их — миллиарды. Честно говоря, я

не вижу решения проблемы, так что придется нам смириться.

Ответа я не получил и вернулся к своим мыслям. Мой первый рапорт был принят на Земле, и, после изобретения межзвездного двигателя в 2320 году, то есть спустя сто сорок лет после нашего отлета, люди решили, что надо делать.

Четыре пригодные для заселения планеты Центавра были названы в нашу честь: Ренфью, Блейк, Пелхэм и Эндикот. С 2320 года их население увеличилось до девятнадцати миллиардов человек. Это не считая миграции на планеты более удаленных звезд.

Пылавший космический крейсер, который я видел в 2511 году, был единственным потерянными кораблем по линии Земля — Центавр. Он мчался с максимальной скоростью, когда его энергетические экраны среагировали на наш корабль. Автоматика немедленно включила торможение, но невозможно было вдруг погасить такую скорость, и все его двигатели взорвались.

Подобная катастрофа не могла больше повториться. Прогресс в области аделедиктандеристики был так велик, что ныне даже самые большие корабли могли мгновенно остановиться на полной скорости.

Нам было сказано, что мы не должны испытывать чувства вины из-за этого случая, поскольку результатом теоретического анализа этой катастрофы явились важнейшие достижения в области аделедиктандерической электронной психологии.

Блейк опустилсЯ в ближайшее кресло.

— Эх, парень, парень, — сказал он, — ну и влипли же мы. Единственное, что нам осталось, это прожить еще лет пятьдесят в качестве паразитов чужой цивилизации, где мы не можем понять, как действуют простейшие технические устройства.

Я беспокожно зашевелился: меня мучили те же мысли. Однако я молчал, и Блейк продолжал:

— Признаться, когда я понял, что планеты Центавра колонизованы, то вообразил, что смогу завладеть сердцем какой-нибудь здешней дамы и жениться на ней.

Невольно я вновь вспомнил девичьи губы, касающиеся моих губ.

— Интересно, — сказал я, — как все это переносит Ренфью. Он...

Знакомый голос, донесшийся от двери, оборвал меня на полуслове:

— Ренфью переносит это великолепно — первый шок сменялся смирением, а оно — стремлением к намеченной цели.

Мы повернулись к двери и оказались лицом к лицу с Ренфью. Он шел к нам медленно, улыбаясь, а я смотрел на него, гадая, хорошо ли его вылечили.

Он был в отличной форме. Его темные волнистые волосы были старательно уложены, бездонные голубые глаза оживляли лицо. Он производил впечатление прирожденного физического совершенства: в обычных условиях все и всегда у него было кричаще ярким, как у актера в костюмированном фильме.

И сейчас он был таким же — кричаще ярким.

— Я купил космический корабль, парни,— сказал он,— выложил все свои деньги и часть ваших. Но я знал, что вы одобрите мою идею. Верно?

— Конечно,— согласились мы.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Блейк.

— Я знаю,— вставил я.— Мы объединим всю вселенную, посвятив остаток жизни открыванию новых неизведанных миров. Джим, это была неплохая мысль, мы тут с Блейком едва не организовали клуб самоубийц.

Ренфью улыбнулся.

— Во всяком случае, скоро нам будет некогда скучать.

Касселлахат не протестовал против проекта Ренфью, и спустя два дня мы снова оказались в космическом пространстве.

Три последующих месяца были необыкновенны. Поначалу я испытывал страх перед бесконечностью Космоса. Молчаливые планеты проплывали по нашим экранам и исчезали вдали, оставляя после себя лишь воспоминания о незаселенных, продуваемых ветрами лесах и равнинах, пустых волнующихся морях и безымянных солнцах.

Пейзажи и воспоминания вызывали у нас болезненное чувство одиночества: постепенно мы понимали, что это путешествие не поможет нам избавиться от бремени отчуждения, давившего на нас с момента прибытия на Альфу Центавра.

Мы не нашли тут никакой духовной пищи для наших сердец, ничего, что дало бы нам удовлетворение хотя бы на год, а что уж говорить о пятидесяти!

Я видел, что такие же мысли тяготят и Блейка, и ждал какого-нибудь сигнала, который говорил бы о том, что и Ренфью испытывает то же самое. Но ничего такого не было. Это меня беспокоило, поскольку я заметил еще одно: Ренфью наблюдал за нами, и во всем его поведении был намек на некое тайное знание, на какую-то тайную цель.

Мое беспокойство усиливалось, и неизменное душевное равновесие Ренфью несколько не помогало. Однажды, в конце третьего месяца, я как раз лежал на койке, погруженный в невеселые мысли о нашем положении, когда дверь открылась, и вошел Ренфью.

В руках у него были парализатор и веревка. Направив оружие на меня, он сказал:

— Мне очень жаль, Билл, но Касселлахат советовал мне не рисковать. Лежи спокойно, пока я тебя свяжу.

— Блейк! — заорал я.

Ренфью покачал головой.

— Бесполезно, — сказал он. — Я уже побывал у него.

Рука, в которой он держал парализатор, несколько не дрожала, глаза его были холодны, как сталь. Единственное, что я мог сделать, это напрячь мускулы, когда он меня связывал, и помнить, что по крайней мере в два раза сильнее его.

«Он наверняка не сможет связать меня слишком сильно», — подумал я.

Наконец он закончил.

— Не сердись, Билл, — сказал он. — Мне неприятно это говорить, но оба вы слишком разгорячились, прибыв на Центавр; это лечение, рекомендованное психологами, с которыми консультировался Касселлахат. Предположительно, это вызовет у вас шок, такой же сильный, как и прежде.

Поначалу я не обратил внимания на его слова о Касселлахате, но потом меня осенило: невероятно, но Ренфью убедил Касселлахата, что мы с Блейком спятили! Все месяцы нашего общего путешествия он держался молодцом, чувствуя ответственность за нас. Это была тонкая уловка; вопрос лишь в том, что должно стать причиной шока?

— Это не затянется надолго, — услышал я голос Ренфью. — Мы как раз выходим на орбиту звезды-отшельницы.

— Звезда-отшельница! — воскликнул я.

Он не ответил. Когда дверь за ним закрылась, я начал возиться со своими путами, не переставая рассуждать. Что там говорил Касселлахат? Что звезды-отшельницы держатся в пространстве благодаря неустойчивому равновесию. В ЭТОМ пространстве. Пот стекал по моему лицу: я представил, что нас отбросит в другую плоскость пространственно-временного континуума. Когда я освободил, наконец, руки, то почти почувствовал, как корабль падает вниз.

Я был связан не настолько долго, чтобы путы успели затормозить кровообращение, поэтому сразу направился в каюту Блейка. Две минуты спустя мы уже шли к рубке.

Ренфью мы застали врасплох. Блейк схватил его парализатор, а я одним мощным рывком выдернул его из кресла и швырнул на пол.

Он лежал неподвижно, вовсе не сопротивляясь и скалясь в улыбку.

— Слишком поздно, — усмехнулся он. — Мы приближаемся к первой ступени нетерпимости, и ничего нельзя сделать, разве что подготовиться к шоку.

Я почти не слышал его. Тяжело опустившись в кресло у пульта управления, я уставился на экраны. Ничего не было видно, и это меня поразило. Я взглянул на регистраторы: они яростно дрожали, отмечая небесное тело БЕСКОНЕЧНЫХ РАЗМЕРОВ.

Довольно долго смотрел я на эти невероятные данные, потом передвинул рукоять децелератора. Под напором полной тяги аделедиктандера корабль замер. Зримо представив себе две силы, противостоящие друг другу, я выжал рукоять до упора.

Падение продолжалось.

— Орбита,— услышал я голос Блейка.— Выведи нас на орбиту.

Дрожащими пальцами я постукивал по клавиатуре, вводя новые данные размера, гравитации и массы солнца.

Отшельница не оставила нам ни одного шанса.

Я попытался рассчитать другую орбиту, третью, четвертую... Наконец я вычислил орбиту, которая увела бы нас даже от мощного Антареса, но жуткое падение продолжалось.

Экраны были по-прежнему пусты — ни следа материи. На секунду мне показалось, что я смутно вижу пятно большей черноты на фоне мрака космического пространства, но уверенности у меня не было.

Наконец в порыве отчаяния я присел возле Ренфью, который даже не пытался подняться.

— Слушай, Джим,— умоляюще сказал я,— зачем ты это сделал? Что теперь с нами будет?

Он беззаботно улыбнулся.

— Подумай,— сказал он,— о старом, заскорузлом отшельнике-человеке. Он поддерживает связи со своими приятелями, которые так же слабы, как у звезды-отшельницы с другими звездами в галактике. Вот-вот мы должны наткнуться на первый уровень нетерпимости. Это проявляется в прыжках типа квантового, каждые четыреста девяносто восемь лет, семь месяцев, восемь дней и несколько часов.

Это звучало сущим бредом.

— Но что будет с нами? — напирал я.— Ради Бога, Джим!

Он посмотрел на меня с иронией, и я вдруг понял, что он совершенно здоров психически. Прежний рассудительный Ренфью даже стал как-то лучше и сильнее.

— Нас отбросит с этого уровня нетерпимости, и тем самым мы вернемся...

Удар!

Резкий перекус. Я с грохотом рухнул на пол, поскользнулся, и тут чьи-то руки — это был Ренфью — схватили меня. И все кончилось.

Я поднялся, чувствуя, что мы уже не падаем. Посмотрел на

пульт. Все огоньки погасли, все стрелки стояли на нулях. Повернувшись, я взглянул на Ренфью, потом на Блейка, мрачно поднимавшегося с пола.

— Пусти меня к пульта, Билл,— требовательно сказал Ренфью.— Я хочу рассчитать курс на Землю.

Целую минуту я таращился на него во все глаза, потом медленно отодвинулся. Пока он настраивал приборы и нажимал ручку акселератора, я стоял рядом. Наконец он взглянул на меня.

— Мы будем на Земле через восемь часов,— сказал он,— то есть, примерно через полтора года после того, как покинули ее пятьсот лет назад.

Я чувствовал, как трещит мой череп, и только через какое-то время понял, что это — из-за внезапного озарения.

Так значит, звезда-отшельница, освобождая от нас свое поле нетерпимости, просто стянула нас в другое время. Ренфью говорил, что это бывает каждые... четыреста девяносто восемь лет, семь месяцев и...

«Но что будет с кораблем? Разве можно перенести в XXII век аделедиктандер XXVII и тем самым изменить ход истории?» — бормотал я себе под нос.

Ренфью покачал головой.

— А что мы в нем понимаем? Разве мы осмелимся когда-нибудь залезть в его двигатель? Наверняка нет. Мы оставим корабль для своих собственных нужд.

— Н-но...— начал я, однако Ренфью прервал меня.

— Послушай, Билл,— сказал он.— Представь себе такую картину: через пятьдесят лет девушка, которая тебя поцеловала,— я видел, как это тебя потрясло,— будет сидеть рядом с тобой, когда твой голос из Космоса сообщит на Землю, что ты только что проснулся и съел первую порцию супа во время первого межзвездного полета к Альфе Центавра.

Именно так все и оказалось.

КОТ! КОТ!

Вся компания, как обычно, собралась в баре. Кэти делала вид, что надралась, Тэд изображал идиота, а Мира захохотала на три тона, совсем как музыкант, настроивающий инструмент. Джонс разговаривал с Гордом своим обычным властным тоном, а Горд то и дело повторял «угу», словно в самом деле слушал его. Мортон же старался обратить на себя внимание тем, что оставался в стороне, в своем кресле, приняв позу интеллектуала.

Никто из них не обратил внимания на небольшого худощавого мужчину, сидевшего у стойки. Мужчина этот внимательно разглядывал их, однако никто не смог бы сказать, когда он к ним присоединился и кто его пригласил. Никому не пришло в голову сказать ему, чтобы он шел своей дорогой.

— Так значит, вы говорили об основных чертах человеческой натуры? — сказал незнакомец.

— Мы и об этом говорили? — захохотала Мира.

Общий смех не смутил чужака.

— Так получилось, что со мной произошло нечто такое, что могло бы послужить иллюстрацией этой темы. Однажды, просматривая газету, я наткнулся на рекламу цирка...

— На самом верху, — продолжал он, — был напечатан огромный вопросительный знак, за ним следовали несколько не менее огромных восклицательных. Потом шел текст:

ЧТО ЭТО ЗА СОЗДАНИЕ?

ЭТО КОТ!

ПРИХОДИТЕ ВЗГЛЯНУТЬ НА КОТА!

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ЗРЕЛИЩЕ!

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ!

ТОЛЬКО У НАС — В НАШЕМ САЛОНЕ ДИКОВИН!

Внизу буквами поменьше сообщалось, что представляет кота «сам Силки Тревис».

До этой строчки я читал объяснение без особого интереса, но фамилия заставила меня вскочить.

«О, Боже, — подумал я, — это он! Силки Тревис! Это же он был на открытке».

Я поспешил к столу и вынул карточку, что пришла с почтой два дня назад. До сих пор я не обращал на нее внимания. Текст, написанный на обороте мелкими буквами, был просто бредом, а лицо на снимке, хоть и знакомое, не вызвало в моей памяти никакого отклика. Снимок представлял мужчину с маниакальным взглядом, сидящего в небольшой клетке. Сейчас я заметил в нем сходство с Силки Тревисом, правда, не таким, каким я знал его пятнадцать лет назад, а более полным и старым — таким он мог быть сейчас.

Вернувшись в кресло, я задумался о прошлом.

Тогда это имя ему подходило.¹ Когда в средней школе он организовал конкурс красоты, то первую награду присудил своей кузине, а вторую — девушке, бывшей любимицей большинства учителей. Школьные выставки, представляющие различные виды местных ящериц, змей, насекомых, а также местные индейские поделки всегда были событием года и привлекали толпы восхищенных родителей. Именно Силки организовывал их, равно как спортивные соревнования, концерты во время каникул и прочие школьные развлечения; во всем чувствовалась его профессиональная рука и душа прирожденного циркача.

После окончания школы я поступил на биологический факультет университета и на семь лет потерял Силки из виду. Потом в одной из газет я прочитал в светской хронике, как хорошо чувствует себя Силки Тревис в большом городе. Он только что приобрел долю в реву, а еще у него была доля в концессии на пляжные районы Нью-Джерси.

И снова тишина. А сейчас — и это не подлежало сомнению — он стал хозяином циркового паноптикума.

Разгадав таким образом — как мне тогда казалось — загадку почтовой открытки, я почувствовал снисходительное веселье. Интересно, отправил ли Силки такие же открытки всем своим давним школьным друзьям? Я решил не ломать больше головы над значением слов, написанных на обороте; вся интрига была слишком уж очевидна.

У меня не было ни малейшего намерения идти в цирк. Спать я лег как обычно, но спустя несколько часов вдруг проснулся с сознанием, что в комнате кто-то есть. Чувства, которые я тогда испытал, хорошо описаны Джонсоном в его книге о патологических страхах.

Я жил в тихом, спокойном районе, ночью вокруг было настолько тихо, что я слышал удары собственного сердца. Желчь прилила к моему желудку, во рту появилась горечь.

Я по-прежнему ничего не видел, но кошмар не проходил, и

¹ Silky (англ.) — шелковый, другое значение — хитрый.

мне пришло в голову, что все это может быть сонным видением.

— Есть здесь кто? — буркнул я.

Тишина.

Выбравшись из постели, я зажег свет. В комнате никого не было. Однако это меня не удовлетворило. Я вышел в переднюю, заглянул в гардероб и ванную. Наконец, несколько не успокоенный, проверил, закрыты ли окна. Тут-то я и пережил шок. Снаружи на стекле кто-то написал:

КОТ ПРОСИТ ТЕБЯ ЗАЙТИ В ЦИРК.

Я вернулся в постель, злой до такой степени, что всерьез подумывал, не потребовать ли ареста Силки. Когда я проснулся утром, надпись исчезла.

Ко времени завтрака моя злость прошла. Меня даже развеселило отчаянное желание Силки показать старым знакомым, какой важной фигурой он стал. Перед тем, как отправиться в университет, я осмотрел окна спальни снаружи. Под ними были какие-то углубления, но они не были похожи на отпечатки человеческих ног; вероятно, Силки постарался не оставить после себя следов.

В университете один студент спросил меня, может ли биология научно объяснить возникновение мутантов. Я воспользовался стереотипным ответом, упомянув неправильное питание, болезни, замедленное развитие мозга, воздействующее на развитие тела, и так далее. Под конец я бесстрастно заметил, что за дополнительной информацией советую обратиться к моему старому знакомому Силки Тревису, представляющему паноптикум в цирке Пегли и Маттерсона.

Это сделанное мимоходом замечание вызвало настоящий взрыв. Мне тут же сообщили, что именно цирковая диковина послужила поводом для вопроса. «Это — странное, похожее на кота существо, — сказал студент, понизив голос, — оно смотрит на тебя с таким же интересом, что и ты на него».

В этот момент прозвенел звонок и избавил меня от необходимости комментировать это замечание. Помню однако, что я подумал тогда, как мало изменилась человеческая натура. Людей по-прежнему интересуют в первую очередь отклонения от нормы, тогда как меня, ученого, поражает именно нормальность.

И после этого я не собирался идти в цирк. Возвращаясь домой, я полез за пазуху и вынул из кармана карточку со снимком Силки. Я рассеянно взглянул на нее еще раз и прочел текст на обороте.

«Доставка межпространственной корреспонденции требует огромной энергии, что может вызвать разницу времени. Поэтому возможно, что эта открытка дойдет до тебя прежде, чем я

узнаю, кто ты. На всякий случай посылаю еще одну в цирк на твое имя и с твоим адресом.

Не гадай о том, как они были тебе доставлены. Просто в нашем почтовом ящике помещается некое устройство, которое переносит карточки в ящик на Земле, откуда они доставляются обычным путем. Само устройство тут же исчезает.

Снимок говорит сам за себя!».

Однако он ничего мне не говорил! Я снова почувствовал досаду и сунул открытку в карман, собираясь сейчас же позвонить Силки и спросить, что означает вся эта ерунда. Разумеется, я этого не сделал. В конце концов, это было не так уж и важно.

Когда я встал на следующее утро, надпись «КОТ ХОЧЕТ С ТОБОЙ ГОВОРИТЬ!» красовалась с наружной стороны того же стекла. Видимо, она находилась там уже давно, потому что линии уже начинали таять. Когда я кончил завтракать, они исчезли совсем.

На этот раз я испытал скорее беспокойство, чем злость. Такая настойчивость со стороны Силки указывала на невротическое расстройство его психики. Может, следует сходить на это выступление, доставить ему удовлетворение, которое позволит отдохнуть его беспокойному духу, посещавшему меня две ночи подряд? Однако только после обеда мне пришла в голову мысль, укрепившая меня в этом намерении. Я подумал о Вирджинии.

Уже два года я читал биологию в университете штата, реализуя таким образом юношеские стремления, которые — теперь я это ясно вижу — впервые в жизни завели меня в тупик. Именно тогда, впервые за время своего довольно монотонного существования, я почувствовал matrimониальные порывы. Моей избранницей была Вирджиния, но она, к несчастью, считала меня помесью улитки и чистого разума. Я мог быть абсолютно уверен, что мысль выйти за меня замуж до сих пор никогда к ней не приходила.

Какое-то время я питал надежду, что найду способ переубедить ее, не рискуя своим достоинством, докажу ей, что являюсь человеком романтическим, и она ответит «да». И вот подвернулся случай доказать свою романтичность, а именно — показать, что я по-прежнему восхищаюсь цирком. А в качестве кульминации вечера я предложил бы ей демонстрацию Силки собственной персоной. Можно было надеяться, что само знакомство с таким типом тронет ее эксцентрическую душу.

Первый барьер был взят, когда я позвонил Вирджинии и она согласилась пойти со мной в цирк. Я делал хорошую мину уже с самого начала — во время поездки на колесе обозрения и подобных детских шуток. Наконец, я улучил момент и предло-

жил ей пойти взглянуть на диловины, представляемые моим старым другом Силки Тревисом.

Это действительно произвело на нее впечатление. Остановившись, она укоризненно посмотрела на меня.

— Филипп, — сказала она, — не хочешь ли ты сказать, что лично знаком с Силки? Тебе придется это доказать.

Когда мы вошли, Силки не было, но билетер вызвал его из какого-то подсобного помещения, и через минуту Силки ворвался в главный шатер, где располагался его салон диловин. Фигурой он напоминал растолстевшую акулу. Глаза его сузились, словно все эти пятнадцать лет он провел, прикидывая, как использовать ближних для собственной выгоды. Я не заметил маниакального взгляда, запечатленного на фотографии, но по лицу его уверенно читались маниакальные склонности: жадность, стремление к обману и жестокость. Он был именно таким, как я и ожидал, и вот что самое интересное: он неподдельно мне обрадовался. Это была специфическая радость — как у одинокого бродяги, который наконец-то увидел жилье. Мы оба чуть переборщили, приветствуя друг друга, но в равной степени были рады своему взаимному энтузиазму. Когда кончились приветствия и представления, доброжелательность Силки расцвела совсем уж пышным цветом.

— Недавно здесь был Брик. Он говорил, что ты читаешь лекции в университете. Поздравляю! Я всегда знал, что в тебе что-то есть.

Я постарался поскорее уйти от этой темы.

— А может, ты нас поводишь и расскажешь что-нибудь о себе? — предложил я.

До этого мы уже осмотрели необыкновенно толстую женщину и живой человеческий скелет, но Силки вернулся к ним, чтобы рассказать о СВОЕЙ жизни с ними: как он их нашел и как мог получить признание. Он был очень многословен, поэтому время от времени я подгонял его. Наконец мы остановились перед небольшим шатром, на брезентовом клапане которого было всего одно слово: КОТ. Я обратил на него внимание еще раньше; болтовня зазывалы, стоявшего у входа, уже возбудила мой интерес.

— Зайдите взглянуть на Кота! Уважаемая публика, это не обычная диловина, это настоящая сенсация! Никогда прежде в цирке не было такого существа. Это биологический феномен, удививший ученых всей страны... Уважаемая публика, это действительно нечто невероятное! Билеты по двадцать пять центов, а если вы выйдете недовольными, получите свои деньги обратно. Да-да, вы не ослышались: каждый может получить деньги обратно, достаточно лишь подойти к кассе...

И так далее, и так далее. Правда, эта реклама была не слишком привлекательной, однако мое воображение подстегнула реакция публики. Людей впускали группами, а внутри был, наверное, какой-то комментатор, несколько минут он говорил что-то едва слышно, а потом громко произносил:

— А теперь, уважаемая публика, мы поднимаем занавес!

Занавес поднимался, вероятно, одним движением, точно рассчитанным по времени, потому что сразу же после последнего слова следовала реакция зрителей:

— О-о-о-о!

Потом наступала интригующая тишина, а затем люди выходили. И ни один не просил вернуть деньги.

Перед входом вышла небольшая заминка. Силки начал бормотать о том, что является владельцем только части представления, а потому не может давать входных билетов. Я положил этому конец, быстро купил билеты, и мы вошли в шатер с очередной группой.

Существо, сидевшее в кресле на небольшом возвышении, имело около полутора метров роста при стройном теле. У него была кошачья голова и жесткая шерсть. Выглядело оно, как увеличенная версия животного из комиксов.

Однако на этом сходство с котом кончалось.

Во всем остальном это было что-то совсем другое. Конечно, не кот, я понял это с первого взгляда: у него было совершенно иное строение тела, и я почти сразу выделил принципиальные анатомические отличия.

Голова: лоб высокий, а не низкий, покатый. Лицо гладкое, почти безволосое, оно выражало характер, силу и высокую разумность. Тело — на длинных прямых ногах, пропорционально сложенное, плечи гладкие, руки с короткими, но развитыми пальцами, заканчивающимися тонкими острыми когтями.

И уж совершенно не кошачьи были его глаза. Они выглядели почти обычно: слегка раскосые, прикрытые настоящими веками, почти того же размера, что и у людей. Однако эти глаза буквально **ТАНЦЕВАЛИ**. Они двигались в два или даже в три раза быстрее, чем глаза людей. Пристальный взгляд при такой высокой скорости движения доказывал, что существо может прочесть кадр микротипии, находящийся на другом конце комнаты. Какие же точные образы должен был получать этот мозг!

Все это я заметил за несколько секунд. А потом существо шевельнулось.

Не торопясь, небрежно и свободно, оно встало, зевнуло и потянулось. Наконец, сделало шаг вперед. Женщины, собрав-

шиеся в зале, заволновались, но служитель успокаивающе сказал:

— Все в порядке, не беспокойтесь. Он часто так спускается и смотрит. Он не опасен.

Публика стояла неподвижно, пока Кот спускался с возвышения и приближался ко мне. Передо мною он остановился и с интересом оглядел меня. Потом осторожно отогнул полу моего пиджака и изучил содержимое нагрудного кармана.

Вынув почтовую карточку с фотографией Силки, которую я забрал с собой, чтобы выяснить, в чем дело, он долго ее разглядывал и наконец подал Силки. Тот вопросительно взглянул на меня.

— Можно?

Я кивнул. Мне казалось, что я стал свидетелем драмы, смысла которой не понимаю. Я внимательно смотрел на Силки.

А он взглянул на снимок, и уже совсем было собрался вернуть его мне, когда вдруг замер. Потом резко отдернул руку и уставился на фотографию.

— О, Боже! — прошептал он. — Это же моя фотография.

Он не играл, удивление его было настолько искренним, что я поразился.

— Значит, это не ты отправил карточку? — спросил я. — Не ты писал эту чушь на обороте?

Силки молчал. Повернув карточку, он прочел текст и покачал головой.

— Это какая-то бессмыслица, — пробормотал он. — Гм, ее отправили из Марстауна. Мы были там три дня на прошлой неделе.

Он вернул мне карточку.

— Я ее никогда прежде не видел. Странно...

Я поверил ему. Держа карточку в руке, я вопросительно взглянул на Кота. Однако существо уже перестало нами интересоваться. Оно повернулось, вновь поднялось на возвышение и опустилось в свое кресло. Потом зевнуло и закрыло глаза.

И это было все. Мы вышли из шатра и попрощались с Силки. Я не придавал особого значения этому эпизоду, а позднее, уже по дороге домой, он показался мне совсем пустяковым.

Не знаю, как долго я спал. Переворачиваясь на другой бок, чтобы снова погрузиться в сон, я заметил, что ночник горит, и резко сел в постели.

В кресле, не далее метра от меня, сидел Кот.

Вокруг была мертвая тишина. Поначалу я не мог выдавить из себя ни звука. Мне вспомнились слова служителя, что Кот «...не опасен», но теперь я в это не верил.

Уже в третий раз это создание явилось ко мне: ведь это оно писало на стекле. Я вспомнил содержание последнего послания: «Кот хочет с тобой говорить», и испугался. Может ли быть, чтоб это существо говорило?

Неподвижность незваного гостя прибавила мне смелости. — Ты можешь говорить? — спросил я, облизнув губы.

Кот шевельнулся, поднял лапу — неторопливо, как человек, не желающий вызвать переполох — и указал на ночной столик у моей постели. Проследив за его указательным пальцем, я заметил там, прямо под лампой, какое-то устройство. Из него донеслось:

— Я не могу издавать звуков человеческой речи, но ты сам можешь убедиться — передатчик отлично подходит для этого.

Признаться, я так и подпрыгнул на кровати; сердце у меня замерло и начало биться вновь лишь тогда, когда пауза затянулась, а со мной не произошло ничего страшного. Не знаю почему, но я считал, что общение со мной при помощи механического устройства чем-то мне грозит.

Полагаю, это сработал инстинкт самозащиты. Прежде чем ясность мышления вернулась ко мне, устройство на столике произнесло:

— Передача мыслей с помощью электронного устройства основана на использовании энергии ритмов мозга.

Это заявление задело меня. Я много читал на эту тему, начиная с реферата профессора Ганса Бергера (1929 год) о мозговых ритмах мозга. Там утверждалось нечто другое.

— А разве их электрический потенциал не слишком мал? — спросил я. — Кроме того, у тебя открыты глаза, а ритмы всегда искажаются, если глаза открыты. В сущности, центрам зрения подчинена настолько значительная часть мозговой коры, что ритмы вообще не обнаружимы.

Тогда я не обратил на это внимания, но сейчас думаю, что сбил его с панталыку.

— Какие замеры проводились? — спросил он. Его интерес чувствовался даже без передатчика мыслей.

— Фотоэлементы намерили всего пятьдесят микровольт энергии, — сказал я, — в основном, в активных центрах мозга. Ты знаешь, что такое микровольт?

Он кивнул.

— Я не скажу тебе, какую энергию производит мой мозг, — произнес он после паузы. — Это может тебя испугать. Но не вся эта энергия является разумом. Я — студент, совершающий экскурсию по Галактике. Можно назвать ее последипломной практикой. Для нас, студентов, обязательны некоторые принципы... — Он прервался. — Ты открыл рот. Хочешь что-то сказать?

Я был буквально раздавлен...

— Ты сказал, по Галактике? — спросил я наконец.

— Да.

— Но... но ведь это должно длиться много лет! — Мой мозг напряженно работал, пытаюсь толком осознать все это.

— Мое путешествие продлится около тысячи лет вашего времени.

— Ты бессмертен?

— О, нет.

— Тогда... — Я замолчал, не в силах говорить дальше, и сидел с пустотой в голове, а Кот продолжал:

— Устав студенческого братства обязывает нас рассказать о себе одному местному существу, когда мы покидаем ту или иную планету. А также забрать с собой какой-нибудь сувенир, символизирующий цивилизацию существ, живущих на ней. Интересно, что ты предложишь в качестве сувенира с Земли? Это должно быть нечто такое, что сразу покажет доминирующее качество в характере вашей расы.

Это объяснение успокоило меня. Мои мысли перестали кружиться в безумном темпе, и я почувствовал себя гораздо увереннее. Сев поудобнее, я задумчиво погладил лицо, искренне веря, что выгляжу разумным существом, совету которого можно последовать.

Постепенно я начал понимать всю сложность проблемы. Я всегда считал, что человек — существо неизмеримо сложное. Как же можно выбрать всего одну черту в его богатой, сложной натуре и сказать: «Вот это и есть человек»?

— Может ли это быть произведение искусства, науки или что-то подобное? — спросил я.

— Что угодно.

Моя увлеченность еще больше усилилась. Всем своим естеством я принял важность происходящего со мной. Нужно было, чтобы эта великая раса, которая путешествует вдоль и поперек Галактики, получила верное представление о человеческой цивилизации. Когда, наконец, я нашел решение, то сам был удивлен, что это потребовало так много времени. Но я уже знал, что нашел верный ответ.

— Человек, — сказал я, — испокон веков был существом религиозным. С незапамятных времен, слишком удаленных от нас, чтобы сохранились какие-либо записи, человеку требовалась вера. Когда-то он отождествлял веру с божеством стихии: бури, реки, растения, потом боги стали невидимыми. Сейчас же они вновь становятся ощутимыми — это система хозяйствования, наука. Человек поклоняется им, другими словами, относится к ним чисто религиозно.

— Так вот, — закончил я, довольный сам собой, — тебе нужно отлитое из твердого металла изображение человека с откинутой назад головой, воздетыми к небу руками, с выражением экстаза на лице и подписью на основании скульптуры: «Верую».

Кот внимательно смотрел на меня.

— Это очень интересно, — сказал он наконец. — Пожалуй, ты близок к цели, но это еще не тот ответ. — Он встал. — Я хочу, чтобы ты сейчас пошел со мной.

— Что?

— Одейся, пожалуйста.

Это было сказано равнодушным тоном, и страх, который тлел где-то на дне моей души, вспыхнул вновь.

Я сидел за рулем, Кот — рядом со мной. Ночь была холодная и темная. Время от времени из-за облаков выглядывал серп луны, местами посверкивали звезды. Осознав, что откуда-то из тех мест прибыло на Землю это существо, я несколько расслабился.

— Скажи, жители вашей планеты ближе нас подошли к глубинному значению истины? — рискнул я спросить его.

Это прозвучало как-то неестественно, педантично; типичный учительский вопрос. Я торопливо добавил:

— Надеюсь, ты не обидишься, если я задам тебе несколько вопросов?

И снова это прозвучало как-то не так. Во внезапном приступе отчаяния мне показалось, что я теряю шанс, даваемый раз в тысячу лет. Мысленно я проклинал свой профессорский опыт, из-за которого говорил языком сухой и скучной лекции.

— Открытку послал ты? — спросил я.

— Да. — Голос, идущий из устройства, которое существо теперь держало на коленях, звучал тихо, но отчетливо.

— А откуда ты узнал мою фамилию и адрес?

— Я вовсе этого не знал. — Прежде чем я успел что-либо сказать, он продолжал: — До того как ночь кончится, ты поймешь все.

— О! — Я помолчал, чувствуя холод в желудке и стараясь не думать о том, что еще произойдет, прежде чем ночь подойдет к концу.

— ...вопросы? — выдавил я. — Ты ответишь на них?

Я уже открыл рот, чтобы со скоростью пулемета засыпать его серией вопросов, но не сказал ничего. Что я, собственно, хотел узнать? Множество ассоциаций, теснившихся в мозгу, мешали мне говорить. Почему, ну, почему, люди так зависят от эмоций в решающие моменты своей жизни? Я не мог собраться

с мыслями, а время уходило. Когда я наконец заговорил, мой первый вопрос был банальным и, честно говоря, случайным.

— Ты прибыл на космическом корабле?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Нет, — медленно ответил он. — Я использовал для этой цели энергию своего мозга.

— Что? Ты преодолел космическое пространство сам по себе?

— В некотором смысле, да. Вскоре человечество совершит первые открытия в области использования энергии ритмов мозга. Это будет переломным моментом в вашей науке.

— Мы уже совершили кое-какие открытия, касающиеся нашей нервной системы и ритма.

— Венцом этого, — последовал ответ, — будет власть над силами природы. Больше я ничего не скажу тебе об этом.

Он замолчал, но ненадолго. Теперь вопросы сами просились мне на язык.

— Возможно ли использование в космических кораблях атомного привода?

— Не в том смысле, как ты это понимаешь, — ответило существо. — Атомный взрыв не может быть ограничен, но можно использовать серию точно рассчитанных взрывов. А это вопрос техники, и с теоретической физикой не имеет ничего общего.

— А жизнь? — пробормотал я. — Как возникла жизнь?

— Это вопрос электронных случайностей, проявляющихся в оптимальной среде.

Тут пришлось остановиться, этого я понять не мог.

— Электронные случайности? Как это понимать?

— Разница между органическим и неорганическим атомами заключается в их внутреннем строении. Углеводороды, наиболее чувствительные при определенных условиях, являются тривиальной формой жизни. Располагая атомной энергией, человек вскоре обнаружит, что жизнь можно создать из любого элемента или химического соединения. Но будьте осторожны. Углеводороды — структуры нестабильные, их можно легко уничтожить на нынешнем этапе развития.

Я поежился. Легко можно было представить, какого типа эксперименты проводятся в их государственных лабораториях.

— Так значит, — произнес я, чувствуя, как у меня перехватывает горло, — есть формы жизни, которые могут оказаться опасными уже в момент их создания?

— Опасными для человека, — ответило существо. — Поверни-ка на эту улицу, — сказала вдруг оно. — А потом поезжай прямо до въезда во двор цирка.

Я ехал, онемев от удивления. Странно, даже тень истины вызвала у меня шок.

Вскоре мы уже входили в темный тихий шапито, где размещался салон диковин. Я знал, что сейчас разыграется последний акт драмы.

В темноте задрожал слабый огонек. Когда он приблизился, я увидел идущего к нам мужчину. В темноте я не мог его узнать. Свет стал сильнее, и тут я понял, что источника у него нет. А потом узнал Силки Тревиса.

Он глубоко спал.

Подойдя к нам, он остановился. Выглядел он как-то неестественно и жалко, как женщина, которую застали без макияжа. Бросив на него испуганный взгляд, я с трудом выговорил:

— Что ты хочешь с ним сделать?

Кот ответил не сразу. Повернувшись, он задумчиво смотрел на меня, потом мягко, одним пальцем, коснулся лица Силки. Тот открыл глаза, но и только. Я понял, что он едва понимает, что с ним происходит.

— Он нас слышит? — спросил я.

Кот кивнул.

— Он способен мыслить?

На этот раз он отрицательно покачал головой, а потом сказал:

— В своем анализе человеческой природы ты выделил лишь один симптом. Человек — существо верящее, но только из-за некоторой характерной черты. Я подскажу тебе. Когда какой-нибудь пришелец из Космоса появляется на чужой планете, у него есть только один способ маскировки. Когда ты поймешь, что это за способ, узнаешь, какова главная черта вашей расы.

Я попытался собраться с мыслями. В темной пустоте шапито, в глубокой тишине циркового двора все это показалось мне сюрреалистическим сном. Я не чувствовал страха перед Котом, и все-таки на дне души таилось какое-то паническое предчувствие, мрачное, как ночь. Я посмотрел на невозмутимого Силки, на морщины его постаревшего лица, на морщины, отражающие всю его прежнюю жизнь, потом перевел взгляд на Кота и сказал:

— Любопытство. Ты имеешь в виду человеческое любопытство. Интерес, который человек проявляет к странным, диковинным созданиям, заставляет его считать их естественными.

— Для меня совершенно невероятно, — сказал Кот, — что ты, человек интеллигентный, не заметил одну общую черту всех человеческих существ. — Он живо повернулся и выпрямился. — Ну, хватит. Я выполнил все условия, которые передо мной стояли: провел здесь некоторое время, избежав опознания, и рассказал о себе одному жителю. Осталось только отправить домой характерное творение вашей цивилизации, и можно отправляться в путь...

— Надеюсь, это творение — не Силки? — рискнул я спросить.

— Мы редко выбираем живых обитателей планеты, — последовал ответ, — и уж если делаем так, всегда даем им взамен что-то ценное. В данном случае это практическое бессмертие.

Оставались считанные секунды. Я вдруг испытал безнадежное отчаяние, и вовсе не потому, что хоть сколько-то жалел Силки. Он стоял, словно пень, и все ему было совершенно безразлично. Но я чувствовал, что Кот открыл какой-то секрет человеческой натуры, который я, как биолог, должен узнать.

— Ради Бога подожди! — воскликнул я. — Ты еще не объяснил, что это за главная черта человеческой натуры? А открытка, которую ты мне послал? А...

— Я дал тебе все, необходимое для размышления. Если ты не можешь ничего понять, то это уже не мое дело. У нас, студентов, есть свой кодекс, я выполнил все его требования.

— Но что мне сказать миру? — в отчаянии спросил я. — Разве у тебя нет никакого послания к людям? Никакого...

Он снова взглянул на меня.

— Если сможешь — не говори никому и ничего.

Он начал удаляться, не оглядываясь больше. Я вдруг заметил, что слабый огонек над головой Силки расширяется, становится все ярче, интенсивнее, начинает легонько, но ритмично пульсировать. Соединенные его блеском Кот и Силки сделались лишь туманными силуэтами, словно тени в огне.

Потом и эти тени затерялись, а матовый свет начал бледнеть. Постепенно он сполз к земле и лежал там пятном некоторое время, и, наконец, расплылся в темноте.

Силки и странный Кот исчезли без следа.

Сидящие вокруг стола в баре молчали. Наконец Горд сказал свое «угу», а Джонс спросил обычным властным голосом:

— Вы, конечно, разгадали тайну открытки?

Худощавый мужчина, похожий на учителя, кивнул.

— Думаю, да. Подсказкой оказалось упоминание о разнице времен. Открытку отправили уже ПОСЛЕ ТОГО, как Силки выставили в качестве экспоната в школьном музее на той кошачьей планете, но из-за разницы времен она пришла ДО ТОГО, как я узнал, что Силки приехал в наш город.

Мортон вынырнул из глубин своего кресла.

— А что насчет основной черты человеческой натуры, внешним проявлением которой является религия?

Незнакомец махнул рукой.

— Представляя диковины природы, Силки, по сути дела, выставлал напоказ самого себя. Для человека религия — это форма самодраматизации перед Богом. Любовь к самому себе,

самолюбование — это, в сущности, способ утвердить самого себя... и потому-то существо с другой планеты смогло довольно долго находиться среди нас незамеченным.

Кэти откашлялась и спросила:

— Меня интересует любовная линия. Вы женились на Вирджинии? Ведь это вы тот самый профессор биологии, правда?

Чужак покачал головой.

— Я был им, — ответил он. — Нужно было последовать совету Кота, но я решил, что следует рассказать всем людям о том, что случилось. Меня уволили через три месяца. Я не скажу вам, чем занимаюсь сейчас, но бросать этого нельзя! Мир должен узнать о слабости человеческой природы, которая вяжет нас по рукам и ногам! А Вирджиния... что ж, она вышла за пилота одной из крупных авиакомпаний, то есть поддалась его версии самодраматизации.

Он встал.

— Ну, мне пора. Этой ночью я должен навестить еще множество баров.

Когда он вышел, Тэд на минуту перестал строить из себя идиота.

— Эй, — сказал он, — у этого типа неплохой текст. Представьте, как он будет ходить и повторять свою историю всю ночь! Какое благодатное поле деятельности для того, кто хочет быть в центре внимания!

Мира захохотала, Джонс заговорил с Гордом тоном человека, познавшего все, а Горд все повторял свое «угу», как будто слушал его. Кэти положила голову на стол и пьяно захрапела, а Мортон еще глубже погрузился в свое кресло.

Содержание

Генри Каттнер

НОЧНАЯ БИТВА. Перевод с англ. И. Невструева	4
ПРИЗРАК. Перевод с англ. И. Невструева	59
ТВОНК. Перевод с англ. И. Невструева	75

Рэй Бредбери

ОГНЕННЫЙ СТОЛП. Перевод с англ. И. Невструева	98
СПУСТИСЬ В МОЙ ПОДВАЛ. Перевод с англ. И. Невструева	131
ПОДАРОК. Перевод с англ. С. Ирбисова	146
ШЛЕМ. Перевод с англ. С. Ирбисова	150
МЫШАТА. Перевод с англ. С. Ирбисова	158
ВОРОНЬЯ СТАЯ. Перевод с англ. С. Ирбисова	164
ЛАЗАРЬ, ВОССТАНИ! Перевод с англ. С. Цырульниковой	175
ОРУДИЯ РАДОСТИ. Перевод с англ. И. Софронова	187
ПОДМЕНА. Перевод с англ. М. Ларюнина	201
МОРЯК ВЕРНУЛСЯ С МОРЯ. Перевод с англ. И. Пигулевской	210
СЕМЕЙНЫЙ АЛТАРЬ. Перевод с англ. С. Ирбисова	218
КАК УМЕРЛА РЯБУШИНСКАЯ. Перевод с англ. С. Ирбисова	224

Альфред Э. Ван Вогт

ДАЛЕКИЙ ЦЕНТАВР. Перевод с англ. И. Невструева	236
КОТ! КОТ! Перевод с англ. И. Невструева	256

Литературно-художественное издание

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

Сборник фантастических рассказов

Составитель **С. Барсов**

Редактор **И. Мудрова**

Художественный редактор **В. Кременецкий**

Художник **В. Ан**

Технический редактор **И. Иорданская**

Корректор **И. Пигулевская**

Сдано в набор 26.06.91. Подписано в печать 31.10.91. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,81. Усл. кр.-отт. 16,28. Уч.-изд. л. 18,1. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3535.
Цена договорная.

Издательство «Флокс», г. Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32.

CDATA MOIPPAHA

